
ОГОНЁК
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Истринская школа имени А. П. Чехова, Московская область. Учительница Татьяна Ивановна Козлова сорок лет работает в школе. Она показывает новичкам класс, в котором они будут учиться.

Фото Я. Рюмкина.

На первой странице обложки: Фотоэтюд Дм. Бальтерманца.
Совхоз Кайранты, Акмолинской области, Казахской ССР.

На последней странице обложки: Демократическая Республика Вьетнам. Разлив в районе бухты Ха-Лонг.
Фото Дм. Бальтерманца.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 36(1525) 2 СЕНТЯБРЯ 1956 34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Радостные вести с полей

Со всех концов нашей страны поступают вести об уборке урожая. Досрочно выполнили план хлебозаготовок труженики Ставрополья, а вслед за ними — колхозы и совхозы Ростовской области. Ростовские хлеборобы уже к 24 августа сдали и продали государству 58 миллионов пудов и взяли дополнительное обязательство — сдать и продать еще не менее 7 миллионов пудов хлеба.

Наступили решающие дни уборки на целинных землях. Сдавать государству ежедневно по 25 — 28 миллионов пудов зерна — такую задачу взяли на себя хлеборобы Казахстана. 70 тысяч автомобилей занято здесь перевозкой зерна. Первый миллион гектаров скошен в Павлодарской области.

На Алтае значительную часть урожая убирают раздельно. В Завьяловском районе, например, почти все зерновые скашивают на свал. В колхозах выстроены новые навесы и хранилища, каждое из которых вмещает до тысячи центнеров.

На наших снимках запечатлены некоторые эпизоды уборки в Омской области. Вверху: комбайнер Иван Мужник ежедневно скашивает на полях колхоза имени Калинина, Молотовского района, до 70 гектаров. Справа внизу: муж и жена Михаил и Надежда Саган — передовики целинного совхоза «Красный Октябрь», Черлакского района; внизу: к агрегату комбайнера Ивана Карабейникова, работающего на полях колхоза имени Хрущева, Дробышевского района, привезли обед.

Фото С. Раскина.

К.Е.ВОРОШИЛОВ В

Тепло и сердечно встречала Финляндия Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова, посетившего эту страну по приглашению Президента Финляндской Республики У. К. Кекконена. В течение пяти дней К. Е. Ворошилов и сопровождающие его лица осматривали Хельсинки, побывали в городе Турку, небольшом промышленном городке Валкеакоски, поселке Тапиола, посетили промышленные предприятия, дома рабочих, совершили прогулку на ледоколе «Сису».

Эта поездка способствовала укреплению дружбы между Советским Союзом и Финляндией.

27 августа К. Е. Ворошилов и сопровождавшие его лица вернулись в Москву.

Фото специального корреспондента «Огонька» М. Савина.

Президент Финляндской Республики У. К. Кекконен с супругой, бывший Президент Финляндии Ю. К. Паасикиви и К. Е. Ворошилов.

Премьер-Министр Финляндии К. А. Фагерхольм и К. Е. Ворошилов.

В городе Валкеакоски.

В одном из производственных корпусов предприятий акционерного кооператива оптовой торговли в Хельсинки.

ФИНЛЯНДИИ

К. Е. Ворошилов, Президент Финляндской Республики У. К. Кекконен и другие официальные лица выходят из здания парламента после осмотра.

На судостроительной верфи «Крейтон-Вулкан».

В городе Турку. Дети преподносят К. Е. Ворошилову цветы.

Прибывшая в Москву по приглашению Верховного Совета СССР греческая парламентская делегация во главе с бывшим министром финансов Л. Ефтаксиасом 24 августа знакомилась с историческими памятниками и достопримечательностями Московского Кремля. Члены делегации посетили рабочий кабинет и квартиру В. И. Ленина. На снимке: глава делегации Л. Ефтаксиас делает запись в книге отзывов.

25 августа в Кремле заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ш. М. Арушанян принял Чрезвычайного и Полномочного Посла Королевства Камбоджи в Советском Союзе Ленг Нгета, вручившего верительные грамоты. →

Почему так много фотокорреспондентов на Комсомольской площади, возле Ленинградского вокзала? Кого они снимают?

Это не фотокорреспонденты, а итальянские туристы. Их триста человек. 27 августа они приехали из Ленинграда, куда накануне прибыли по Балтийскому морю из Амстердама. Фотографируют они Москву, москвичей и себя в Москве и с москвичами. Это первая группа туристов, приехавших в нашу страну из Италии. Москва радушно приняла их, показала им свои улицы, площади, театры, музеи.

↓ Снимки Я. Рюмкина.

ПРИБЫТИЕ ПРЕЗИДЕНТА ИНДОНЕЗИИ В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

28 августа Москва встречала Президента Республики Индонезии Сукарно, прибывшего в Советский Союз по приглашению Президиума Верховного Совета СССР. Этот визит славного сына 80-миллионного индонезийского народа является выдающимся событием. Он послужит дальнейшему развитию дружественных отношений между Республикой Индонезией и Советским Союзом, укреплению мира и мирного сотрудничества между всеми странами.

← Руководители партии и правительства на Центральном аэродроме во время встречи Президента Сукарно.

Президент Сукарно выходит из самолета. →

Фото Я. Рюмкина.

СУЭЦОМ УПРАВЛЯЕТ ЕГИПЕТ

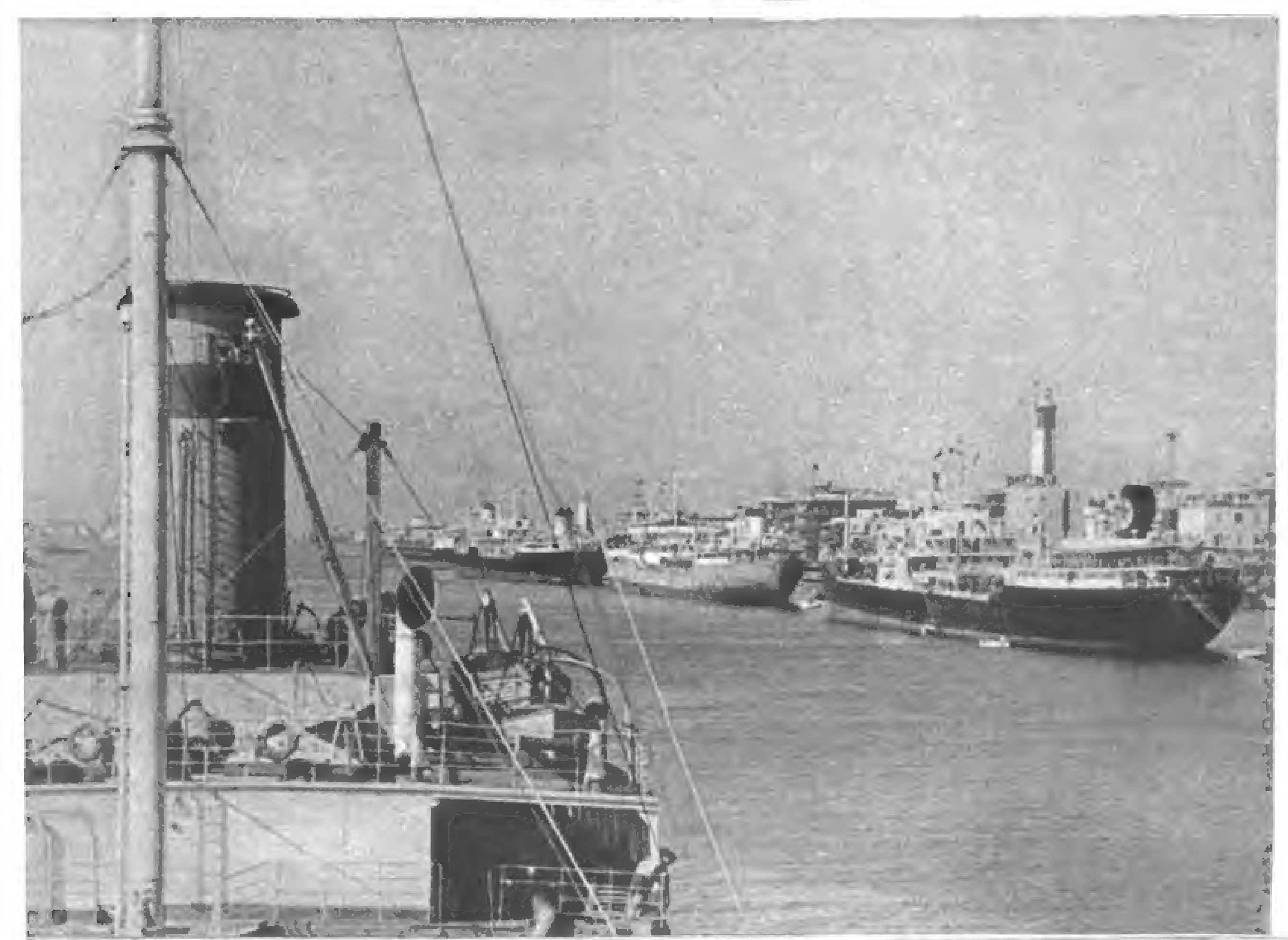
Сколько пессимистических пророчеств появилось в империалистической прессе после национализации компании Суэцкого канала! Сколько предсказаний неизбежного разрушения канала, расстройства судоходства, несчастных случаев! Но вот прошло уже больше месяца. Суэцкий канал продолжает благополучно функционировать, а перевозка груза по нему даже увеличилась. Во владение каналом вступил его законный хозяин — Египет.

Совещание правления Суэцкого канала. Правление состоит из 12 египтян. В правлении бывшей компании Суэцкого канала было 16 французов, 9 англичан, один американец, один датчанин и только 5 египтян.

Фото из журнала «Пикчер пост».

Этот снимок сделан 13 августа 1956 года советским моряком Н. Плавниным. Караван судов готовится к проходу через Суэцкий канал.

Отныне египетские, а не иностранные солдаты несут охрану здания правления бывшей компании Суэцкого канала.

Фото из журнала «Пикчер пост».

МОЖНО ЛИ ЗАПРЕТИТЬ ВЕТЕР?

Стефан ГЕЙМ

Конечно, можно издать закон, «запрещающий» коммунистическую партию. Если понатужиться, то можно даже приказать ветру не дуть. Но ветер следует своим собственным законам. И нередко превращается в бурю.

Суть дела именно в этом. Сколько царей и королей, «фюреров» и «дуче», президентов и канцлеров, сколько «верховных судей» многих стран мира пыталось в прошлом запретить коммунизм и партию рабочего класса! Но «фюрер» кончил порцией яда в железобетонном подвале под Вильгельмштрассе. «Дуче» был повешен вверх ногами. Царя тоже постигла народная кара. И кто их знает, где теперь все прочие господа, налагавшие запрет на коммунизм...

Право, история могла бы кое-чему научить судей в Карлсруэ и их работодателей!

Над всей этой махинацией, которую правительство Аденауэра и его американские вдохновители провели через западногерманский федеральный конституционный суд, витают тени прошлого. Несколько лет подряд господа судьи, не переставая длинно и нудно толковать о демократии и конституции, старались отогнать и рассеять эти неприятные тени, упорно принимающие форму свастики. И вот вынесен «приговор» о запрещении КПГ. На города и поселки Германии легла самая густая и отвратительная из этих теней.

Немцы во всей Германии хорошо помнят: тогда тоже началось с коммунистов, за ними последовали социал-демократы, потом профсоюзные деятели, затем католики и, наконец, все, у кого было хотя бы малейшее разногласие с «фюрером». А потом, как известно, пришла война.

Как все это знакомо! Министр внутренних дел боннского правительства, который, по его собственному выражению, «лично наблюдает» за осуществлением запрета КПГ, этот министр — в прошлом нацистский штурмовик. Людей, которых сейчас сотнями арестовывают, как и тогда, отправляют в тюрьмы ведомства «безопасности». Полицейские, рубахи которых еще не высохли от пота после домашних обысков у коммунистов и налетов на партийные бюро и редакции газет КПГ, уже берутся за профсоюзы, за рабочие советы, выбранные демократическим путем на фабриках и заводах.

Все здесь связано одно с другим. А какое удивительное совпадение во времени! Запрещение компартии последовало немедленно вслед за принятием закона об обязательной воинской повинности!

Да, были веские причины для того, чтобы почтенные судьи из Карлсруэ, которые три года подряд копались в параграфах конституции и уголовного кодекса, именно в эти дни вынесли свое решение.

Зададим себе вопрос: когда и при каких обстоятельствах начинают запрещать коммунистические партии? Ответ ясен: тогда, когда правящая буржуазия уже настолько слаба, что чувствует себя окруженной опасностями, но еще настолько сильна, что считает себя способной «отменить» коммунизм.

В том, что западногерманская буржуазия, подпираемая американской армией и всем международным монополистическим капиталом, еще достаточно сильна, чтобы суметь пустить в дело полицейский аппарат и посадить в яму сотни и тысячи рабочих-коммунистов, — в этом, конечно, нет сомнения.

Но откуда слабость, внутренняя слабость правящей буржуазии Бонна? Откуда у нее этот страх перед грозящей опасностью, до того ярко выраженный страх, что она решилась даже поступиться таким аргументом в пользу хваленой «западной демократии», как легальное существование в Западной Германии коммунистической партии? Может быть, ее страшат те простые люди, которые поддерживают эту партию?

Им не угрожает никто. Это они хотят угрожать другим. Это они с американского благословения и на американские деньги хотят поставить на ноги миллионную армию ландскнехтов, вооруженную атомным, ракетным и прочим оружием. А это возможно только в том случае, если будут удушены последние, даже малейшие проявления несогласия и протеста.

Чего они боятся? Они боятся все возрастающего отвращения немцев к солдатчине и шагистике, а тем более к войне. Правители Бонна знают, что впервые в новой истории Германии выросло поколение, которое не хочет влезать в солдатский мундир. Жестокие уроки прошлой войны все-таки сделали свое дело, и молодые люди предпочитают прогулки на велосипедах прогулкам на танках.

Господа, устроившие судебную комедию в Карлсруэ, больше всего боятся тяги людей к миру. Поэтому они и хотят заглушить голос мира.

Удастся ли им то, что они задумали?

Разумеется, с помощью террора и полицейских дубинок можно кое-чего достигнуть. По крайней мере, на некоторый срок — у Гитлера он выразился в тринадцать лет. Однако гитлеровская империя распространялась на всю Германию, а одно время почти на всю Европу. Федеративная республика господина Аденауэра, которая все более становится преемником третьего рейха, — это лишь тонкая полоска земли между Эльбой и Рейном, в хорошей автомашине ее можно проехать за несколько часов...

И вот они хотят остановить и повернуть назад колесо истории. Они замышляют это на глазах миллионов и миллионов рабочих, которые к западу от Рейна и к югу от Альп стоят под знаменами коммунистических партий; на глазах у народа Германской Демократической Республики, где идеи коммунизма воплощаются в реальную действительность; на глазах у западногерманских рабочих, которые знают, что коммунисты служат делу трудящихся и готовы жертвовать для него всем, вплоть до собственной жизни.

Свой безнадежный поход против коммунизма эти господа продолжают в тот исторический период, когда все новые и новые народы сбрасывают с себя ненавистное иго империализма.

Можно, конечно, запретить ветер. Но ветер следует своим собственным законам.

«БЕЛАЯ КНИГА» РАЗОБЛАЧАЕТ СУДЕЙ КАРЛСРУЭ

Боннские власти готовились долго... Почти пять лет назад — двадцать третьего ноября 1951 года — федеральное правительство обратилось в конституционный суд в Карлсруэ с требованием объявить Коммунистическую партию Германии вне закона.

Весь ход провокационного «процесса» против Коммунистической партии Германии отражен в «Белой книге», изданной Правлением КПГ в Берлине. (Книга подготовляется в настоящее время к изданию на русском языке издательством «Иностранная литература».)

Среди многочисленных документов, уличающих организаторов «процесса» и раскрывающих их реакционные замыслы, «Белая книга» приводит фотокопию весьма любопытного документа. Это подробный отчет о процессе над Коммунистической партией Соединенных Штатов Америки, изданный небезызвестной комиссией американского сената «по борьбе с подрывной деятельностью». Отчет был специально переведен на немецкий язык и напечатан в типографии конгресса США в Вашингтоне. Затем он был вручен через боннское правительство немецким судьям в Карлсруэ — в качестве инструкции, как надо вести процесс против коммунистов. Боннские власти, конечно, старались сохранить в тайне эту дружескую услугу заокеанских блюстителей закона. Об этом свидетельствует другой документ, опубликованный в «Белой книге». Один из находившихся в Бонне буржуазных журналистов, узнав об американской шпаргалке, обратился в западногерманскую организацию «Бундесцентрале фюр хейматдинст», входящую в боннское министерство внутренних дел, с просьбой предоставить ему текст американского судебного отчета. Журналист получил следующий ответ:

«Господину Роберту Штейгервальду, в настоящее время проживающему в Карлсруэ, Шлосс-Отель.

Многоуважаемый господин Штейгервальд!

Будьте любезны и не считайте это за сверхосторожность с нашей стороны, но мне известно, что в настоящее время в Карлсруэ находится много коммунистов, и я поэтому не могу послать Вам материал, который Вы просите. Представьте сначала краткие сведения о Вашей личности — без этого Ваша просьба не может быть выполнена.

С глубоким уважением
Начальник отдела I-А (подпись)».

Два документа из «Белой книги» показывают закулисных режиссеров судилища в Карлсруэ.

Э. САВЕЛИН

SENAT

AUSSCHUSS ZUR BEKÄMPFUNG UMSTÜRZLERISCHER TÄTIGKEIT

BERICHT DES AUSSCHUSSES

Unterbreitet durch Mr. McCARRAN

Обложка изданного в Вашингтоне на немецком языке отчета о суде над Коммунистической партией США.

Bundeszentrale
für Heimatdienst
3500/Tr.v.3/Kt.

Bonn, am 27. November 1956

BONN

Herrn
Robert Steigerwald
z.Zt. Karlsruhe
Schloß-Hotel

Betr.: US-Senatsbericht.
Bezug: Ihr Schreiben vom 21.11.56.

Sehr geehrter Herr Steigerwald !

Bitte halten Sie uns nicht für übervorsichtig, aber mir ist bekannt, daß sich z.Zt. noch viele Kommunisten in Karlsruhe aufhalten, und ich möchte Ihnen unser Material nicht schicken. Deshalb erklären Sie sich noch bitte kurz zu Ihrer Person, ehe ich Ihren Wunsch erfülle.

Mit vorzüglicher Hochachtung!
i.A.

Письмо журналисту Штейгервальду с отказом предоставить американский документ.

К 11-й годовщине провозглашения Демократической Республики Вьетнам

КАПЕЛЬКА ЖИЗНИ

Г. БОРОВИК

Среди блокнотов, исписанных во Вьетнаме, сохранился листок, где всего несколько слов: «Товарищ Ки. Букварь. Рабочие. В парке».

Вот история этого листка.

По вечерам все корреспонденты, жившие в маленьком отеле-особняке в Ханое, собирались в самой большой комнате, где стоял длинный обеденный стол. Их было довольно много, но мест почти всегда хватало: ведь обязательно кого-то нет, кто-то в поездке. Только изредка комната оказывалась переполненной. Это значило, что все собрались в Ханое: и высоченный добродушный итальянец Каламандре из «Унита», и быстрая, чуть насмешливая Мадлен Риффо из «Юманите», и вся польская киногруппа — Владислав Форберт, Елена Леманьска, Роман Пшешевский, которых здесь в шутку прозвали «паньством», и Барчетт из «Дейли уоркер», и корреспонденты «Правды», «Известий», «Красной звезды», «Огонька».

Но совершенно безразлично — пятнадцать человек за столом или трое: все равно разговоры были бурные. Все мы успели страстно полюбить народный Вьетнам, накопили уйму впечатлений, мыслей, вопросов друг к другу.

В один из таких вечеров оператор Владислав Форберт, приехавший в тот день из Сайгона, резиденции южновьетнамских властей, рассказывал о том, что он там увидел.

Польская киногруппа долго добивалась возможности побывать в Южном Вьетнаме. Наконец добилась. Но в Сайгоне южновьетнамские власти объявили, что производить киносъемку запрещается.

Тогда трое поляков по частям внесли киноаппаратуру в номер гостиницы, где они жили, закрепили камеру на штативе и, чуть-чуть приоткрыв жалюзи окна, начали снимать все, что происходило перед ними на улице. Они почти не делали отбора. Объектив беспристрастно запечатлевал все, что попадало в поле его зрения: умирающих от голода на тротуаре «беженцев», насильно привезенных с Севера; шикарную витрину магазина с французскими, американскими этикетками на товарах; немногочисленных французов, с опаской переходивших улицу; не всегда трезвых американцев, пристававших к женщинам; бурную демонстрацию вьетнамцев, требовавших объединения Юга с Севером.

Операторы дежурили около кинокамеры несколько дней подряд и привезли запечатленную на пленке капельку жизни в Сайгоне, капельку, в которой отражается жизнь Южного Вьетнама. На последнем кадре у них изображено окно и медленно опускающиеся жалюзи.

Польские товарищи отправили пленку в Варшаву на самолете, назвав эту тему «Репортаж из окна отеля».

Все слушали, не перебивая. За окном шумел вечерний, не очень ярко освещенный Ханой, ставший таким близким и родным за несколько недель, что мы здесь. Только что прошел дождь, и деревья, электрические фонари, дома спешили наглядеться на себя в блестящем черном асфальте тротуаров и мостовых. Город красив и спокоен.

Тут-то и появился листок, о котором говорилось вначале. Я записал на нем то, что увидел из окна гостиницы. Это тоже только капелька жизни, но совсем другой жизни...

Товарищ Ки. Букварь

...Из комнаты переводчиков доносится стук пишущей машинки и тихие звуки банджо. Сквозь открытое окно я вижу нашего переводчика товарища Ки, склонившегося над книгой. Каждую свободную минуту он проводит за работой: ему поручили составить букварь для младших классов вьетнамских школ и для народных курсов ликвидации неграмотности. Накануне мы случайно узнали, что несколько дней назад к товарищу Ки приехала из далекой деревни жена, которую он не видел шесть лет — со времени своего ухода в партизаны. Теперь, наконец, они будут жить вместе. Жена приехала вечером, как раз накануне нашего отъезда в северо-западные районы страны. Я спросил Ки, почему он не сказал нам о таком событии: мы могли бы отложить поездку на два — три дня.

Ки удивился вопросу, потом чуть смущенно разъяснил:

— Жена — мое частное дело. А поездка — наше общее.

Рабочие

...С улицы под окном слышится возглас: «Ай ан кэм кэ-э-эм! Ай ан кэм кэ-э-эм!» Трое мальчишек несут на плечах по маленькому коромыслу с двумя ведерками-термосами. Они продают мороженое. «Тран хай кэ-э-эм!» — несется весело и задорно. Это уже последние продавцы. Скоро улицы опустеют совсем: ханойцы рано ложатся спать. Вот издалека доносятся стук, скрип, скрежет, голоса: это закрываются маленькие магазинчики, мастерские жестянщиков, сапожников, шорников; на берегу озера, как раз напротив нашего окна, женщина складывает в корзину кокосовые орехи — торговля окончена. Проходят шумной группой рабочие-вагоноремонтники — крепкие, плечистые люди.

Когда делалась запись на листочке, вагоноремонтный завод и типография были, пожалуй, единственными крупными предприятиями Ханоя. Но прошел год, и в Ханое уже действуют спиртовой завод, пивоваренный, спичечный, оснащенный китайским оборудованием. Рабочих в Ханое стало больше, да и не только в Ханое, но по всей стране. За этот год пошли поезда по нескольким вновь восстановленным железным дорогам, в Хайфоне за 13 дней до срока восстановлен фосфатный завод, скоро войдет в строй завод рыбных консервов, в горах Вьет-Бака начнет действовать оловянный рудник, в Фу-То — чайная фабрика... Всего не перечесть. В сельскохозяйственной стране растут промышленность и рабочий класс...

Этим людям многое надо знать. И, наверное, кое-кто из них учится сейчас грамоте по букварю, составленному товарищем Ки. И они, как и Ки, отдают этому все свое свободное время. Ведь научиться писать и читать — это дело не личное, а общее.

В парке

Из нашего окна слышна музыка, доносящаяся из парка: там летний театр, где по вечерам демонстрируют фильмы вьетнамские, китайские, советские.

Но иногда зрительный зал театра, вмещающий больше 10 тысяч человек, становится местом митингов. На одном из таких митингов мы присутствовали. Он был посвящен борьбе за объединение страны.

Одна из улиц Ханоя.
Фото Д. Бальтерманца.

Больше 15 тысяч человек — рабочие государственных и частных предприятий, служащие, врачи, учителя, представители общественных организаций, корреспонденты — собралось в летнем театре.

На сцену вышел один из распорядителей с красным бантом на груди:

— Предлагаю во время выступлений не вставать с места и не двигаться к трибуне. Согласны?

— Согласны! — одобрительно кричат все 15 тысяч.

— Предлагаю, чтобы во время выступлений слушатели по возможности не выражали громко свои чувства. Согласны?

— Согласны! — несется из зала.

Начался митинг. И тут выяснилось, что меры, которые принимал распорядитель, ничего не значили. Как только речь заходила об объединении родины, весь зал, как один человек, вставал и криками выражал одобрение словам выступающего.

— Женевское соглашение,— говорил рабочий вагоноремонтного завода,— было нашей победой. По обе стороны от семнадцатой параллели установился мир, но семнадцатая параллель — это временная линия. Она не может разделить нашу страну на две части.

— Не может! Не может! Не может! — несется пятнадцатитысячеустое.

— Наша страна едина давно! Наши предки погибали за это единство. Никто не может разделить нашу страну,— говорит седой учитель.

— Никто! Никто! Никто! — раздается в ответ.

— Юг и Север — это одна семья. У нас общие права, общий язык. Когда мы не едины, мы чувствуем себя так, будто у нас нет рук или ног.

— Одна семья! Одна семья! — гремит зал.

— Мы хотим выполнения женевских решений до конца. Мы требуем проведения всеобщих выборов. Мы будем бороться за них! — призывает грузчик.

— Будем бороться! — твердо вторит зал.

— Мы не позволим ни южновьетнамским властям, ни их хозяевам дробить нашу страну. Так говорит весь наш народ!

— Весь народ! Весь народ! — яростно кричит зал, и я вижу, как вместе со всеми кричит распорядитель с красной лентой на груди. Он позабыл, что только что призывал к тишине. Сейчас он просто вьетнамец. А для каждого вьетнамца нет ничего важнее на свете, чем единая, свободная родина — Вьетнам.

И для этих ребятишек из школы национального автономного округа Тай-Мео трудился товарищ Ки.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА

Валентина Владимировна Зубакина.

Мих. ЗЛАТОГОРОВ

«...И вот уже первая группа наших учеников получила аттестаты зрелости. В море кончили десятилетку. Как это здорово, не правда ли?! Наш директор Павел Григорьевич сфотографировал группу — посылаем снимок. Сейчас думаем о том, как лучше организовать консультации на кораблях. Неплохо бы устроить совещание учителей-«моряков». Кроме нашей Мурманской, работают уже школы во Владивостоке и Петропавловске-на-Камчатке. Всякое новое дело требует обмена опытом. Не помешало бы и министерствам — просвещения и рыбной промышленности — поближе заинтересоваться нашей работой: все еще мало учебников, приборов... До свидания. Готовлюсь сейчас к новому рейсу в Атлантику...»

Откладываю письмо и вижу причал в Мурманске, мачты разгружаемых траулеров, краны и среди кранов, бочек, портовых сооружений — светловолосую девушку, тонкую в стане, с обвивающим шею легким шелковым шарфиком, с пачкой тетрадей подмышкой.

— Школе дали наконец приличное помещение. Приходите посмотреть! Четыреста пятьдесят моряков уже учатся!

Вижу еще невысокий деревянный дом на Траловой улице, вблизи Рыбного порта, комнату с таблицами и картами на стенах, куда заходят парни в бушлатах, форменках: «Я с траулера. Хочу сдать физику...», «У меня хвост по литературе...»

Заочная средняя школа моряков. Там она работает, хрупкая девушка со светловолосой головкой, комсомолка Валентина Зубакина.

Люди, создавшие эту необычную школу, опрокинули мнение скептиков, что заочное обучение якобы не для моряков.

...Припоминаю встречи на траулерах. Худощавый, с задумчивыми глазами моторист Володя Белентьев — заядлый шахматист и спорщик. Были у Белентьева такие часы между вахтами, когда ничто не могло оторвать его от столика в каюте, на котором он раскладывал учебники и тетради: готовился после рейса сдавать экзамены на получение звания механика. Мечтательный матрос Макаров читал поэмы Пушкина, популярную брошюру по астрономии, изучал курс физики: рано ушел в море, не закончил и пяти классов, теперь наверстывал. Да разве только молодежь? Пожилой рыбоприемщик спрашивал друзей, как ему овладеть вычислением процентов. Женившийся на студентке промысловик делился: «Как мне хотя бы за седьмой класс сдать, ведь стыдно: она будет с образованием, а я так отстал...»

Мурманские товарищи подсчитали, что к началу 1955 года лишь шесть с половиной процентов от общего количества моряков тралового флота имели среднее и высшее образование.

Наконец заочная школа родилась. Она ютилась вначале в трехметровой комнатушке возле прорабской, на льдобазе флота. Осенью прошлого года зачинателям предоставили комнату в бывшем общежитии. Там уже могли вместиться два стола, но лишний стул поставить было негде, а о библиотеке, наглядных пособиях можно было пока только мечтать. Не хватало школе и преподавателей. Где они, энтузиасты, которые бы охотно взялись принимать в море зачеты, давать консультации, привлекать новых учащихся?

Вот в эти дни и пришла к Павлу Григорьевичу Князеву, директору заочной школы, Валентина Зубакина. Она просила послать ее в море. Коренная мурманчанка, она приехала из Ленинграда, где окончила институт иностранных языков и получила специальность преподавательницы английского языка.

— Придется переходить с корабля на корабль,— предупредил Князев.

— Как все преподаватели, так и я.

Князев колебался. Люди очень нужны, но... Не очень-то верилось ему, что эта изящная девушка, с надушенным платочком, сумеет найти себя на скользких палубах, в тесных кубриках, среди суровых людей моря. Тут требовались педагоги особого склада. Вот преподаватель литературы Николай Петрович Пустынцев — офицер запаса, фронтовик; ему походный морской быт по плечу. Желанным гостем на кораблях становится и историк, он же инспектор-методист Александр Федорович Рябинин, напористый организатор, веселый, общительный человек. Но это воздушное создание...

— Попробуем,— сказал Князев.— Начнете на пароходе «Илья Репин». Курсирует по маршруту Мурманск — Иоканга... Запишите фамилии учащихся...

Родители Валентины отнеслись к решению дочери настороженно.

Отец, Владимир Михайлович, прошел путь от матроса до капитана. Он любил море, любил свое благородное беспокойное дело, но был далек от того, чтобы идеализировать морской труд и быт. Ему казалось, что дочка поступила непродуманно.

— Мало матери за меня тревожиться... теперь и за тебя! Разве в городе нет работы?

— Папа, а кто это говорил: «В море горе, а без моря — вдвое»?

Памятливая, запомнила матросскую поговорку. Еще маленькой приходила к нему в порт, лазила по всему тральщику.

— Не дело для тебя в море ходить. Не выдержишь.

— А ты почему не хочешь на берег списаться?

Не переспоришь! И кто же мог ожидать такое? Преподавательница иностранного языка,— и вот тебе, тоже становится морячкой.

Первый рейс заставил Валентину горько припоминать предупреждения отца. Основательно укачало. Лежала в каюте, сама над собой иронизировала: «Умирающий лебедь!..»

В дверь каюты осторожно просовывались руки неведомых друзей: ставили на стол тарелки с ломтиками лимона, капустой, намазанными горчицей корочками.

— Как себя чувствуете, Валентина Владимировна?

Они завершили среднее образование в море. Группа выпускников-моряков после сдачи последнего экзамена на аттестат зрелости.

Фото П. Князева.

На стоянках приходила в себя, бралась за дело. Овладеть английским хотели многие: «Без него нельзя...» Допытывались: почему по-русски скажешь одно слово, а по-английски для выражения этой же мысли надо иногда пять? Как запомнить перечень неправильных глаголов? Но старались, старались вовсю.

— Замечательное вы дело придумали! — благодарили моряки, когда она рассказывала им о программе школы, о том, что имеющим восьмилетнее образование можно через полтора — два года окончить десятилетку, стоит только захотеть.

Ничто так не поднимает веры в себя, как ощущение твоей полезности людям. Стойким делает это чувство человека. Быть может, именно оно и помогло Валентине перебороть новые приступы морской болезни, когда после «Репина» с группой других преподавателей попала она на плавучую базу сельдяного флота «Воркута».

База курсировала возле острова Ян-Майен. Здесь промышляла целая флотилия траулеров, которые время от времени подходили к базе и сдавали бочки с сельдью. Валентина часто думала о людях, бороздивших воды Атлантики на этих небольших, плясавших на волне суденышках. На полгода покинули они Мурманск. Полгода только вода, сети, небо, вода... А ведь там были в большинстве молодые ребята — даром что отрастили бороды! — жизнерадостные, любознательные, полные энергии!

С корабля на корабль — одна нога на веревочной перекладинке штормтрапа, другая на планшире — так кочевали преподаватели заочной школы. Скоро уже вся флотилия знала, что можно учиться «без отрыва от моря».

Все больше становилось учеников. В красном уголке «Воркуты» принимались зачеты. Валентина любила встречать суденышки. Штормит, с низкой, заливаемой водой палубы рыболовного судна готовятся бросить конец на высокую палубу базы... Видны фигурки в брезентовых робах. Кто-то из моряков делает знак: подготовились, мол, товарищ учительница, выполнили задание, всё в порядке. Если трудно бывало пришвартоваться из-за сильной волны, швыряли наверх рукавицу, а в рукавице — тетрадки, листки контрольных работ.

В Мурманске, на Траловой улице. В заочную школу моряков пришли сдавать экзамены по физике Ю. Просвиров (сидит) и С. Аксенов.

Нельзя было не восхищаться упорством заочников-моряков. Когда Валентина видела, как матрос, только что отработавший тяжелую вахту, вынимал истрепанный учебник и смущенно просил разъяснить непонятное место или как другой, вспомнив про забытую в кубрике тетрадку, прыгал с базы на суденышко и снова взбирался по штормтрапу (а это было совсем не просто в свежую погоду), ей хотелось обнять этих людей.

На базе она жила с подругой Риммой Акштейн, такой же начинающей учительницей, окончившей пединститут в Смоленске. Специальностью Риммы была химия. Часто случалось, что, кроме Валентины и Риммы, никого на базе из преподавателей не оставалось, и тогда подруги принимали зачеты не только по своим предметам, но и по математике, физике. Но для этого надо было освежить в памяти свои познания. До глубокой ночи упражнялись они в решении задач и теорем.

Никто не мог точно сказать, когда подойдет к базе то или иное судно. Разгрузка начиналась немедленно. И вот чтобы пришедшие ночью моряки-заочники не остались без консультаций, подруги перед тем, как уйти в каюту, вывешивали в красном уголке объявление:

«Учителя живут в каюте № 78. Стучите!»

Им стучали, они быстро одевались, шли принимать зачеты, беседовать.

Необыкновенно интересно было ближе, глубже узнавать тружеников моря, входить в подробности их быта.

На траулере «42-81» вторым помощником плавал Виктор Казакевич. Обрамляя круглое веселое молодое лицо, курчавилась рыжая «шотландская» бородка. «Директор» — так звали его товарищи. Оказывается, Казакевич превратил свой кубрик в школу: не только сам занимался, но в строго определенные часы заставлял заниматься и товарищей — механика Леонтьева, матроса Балахнова.

— Я, как директор школы, разработал график, — совершенно серьезно рассказывал Казакевич. — Для каждого предмета свое время. Если сильно качает, гуманитарные дисциплины. Это можно и на коечке изучать: литература, история... Штиль — черчение. При пяти — шести баллах полезно решать алгебраические уравнения. А для английского у нас особый метод. Десять слов на день. Выпишем десять слов — и за рамочку, на переборку. Чтобы всегда перед глазами... Одобряете?

— Одобряю! — улыбнулась Валентина.

Потом как-то в порту повстречали этого Казакевича, выбритого до синевы.

— А где же борода?

— В Норвегии осталась!

Рассказал, что недавно пришлось всей команде погостить в норвежском порту Олесунн. На корабль заглянул американский корреспондент. Поинтересовался матросскими кубриками. Там всюду книги. Берет корреспондент книжку, листает — курс геометрии. Берет другую — грамматика английского языка. Берет третью — химия... «Здесь корабль или школа?» — спросил он. «Плавучая школа моряков», — отчеканил Казакевич по-английски.

Радостно удивил Валентину отец: то иронически относился ко всей затее с заочной школой, а то вдруг сам записался в нее. В свое время закончил курсы капитанов малого плавания, знания были, но решил идти дальше.

— А ты у меня совсем оморячилась, — сказал он Валентине то ли с лаской, то ли с грустью.

Прошло меньше года, как Валентина первый раз вышла навстречу океанским ветрам, а ей казалось, что прожиты годы.

Иной раз она чувствовала, что получивший консультацию моряк медлит покинуть красный уголок, не торопится собрать свои книжки, записи, словно что-то осталось ему неясным. Сначала казалось, что не сумела доходчиво растолковать какое-нибудь грамматическое правило, математический закон. Но потом поняла: есть у моряков потребность поделиться своим, глубоко личным, спросить простого человеческого совета.

У одного матроса «жизнь дала трещину»: женился на дивчине из-под Полтавы, привез ее в Мурманск, устроил, а она поддалась влиянию писем, которые получала от матери, и уехала обратно — под материнское крылышко. Как ему быть? Писать жене или не писать? Теща его не взлюбила с первого взгляда. «Почему вы не капитан?» — спросила она его. «А почему вы не профессор?» Вот за этого «профессора» теща ему и отомстила: разбила семью. Иной раз на стоянке зайдет на почту, возьмет лист бумаги, начнет писать жене — слова льются из души, такие слова, что не могут ее не затронуть, — а потом скомкает письмо, порвет...

Трудно было что-либо посоветовать этой страдающей чистой матросской душе. И все же сказала ему: не отступайте, боритесь за свою любовь, ведь у вас сильный характер, вы доказали это своей волей к учебе!

Перед отъездом из Мурманска мне не удалось еще раз поговорить с Валентиной Зубакиной. И теперь я перечитываю ее письмо — взволнованный рассказ об успешном завершении учебного года, о планах на будущее. Они уже осуществляются, — новый учебный год начался и в море. Счастливого плавания, успехов в благородном труде, энтузиасты!

ЯПОНСКАЯ ГРАВЮРА

Зарождение японской цветной гравюры на дереве и последующее блестящее развитие ее связывают обычно с реалистическими устремлениями так называемой школы «укийо-е», выдвинувшей на протяжении XVII—XIX столетий плеяду великолепных мастеров-граверов.

Исследователи культуры Японии называют «отцом японской гравюры» Хисикава Моронобу. Свои гравюры он вырезал на одной доске и печатал их только черной краской на белой бумаге, изредка еще раскрашивая от руки. Цветная гравюра — печать с нескольких досок, каждая из которых дает свой цвет, — появилась несколько позднее, в середине XVIII века. Нововведение это связывают с именем Харунобу, который прославился изображением красавиц Эдо, как назывался в старину Токио. Своего полного развития цветная гравюра достигла в творчестве Утамаро, работавшего на рубеже XVIII и XIX веков. В литературных источниках того времени говорится, что «слава его прогремела и за морем». Утамаро изображал преимущественно женщин — в домашнем быту, на прогулке, за работой. Нежны и гармоничны сочетания тонов, певучих, упругих ритмов линий его гравюр.

Крупнейший мастер японской цветной гравюры — Катсусика Хокусай. Его зрелое творчество приходится на первую половину XIX века. Это был неутомимый труженик, создавший за свою шестидесятилетнюю деятельность свыше тридцати тысяч гравюр и рисунков. Неспроста подписывался он в последние годы жизни: «Хокусай, старик, одержимый рисованием». Он называл еще себя «крестьянином из Катсусика», и в этих словах — ключ к пониманию всего его искусства. Хокусай любил изображать крестьян за работой — в поле, на молотьбе, — кузнецов, бочаров, пильщиков. Ему близка была жизнь сельской и городской бедноты. Он и сам неустанно трудился и постоянно бедствовал, вынужденный обращаться к друзьям за помощью с письмами, где рисовал руку, протягивающую монету, — горькая шутка художника, чье искусство было чуждо власть имущим. Много создал Хокусай и пейзажей родной страны, с особым увлечением изображая знаменитую гору Фудзи.

Как мастер пейзажа прославился Утагава Хиросигэ, младший современник Хокусая. Неутомимый путешественник, он объездил чуть ли не всю страну, запечатлев в многочисленных своих пейзажах ее города, селения, горы, переправы на реках и озерах, бухты и заливы на морском побережье и, конечно, воспетую в народе снежноголовую Фудзи. Хиросигэ привлекают красочные эффекты в природе: пылающий на волнах отсвет заходящего солнца, синева моря, туманная дымка, окутывающая далекие горы, деревья на фоне ночного неба, освещенные луной. Поэтической прелестью овеяны его гравюры, всем своим образным строем, самой манерой изображения как бы перекликающиеся с лирической японской поэзией, с образами коротких, трехстрочных стихотворений — «хокку»:

Осенняя луна
Сосну рисует тушью
На синих небесах.

В. ИВАНОВ

Хиросигэ. ФЕЙЕРВЕРК В СТОЛИЦЕ. Из серии «Виды города Токио».

Утамаро. ПОРТРЕТ ЖЕНЩИНЫ

Хокусай. БОЛЬШИЕ ВОЛНЫ. Из серии «36 видов горы Фудзи».

Хокусай. ФУДЗИ НА ЗАКАТЕ. Из серии «36 видов горы Фудзи».

СУД БРАТЬЕВ

Из нового романа

Всеволод КОЧЕТОВ

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

I

Дочитав письмо, Платон Тимофеевич положил его обратно в конверт, порассматривал штемпель с названием далекого селения, такого далекого, что почта оттуда шла без малого три недели, снял очки и от стола пересел к раскрытому окну.

За окном, минутах в десяти пешего хода, лежало неспокойное серое море. Утренний ветер, пахнущий рыбой, гладил Платона Тимофеевича по слутенным остаткам седых волос, но, теплый, не освежал. В голове было туманно и тупо. Вчера немножко погуляли, как в общем-то и положено быть тому субботним вечером; да опять не рассчитал Платон Тимофеевич, перехватил лишку: получилось совсем не немножко, вечерние события помнились смутно.

Из кухни, навстречу ветру с моря, тянуло оладьями; там шипело и щелкало на сковородках.

Заслышав шаги, Платон Тимофеевич обернулся. В дверях с ножом в руке стояла Евдокия Устиновна.

— Что пишет-то? — спросила она, кивнув на письмо, оставленное посреди стола.

— Ну что, что!.. — Платон Тимофеевич поморщился, потер лоб кулаком. — Домой просится. Примем или нет, спрашивает. Бесприютно, говорит, без родных-то.

— Примем или нет... — Евдокия Устиновна, сама того не замечая, углом чистого фартука протирала масляное лезвие ножа, пачкающее чистый фартук. — Бесприютно... Что же отвечать будешь?

— Опять что! Отец я ему, по-твоему? Сам при голове. Как знает, так пускай и жительствует.

— Он, надо быть, не навязывается. Совета спрашивает. Как лучше.

— Как лучше, как лучше! Завела граммофон! — Платон Тимофеевич встал со стула. Его качнуло. — Неужто рассольцу у тебя не осталось?

— А ты у граммофона рассольцу проси! — Евдокия Устиновна ушла, заслышав, что стрельба на сковородках в кухне усилилась.

Платон Тимофеевич остановился возле этажерки с книгами, над которой на стене, в рамках и без рамок, тремя веерами и в два ряда под веерами размещались семейные фотографии. В группах и поодиночке были тут, как давным-давно подсчитано на досуге, сорок три персоны, включая, само собой разумеется, и главу обширной семьи Ершовых, замученного гитлеровцами, и недолго прожившую после его гибели мать семейства, и убитого на войне одного из братьев Платона Тимофеевича, Игната, и там же сложивших свои лобастые головы двоих племянников, и благополучно здравствующих зятьев, снох и свояченец с их чадами. Кого только не было тут среди этой ершовской породы!.. И доменщики, и сталевары, и партийные работники, и студенты, и артистки, и даже — вон он, кипучий деятель, при бабочке вместо галстука! — директор театра, брат Яков.

Один отсутствовал, сорок четвертый, хотя касательство до этой выставки портретов он имел полное и мог бы в самом центре, налево или направо от начальника и начальницы рода, занимать должное место.

Платон Тимофеевич снова потер кулаком гудевший лоб, постоял посреди комнаты, поразмышлял и развел руками. Как лучше! А как оно лучше! Кто про то знает, любопытно бы спросить...

Евдокия Устиновна, наведя порядок на кухне, возвратилась. Она выдвинула верхний ящик комода, покопалась в коробке из-под мармелада, среди пожелтевших квитанций об уплате за квартиру и свет, меж таинственных рецептов, неведомо кому, когда, кем и от каких болезней прописанных, меж старых рублей и трешниц, утративших силу в тысяча девятьсот сорок седьмом году, отыскала фотографию молодого парня и поставила ее на комоде, прислонив к зеленой вазочке с пучком пестро, под фазаний хвост выкрашенного ко- [illegible]

Платон Тимофеевич подошел ближе, всмотрелся в портрет: лобастый, как все Ершовы, глаза глубокие, темные, губы толстые, уши торчат в стороны. С другой породой не перепутаешь — что верно, то верно. А вот беды натворил, всю семью опозорил.

— Сколько ему годов-то будет? — спросила, не то вслух выразила свое раздумье Евдокия Устиновна.

— Да так вроде бы под сорок. На войну комсомольцем уходил... Дашь ты мне питья какого или к соседям идти из дому? — вскипел вдруг Платон Тимофеевич, повышая голос. — Горло дерет от сухости.

— К соседям тебе так и так идти. — Евдокия Устиновна сделала строгое лицо. — Ни одного воскресенья не может по-человечески провести. В первом часу притащился... Этак ты на огороде был!

— На огороде, верное слово! Хочешь, полный контроль наводи — все рядки промотыжил.

— Рядки, рядки! А чего куме пришел, наговорил! Филипповну обсмеял всю! Клавдию Дмитриевну обидел... Как только слова такие у человека с языка сыплются! Тебя послушать — уши обгорят.

Платон Тимофеевич повесил голову. Каждую субботу история: непременно перехватит; хотя зарок дает себе самый категорический — сто граммов, и точка; ну в крайности — сто пятьдесят. А вот перехватил — и пошла, поехала! Как на грех, еще эти соседки да кумушки под руку подвернутся...

По комнатам растекался запах горелого. Евдокия Устиновна бросилась в кухню...

Чай пили с оладьями, с которых уголь надо было соскабливать ножом.

— А ребята где? — спросил Платон Тимофеевич, терпеливо выполняя эту работу.

— Один ты с такой головой маешься до двенадцати. У людей-то у добрых день когда начался!

Платон Тимофеевич отбросил нож, отставил чашку. Ему и самому было тошно оттого, что у него все не как у людей. Другой бы сейчас по дому занялся, на море пошел, книжку почитал, а он — нет, у него иная забота: по всем этим обиженным вчера бабам идти прощения просить. Чертовы бабы куражиться начнут, губы пузырем раздуют, ну потом-то, ясное дело, снизойдут: ладно, мол, чего там, люди свои, не со злобы, понимаем, с кем не случается...

— Давай, Дуня, пиджак. Пойду.

Евдокия Устиновна достала из гардероба черный выходной пиджак на плечиках, смахнула с него невидимую пыль щеткой, сняла с плечиков, подала.

— Не заляпай там... угощать-то когда будут.

— А с чего это меня угощать?

— С того, что бабье сердце отходчивое. Это вы, как возьметесь человека поедом есть, так до тех пор спокою вам нету, покудова всего не сгрызете. Что Степану-то ответишь?

— Степке-то? — Платон Тимофеевич всунул руки в рукава поданного Евдокией Устиновной пиджака. — Вот ломаю голову, Дуня. По-моему, если так, пусть едет, жалко, что ли. Но ведь с чего же это я важное для семьи дело единолично решать буду? Решу, а еще вопрос, что братья скажут. У каждого свои соображения.

— Соберитесь, обдумайте. Кто вам не велит?

— Я и спрашиваю, где ребята. Надо бы Саньку на велосипеде отправить. Пусть к Дмитрию да к Якову съездит.

— Ладно уж, иди, без тебя тут управлюсь. Ступай, ступай!

— Пойду без твоей погонялки. Одно бы просил все-таки: чтобы не смотрела ты на меня этакими глазищами, будто у бабы-яги. «Бабье сердце отходчивое! Доброе!» — пере-

дразнил он. — Пойди к зеркалу, полюбопытствуй на себя, какое оно доброе.

Платон Тимофеевич так и ушел из дому, ворча, чертыхаясь и держась за голову.

Евдокия Устиновна взяла оставленное на столе письмо, медленно, с остановками прочла; сначала все целиком, во второй раз — отдельные места. Прослезилась. Передником, по которому плыли масляные полосы от ножа, утерла глаза. Потом подошла к окну, приставила ладони ко рту и в сторону моря, туда, где вдоль берега — то ли на песке, то ли в пене прибоя — мелькали человеческие фигурки, прокричала длинно и пронзительно:

— С-а-а-ня-а! Б-о-о-ря-а-а!

Она знала, что рано или поздно крик ее до ребят непременно дойдет, где бы они ни были. Сосед ли, соседка, приятель или приятельница — кто-нибудь да передаст им: мать, мол, домой звала.

Прибирая со стола, подметая пол, Евдокия Устиновна раздумывала о письме, о Степане, написавшем письмо. Большое, никакой мерой не измеримое горе причинил Степан Ершов своим родным. В семье, в которой не сорок четыре человека,— считая и грудных и тех, что в детских садиках,— было двадцать восемь орденов и около сотни медалей за отвагу и мужество в Отечественной войне, за доблестный труд в мирные времена,— в этой потомственной рабочей семье, как через полгода после окончания войны стало известно, завелся изменник. Был это он, Степка, Степан, предпоследний из братьев Ершовых.

У всех братьев, у всех зятьев неприятности из-за него произошли; Якова до того допрорабатывали, что еле-еле в театре удержался... «Товарищи дорогие! — доказывал он всюду. — Я-то у Власова не служил, во мне три пули гитлеровские сидят. Поймите вы, наконец!» Не сразу, но поняли. Платона Тимофеевича особо, правда, не тревожили. Была беседа в партийном комитете, как же, мол, так, плохо брата воспитали? И только. Зато Платон Тимофеевич сам себя долго казнил. Уж кто-кто, а она, Евдокия Устиновна, знала, как не спал он ночами, как разговаривал с собой, как на людях показываться совестился. «Дунь, а, Дунь, что ж это такое, объясни ты мне, пожалуйста,— позвал он ее однажды в комнату и разложил на столе оставшиеся от Степана всяческие бумаги и бумажки.— Вот грамоты похвальные, за четыре класса, вот билет осоавиахимовский, вот справки... Пионером был, комсомольцем... Рабочий парень... Откуда же, из какого места подлость у него взялась? На чьей земле выросла? Как, по какой причине в своих стрелять пошел? Не пойму я, Дуня, ничего не пойму». «А, может, вовсе и не стрелял он, Платоша, в своих? Может, так, для виду, в войсках у них состоял, у фашистов, чтобы жизнь себе спасти?» — высказала она в ответ. «Может, конечное дело, и так,— согласился Платон Тимофеевич.— А что это, лучше, по-твоему? Отец-то наш не пошел спасаться от смерти этаким манером. Большевиком был, большевиком и умер. Еще ладно, не дожил он до такого позору — видеть родного сына гадом продажным».

С годами семейная боль поостыла. Портрет Степана со стены сняли, в комод спрятали. Вспоминали о нем редко. Отбывал он наказание где-то очень далеко, за все время было из этой дали два или три письма. Так, поклоны всякие да сообщения — жив, мол, здоров. Ни вопросов ни о чем и ни о ком, ни о себе рассказов. И вот, на тебе, домой просится. Выходит, что еще два года назад выпустили его на волю, отбыл, значит, и уже давно не заключенный он, а вольный работник на какой-то судоремонтной базе.

Стукнула дверь в передней. Явился Санька, крепкий, широкоплечий младший сынок Евдокии Устиновны с Платоном Тимофеевичем; исполнилось ему шестнадцать, заканчивал ремесленное училище.

— Звала, мам? — спросил он, хватая с тарелки на буфете обгорелую лепешку. — Вкусно до чего! Отцу так вот какие печешь!..

— Дурень ты, дурень! — Евдокия Устиновна не выдержала, засмеялась. — Садись на свой самокат и отправляйся к дядьям, к обоим. Скажи, отец совещание созывает, вопрос серьезный и безотлагательный. — Она подумала и решила: — Письмо вот это захвати, почитать дай. Сами поймут, что к чему.

К тому времени, когда Платон Тимофеевич закончил покаянный обход обиженных приятельниц Евдокии Устиновны, Санька уже возвратился и привез ответ и от Дмитрия Тимофеевича и от Якова Тимофеевича.

— Сказали, после обеда непременно будут.

Явились братья не после обеда, а много позже, когда уже смеркалось и на морском берегу зажгли красные и зеленые огоньки [illegible]

Уселись втроем вокруг стола, при распахнутых окнах. Евдокия Устиновна накрыла к чаю, отошла, прислонилась к дверному косяку, руки спрятала на животе под фартуком.

Долго молчали, вертели в руках письмо Степана. Яков Тимофеевич отклеил марку с изображением какого-то бородатого ученого, опустил ее в карманчик пиджака: «Васька копит!» Шел этому брату сорок девятый год, начинал он, как и все братья Ершовы, трудовую жизнь на металлургическом заводе в Юзовке, в мартеновском цехе, но получилось, что еще задолго до войны свернул он с семейной дороги металлурга. Начал играть в заводском духовом оркестре на трубе, потом уже руководил этим оркестром; потом, когда из Юзовки семья в тысяча девятьсот тридцатом году переехала сюда, на новое место, возглавил Яков всю заводскую самодеятельность, еще позже — стал директором клуба, Дома культуры, а вот после войны и до директора городского театра добрался. Никаких изменений в своем возрасте он не признавал, ничем не болел, ни на что не жаловался, носил молодившие его пиджаки спортивного покроя. У него росло брюшко, образовывался второй подбородок. По утрам, в порядке борьбы с этими нежелательными явлениями, он приседал два — три раза возле постели, обозревал свою фигуру в зеркало, говорил: «Врут. Не помогает» — и садился завтракать.

Брат Дмитрий представлял собой полную противоположность Якову. Хотя, как это неизменно фиксировали фотообъективы, глаза и у него сидели глубоко под высоким лбом и уши так же торчали, но был он сухой, подтянутый, и если Яков Тимофеевич любил пошутить, посмеяться, то Дмитрий Тимофеевич почти всегда сохранял на лице строгое, хмурое выражение, разговаривал резко. То ли благодаря этому, то ли из-за шрама чуть ли не во все лицо — от левого виска, дугой через щеку, до верхней губы,— а вернее всего, за умение работать так, что ему не поспевали подавать слитки на стан, Дмитрия Тимофеевича, которому было всего лишь возле тридцати, не просто уважали, а, пожалуй, даже еще и побаивались. Особенно перед ним терялись молодые техники и инженеры.

— Полагаю, нас тут хватает, чтобы решить это дело, — прервал молчание Платон Тимофеевич. — Сестер, зятьев спрашивать не будем?

— Видишь ли, Платон, — заговорил Яков Тимофеевич, — юридически Степан ни в каком, так сказать, согласии своих родственников и не нуждается. И без нашего ответа он может прекрасно приехать. Дело совсем в другом. Если он спрашивает твоего да моего согласия, то он через это согласие, вряд ли я ошибаюсь, хочет узнать, как мы к нему относимся, навсегда ли вычеркнут он из нашей семьи или еще есть у него шансы в нее вернуться. Вот что для него главное.

— Яков прав, — сказал Дмитрий. — Степану — главное, как относимся к нему мы. Нам тоже главное — определить, как будем держаться с ним, когда он вернется.

— Так что же, выходит, что мы его примем с распростертыми объятиями, пожалеем, сукинова сына, так, что ли? — Платон Тимофеевич даже побагровел.

— Просто даже не представляю, — закуривая сигарету, сказал Яков Тимофеевич. — Ну никак не могу себе представить, что я стану делать, когда, скажем, вот этак окажусь с ним за одним столом! Очень затруднительное положение.

— А может быть, еще и не виноватый он,— подала голос от двери Евдокия Устиновна. Все трое обернулись к ней и не без удивления слушали ее слова. — Вот инженер-то вернулся, с газового завода, забыла фамилию. Извинились, говорит, перед ним, объяснили, что враги все это напакостили. Путевку теперь в санаторий дали...

— Ну извинились,— значит, не виноват, значит, действительно, зря человек страдал,— дергая шрамом, перебил Дмитрий. — А перед Степаном никто не извинялся. В письме, во всяком случае, об этом ничего нет. Отбыл срок наказания.

— И вообще, — сказал Платон Тимофеевич, — разные люди по-разному выходят. Позапрошлым годом между порядочными-то людьми на волю по амнистии и ворье всякое выскочило... Кто зря пострадал, тому советская власть уж как-нибудь объяснит, отчего это вышло. У нее и силы и справедливости хватит. Но и мы сами должны в этом деле разбираться. Не переваливать все на советскую власть.

— Могу привести примерчик,— сказал Яков Тимофеевич.

— Не будем себя тешить примерами,— не дал ему договорить Платон Тимофеевич.— Если бы не было вины за Степаном, если бы не понимал он и сам ее за собой, уж не забыл бы написать об этом. А вот не написал. Молчит. Одним словом, решаем так: пошлем авиапочтой, а того лучше телеграммой — езжай, мол, братец, куском хлеба поделимся. Так, что ли?

— А где жить будет? — спросил Яков Тимофеевич. — В общежитии? А может, он на завод идти не захочет. Тогда какое же общежитие!

— К себе пущу,— сказал Дмитрий.— Вдвоем с Андрюшкой живем в пустой хате. Потеснимся.

— А как же Лелька? — Яков подмигнул Платону Тимофеевичу. — Вдруг застесняется, ходить перестанет...

Дмитрий не шевельнулся. Не поворачивая головы, он только скосил в сторону Якова Тимофеевича тяжелый, хмурый взгляд. Был этот взгляд такой, что Яков Тимофеевич струхнул.

— Молчу, молчу, Митенька, — торопливо заговорил он. — Ну тебя к лешему! Шуток парень не понимает. Разве можно так жить на свете? Все всурьез да всурьез.

— Шутки разные бывают, — сказал Дмитрий.— За одну такую шутку брат Каин брата Авеля убил.

— Это в вашем цехе так считают, — не удержался Яков Тимофеевич.

— Точно, точно, Митя, не силен ты в священном писании, — засмеялся Платон Тимофеевич.

— Что ж, пойду, поштудирую, — сказал, подымаясь, Дмитрий.— Может, составить компанию, заслуженный деятель? — позвал он Якова Тимофеевича. — Так и быть, провожу до дому.

2

Вторую неделю Степан Ершов жил в родном городе. Поместили его, как было заранее условлено, в старой мазанке покойных родителей, на дальней, окраинной улочке, по уклону сползающей в степную балку. Вокруг каждого домика тут теснились вишневые садочки. Стояли садочки голые: заканчивался ноябрь. Холодные дожди поливали черноземную почву; пока из города доберешься до дому или из дому в город, на сапоги налипнет по пуду грязи, и такой цепкой, что едва соскоблишь ножом.

Степан из дому выходил мало. Прошелся в сумерках по главной улице. Прятал лицо под козырьком кепки, боялся встретить знакомых. Но знакомые не попадались. Народу в городе стало намного больше, чем до войны. Все молодежь — хлопцы, девчата. Откуда их понаехало? Или повырастали из маленьких пацанчиков, на существование которых Степан до войны внимания не обращал? Намного больше стало новых больших домов, построенных на месте тех, что разрушила война. Центральные улицы города изменились неузнаваемо. Только вот здесь, среди окраинных садочков, внешне все было так, будто в далекое довоенное время, будто и не бушевали над этой землей артиллерийские грозы, будто не топтали ее, эту всего натерпевшуюся землю, сапоги гитлеровских дивизий.

Спустился Степан к морю, к порту. Долго искал двухэтажный кирпичный дом номер четырнадцать. Сколько было хожено сюда по этой тропке с обрыва, к этому дому! Но не было на месте дома номер четырнадцать, исчез. На его месте штабелем лежал обмытый дождями черный каменный уголь; ковш крана подгребал уголь с краю, захватывал в же-

лезную горсть и, вытягивая длинную костлявую руку, подавал на корабль, стоявший у причала.

Может быть, и хорошо, что этого дома не было. Разве решился бы Степан войти в него, постучать в знакомую дверь? Нет, понятно. Побродил бы вокруг в отдалении, да и ушел. В кармане у него в протертом до белой подкладки клеенчатом бумажнике, обернутая в целлофан, хранилась фотокарточка. Края ее осыпались от ветхости, осталось одна середка — девичье лицо, черты которого мог различить теперь только он один, Степан. Но он их различал хорошо, он не мог позабыть их и в плену, ни в далеком лагере на краю северной земли. Через все испытания пронес Степан эту карточку. У него не было никаких надежд встретить ту, которая ему дарила ее за несколько дней до войны, у него осталась лишь глухая тоска в сердце. Во имя этой тоски — и не из-за чего иного — пришел он к тому месту, где жила когда-то Ляля Величкина. Степан знал, что разыскивать ее никогда больше и нигде не будет. Ему было страшно от мысли, что она может найтись... Он боялся увидеть вдруг ее глаза, услышать ее голос.

Побывал Степан на базарной площади, откуда с горы был отлично виден весь завод — от доменного цеха до склада готовой продукции, до второй проходной. Четыре домны стояли в ряд, как богатыри в броне и шлемах, отражаясь в зеленой воде бассейна, куда заходили разгружаться корабли-рудовозы, доставляешие руду из-за моря. Под кровлями литейных дворов плескались зарева. Жарко шел чугун. Кто там стоит сейчас на его месте, возле канавы, по которой, шипя, будто мутный весенний ручей, мчится к чугуновозам жидкий металл? В груди сжалось от этой мысли.

На завод Степан не шел. Ждал решительного разговора с братьями. Но разговора не было и не было. В первый день, как приехал, все трое,— должно быть, отпросились у своих начальников — встретили его на вокзале, подали руки, говорили самые пустячные слова, насчет пути — как ехалось, про погоду — дожди, мол, зарядили, и всякое такое. С вокзала привезли на квартиру к Платону, велели помыться с дороги, усадили пить чай; получалось как-то неловко: он один сидел за столом и брякал ложечкой в стакане, а все — кто стоял вокруг в тягостном молчании, кто ходил по комнате и тоже без единого слова к нему, Степану,— гудели что-то меж собой.

Народу к Платону набилось множество. Евдокия Устиновна сказала, что все это родня. Но Степан многих среди этой родни не знал,— должно быть, после войны родня эта завелась, в его отсутствие: кто замуж вышел, кто женился, кто народился.

Потом сказали, что определят его на жительство; как он, не против жить в старом отцовском доме? Какое же может быть против — родился в этом доме и двадцать три года, до самой войны, проживал. Под вечер послали какого-то парня — не разобрался еще, чей это сын,— куда-то в другое парадное, к какому-то инженеру — позвонить по телефону, вызвать такси. Отвезли вот сюда, в вишневые садочки. Дмитрий сказал, что живет тут вдвоем с Андреем, сыном убитого на войне Игната. Мать Андрея с каким-то майором на Дальний Восток сбежала из семьи, когда были Ершовы на Урал эвакуированы. Так и след простыл андреевой матери. Живет Андрей в боковушке. Сам Дмитрий горницу занимает окнами на улицу. А ему, Степану, целых две комнатухи достаются в полное владение, если хочет.

На деле достался весь дом. Дмитрий с братьями уехал, да так и не вернулся. Через день и Андрей исчез. Степан успел разглядеть, что паренек этот, которого он помнил худеньким хлопчиком, стал чернявым хлопцем, рослым, красивым, хотя у него уши и торчали в стороны. Шел ему, как он сказал, двадцать пятый год, он окончил вечерний техникум и работал мастером участка в доменном цехе.

С Андреем Степану удалось поговорить. Было это на следующий день после вселения в отцовскую хату. Вернулся Андрей после смены с завода, в одной майке мылся на кухне под рукомойником, смывал в таз доменную, въедливую копоть. Степан вышел к нему в кухню. Тут и поговорили. Нехотя и угрюмовато, становясь похожим в эти минуты на дядю своего, Дмитрия, отвечал Андрей на вопросы о возрасте и о том, где и кем работает.

— Отличник, поди, передовик? — полувопросительно сказал Степан. — Награды, ордена имеются?

— Какие же ордена? — ответил Андрей, вытирая шею полотенцем.— Наш участок отстающий. Второй год ругают — и на собраниях и в газете — везде.

Степан был удивлен. У него давно сложилось такое представление, что каждый, с кем не случилось того, что случилось с ним, без усилий шагает по жизни, осыпаемый ее благами. На воле все отличники, ударники, орденоносцы, депутаты и делегаты... Все благополучны, счастливы, всем весело на свете, уютно. После освобождения из заключения он уже не первый раз слышит о человеческих неурядицах, происходящих и на воле, но все никак к этому не привыкнет и не сразу понимает, всерьез ли ему говорят об этом или в шутку.

— Что ж так? — спросил он.— Отчего?

— Оттого, что плохо работаем, — отделался общей фразой Андрей.

Потом Андрей сам спросил Степана:

— А где вы у немцев бывали, на каких участках фронта?

Степан сначала не понял, на что Андрею такие сведения, но когда тот добавил: «Под Белгородом случайно не были?»,— понял, что игнатов сын хочет знать, не стрелял ли родной брат в родного брата, в его, андреева, отца, который погиб на Курской дуге.

Андрей смотрел в сторону, застегивал пуговики на рубашке. Но Степан видел, с каким напряжением ждет он ответа на свой вопрос.

— Нет, — сказал ему Степан. — Не бывал в т[redacted]

После разговора с Андреем Степан понял, что всю семью волнует один и тот же вопрос: насколько далеко пошел он по дороге предательства, — короче говоря, проливал ли кровь своих, служа гитлеровцам. К ответу именно на такие вопросы он и готовился все дни. Но никто ему их не задавал. Братья — то один, то другой, то третий — появлялись в старой хатке на десять — пятнадцать минут, спрашивали, не надо ли ему чего, и исчезали.

Ничего ему было не надо. Обедать он ходил в железнодорожную столовую при товарной станции. Утром и вечером чай кипятил сам, пил с хлебом и колбасой. Если уж говорить о том, что ему было бы надобно, то, конечно, человеческое слово, чтобы кончилось его одиночество, чтобы родные позвали его к себе. Сам, первый, он идти к ним не мог, он не чувствовал за собой этого права. Он ждал, что сделают это они.

И он дождался.

Однажды субботним вечером Степан услышал в темноте за окнами тяжелый топот мужских шагов, затем стук в калитку. Пришли все трое. Выставили на стол две пол-литровки, разложили свертки с селедками, ветчиной, мочеными помидорами и огурцами. Дмитрий из буфетного шкафа достал тарелки и стаканы.

— Ну что ж, Степан, сядем за стол да выпьем! — сказал Платон Тимофеевич, придвигая стул. — Давно ты с братьями не сиживал.

Были налиты граненые стаканы, все чокнулись, сказали. «Бываем здоровы», — но пить, хотя и поднесли кто ко рту, кто к носу, никто из братьев — Степан это видел — не стал, стаканы их вернулись на стол нетронутыми. Он все же отпил из своего немножко, стал закусывать огурцом.

— Степан, — сказал вдруг Дмитрий с той прямотой, какой он отличался еще в детстве, мальчишкой. — Ни мы, ни ты не дипломаты. Давай выкладывай все начистоту. Как ты дошел до жизни такой?

— Понимаешь, Степа, — добавил Яков Тимофеевич, — пока ты был где-то, ты был, так сказать, сам себе хозяин, так сказать, единица, полностью отвечающая за себя и никому ничем не обязанная. Сейчас ты возвратился в родные места, и жизнь так устроена, что каким бы ты отшельником ни жил, как бы ни хоронился от народа, ты для него, для народа, член нашей семьи, наш брат, и веревочку эту никакая сила порвать не может. Словом, перед людьми все мы были, есть и будем в ответе за тебя. Ну, вот нам и желательно...

Яков, не найдя слова, которым бы в точности выразилось то, что ему и братьям желательно получить от разговора со Степаном, пощелкал пальцами. Платон Тимофеевич кивнул в знак согласия с Яковом. Дмитрий сидел неподвижно, положив на стол локти больших, сильных рук.

Медленно, но неотступно в тело Степана — в грудь, в ноги — проникал цепенящий холодок. Степан давно ждал этого разговора и в то же время никак не представлял себе, что будет столь страшно предстать одни на один перед своими братьями. Там, далеко от родных мест, от этих трех человек, на которых он похож чертами лица, глазами, движениями рук и походкой, он представал не раз перед следователями, перед всяческими должностными лицами, перед судьями, вершившими строгий и суровый суд,— все прошел Степан за минувшие годы. Но никогда еще не ощущал он такого страха, как в этот вечер. Там, стоя перед судьями, отвечая на их вопросы, он знал, что как бы ни был суров приговор, он не бессрочен. Наказанию какой-то предел

да непременно будет. Приговор братьев — это приговор навечно, ни сроками, ни пределами он не ограничится. Это уж до самой смерти.

— Рассказывай, Степа, — услышал он голос Якова. — Что считаешь нужным, то и рассказывай.

Что считаешь нужным... Насколько же легче было стоять перед судом! Суд сам определял, что ему нужно рассказывать, суд задавал вопросы, Степан на них отвечал. А здесь... Здесь надо было вывернуть всю душу без остатка. Если он сумеет сделать так, что братья поймут его, — суд, может быть, будет в его пользу; не поймут — все кончено, второго такого разговора не будет.

О чем же рассказывать, с чего начинать? В памяти Степана встал яркий летний день. Его, комсомольца, подавшего уже заявление в партию, вызвали в партийный комитет. Секретарь комитета, с кобурой на поясе, расхаживал по комнате. «Ершов, — сказал он, — ты и инженер Воробейный прикомандировываетесь к члену партбюро мастеру Василенко. Вам поручается ответственная операция. Для тебя это — первое партийное поручение. Действуйте». Начальник Степана, мастер Василенко, и инженер Воробейный, человек лет тридцати пяти, активный оратор на собраниях, с полгода как отпустивший усики, с помощью которых хотел уравновесить свой большой вислый носище, были тут же. Все втроем во главе с Василенко они ушли в контору цеха, и там Степан присутствовал при разработке операции, которая заключалась в том, что они должны были вывести из строя домны, если окажется, что советские войска оставляют город.

Таким же солнечным был и тот день, когда на территории завода стали с визгом рваться немецкие снаряды, когда поток людей, автомашин, конных повозок хлынул вдоль моря, на восток, к Дону, к донским степям.

Василенко, Воробейный и Степан Ершов выполнили задание. Они вывели из строя все сложное хозяйство, питающее доменные печи газом и воздухом. Они это сделали в тот момент, когда немецкие танки подошли к мосту, ведущему через реку к заводу. Надо было немедленно уезжать, спешить изо всех сил. Но выяснилось, что Воробейный вдруг исчез. Кидались туда, сюда, нигде его не было. Побежали к легковому «ЗИСу», который был к ним прикреплен и который они оставили возле цеховой конторки. Шофер стоял возле машины растерянный. «Кто-то вывинтил свечи из мотора. На минуту отошел — и вот вывинтили». «Куда отошел?» — в ярости крикнул Василенко. «Прибежал товарищ Воробейный, дал тридцатку. Давай, говорит, купи лимонаду и папирос в столовой. Спеши, сейчас поедем».

«Он, — сказал Василенко. — Он вывинтил. Сволочь!» Они облили бензином автомобиль, подожгли и ушли вдоль моря пешком в толпах людей, отступавших на восток. Их бомбили, штурмовики нагоняли на [redacted]

Нет, об этом братьям рассказывать не надо. Не ждут они рассказа, наверно, и о том, как сражался он, Степан, в рядах Красной Армии под Ростовом, на Кубани, под Минеральными Водами.

— Что же, так и будем играть в молчанку? — сказал Дмитрий, не снимая локтей со [redacted].

— Струсил, — сказал Степан, чувствуя озноб во всем теле. Суду он рассказывал, как их роту окружили, как некуда было податься, как кончились все патроны, и то была полная правда, так именно и было. Но там его не спрашивали о том, что и как он чувствовал в тот день, что переживал. Здесь он впервые вслух произнес эти слова: «Струсил».

— Поднял руки? — Дмитрий выпрямился на стуле.

— Не я один...

— Так ты же не Ершов! Ты последняя...

— Обожди, — остановил Дмитрия Платон Тимофеевич. — Может, ранен был? — спросил он Степана.

— Нет, здоровый.

Яков Тимофеевич вытащил пачку сигарет, Платон Тимофеевич и Дмитрий потянулись к ней. Закурили.

— Ну и что же? — заговорил Платон Тимофеевич. — Поднял руки, тебя забрали, надели гитлеровскую шинель? Погнали в своих стрелять! А в это время батька твой не давал врагу получать металл с наших домен, составлял такую шихту, что козлились печи, ни черта фирма «Герман Геринг» не получила с нашего завода. Батька твой рук не подымал, дрался, как мог, до последнего. Геро[redacted]

— Дмитрия вон как изуродовали на фронте. Парнишка еще был.

Степан скосил глаза на изувеченную щеку Дмитрия, на которую указывал Яков.

— Игнат не вернулся домой, Ленька, Валерка... — добавил Дмитрий.

Степана знобило все сильнее. Стала мелко и неудержимо дергаться нижняя челюсть, зубы постукивали о зубы. Хотел многое сказать, все сказать, а не мог выдавить из себя и трех слов. Мычал и бормотал что-то.

Не выдержал такого напряжения. Схватил чей-то полный стакан водки, расплескивая на пол, на штаны, поднес ко рту, выпил большими глотками, как воду.

Никто на это не сказал ни слова. Стало немножко легче, прошла дрожь.

— Да, я подлец, — заговорил он торопливо. — Плюйте мне в лицо, утираться не буду, все стерплю. Одному верьте: не стрелял в своих. Гад я, гад, но крови советских людей у меня на душе нету! Нету, говорю, нету, слышите? Никто мне такой казни не придумает, какой сам я себя казню. Нет мне покою, никогда нет, даже во сне!..

Братья молча слушали его выкрики, дымили сигаретами, прикуривая одну от другой.

— Никто из вас не знает того, что я знаю. Разве вы знаете полную цену тому, когда рядом плечи своих? Вам это в обыденку. Нет ничего страшнее — встать со своими, с родными, один против одного, не плечом к плечу, а грудь к груди. Да мне бы так, как вы сейчас..., плечом родное плечо почувствовать... землю бы целовал!

— А почему ты так думаешь: полной цены этому не знаем? — сказал Дмитрий. — Потому и не пошли со своими грудь к груди, что всегда знали цену верности родной земле, родной семье... Ты нам лекцию не читай. Твоей науки мы не проходили и проходить не будем. Нет, не Ершов ты. Ты, как птица воробей, о которой — в одной книге читал — сказано, что родной дом ему всюду, где кормежка есть, где урвать для себя кусок может.

— Неправда! — сказал Степан. — Неправда!

— Неправда? — продолжал Дмитрий. — Если неправда, что ж ты два года на гитлеровских харчах проживал, что ж ты, как другие, не подался к своим, когтями, зубами, да процарапывался, прогрызался бы к своим? Мало таких было, что ли? Мало таких было, которые и в плену за народ свой, за советскую власть боролись? А?

— Слушай, Степан, — заговорил и Яков, — объясни ты нам: что значит струсил, как то

есть струсил, чего струсил, перед кем струсил?

— Патроны кончились, прижали нас к обрыву метров в двести высотой — на Кавказе было дело,— мне лично гитлеровец автомат к груди приставил...

— Поднял руки? — снова с яростью спросил Дмитрий. — О чем же ты думал в эту минуту?

— О том, что, может, еще выпутаюсь как-нибудь, не конец это. Мало ли что бывает... Жить хотел! — выкрикнул Степан.— Жить!

— Степа, — сказал Платон Тимофеевич, качая головой, — во всякой борьбе есть один закон: если ты изменил своим, спасая себе жизнь, то жить ты сможешь, пользоваться этой жизнью сможешь, только борясь против своих. Середки в таком деле нету. Или выстоял, так выстоял до конца — живой или мертвый. Или сломался — так уж тоже ломаться будешь до конца. Ты помнишь, Яков, — он обернулся к Якову Тимофеевичу, — у нас в Юзовке в двадцать шестом или в двадцать седьмом году — мы тогда молодые парни были, комсомольцы,— ты помнишь секретаря комсомольской ячейки Гошку Краснобаева!

— Что-то запамятовал, — ответил Яков Тимофеевич.

— Так вот Гошка... был свой, рабочий парень, а троцкисты его подмяли все-таки под себя. Испугался. А чего испугался? Того, что нашлась там кучка горластых. Как принялись на нас, большевиков, критику наводить, как пошли чесать нас на собраниях! Он и подумай: раз так горласто орут,— значит, их сторона побеждает, их сила,— и давай, глупая голова, к ним подлаживаться. Дальше — больше. До того доподлаживался, что даже активнее этой шпаны действовать стал на руку троцкистам. Приехал к нам из обкома, или из губкома по-тогдашнему... Вот и я позабывать стал, Яша, как было в точности-то... Приехал, говорю, боевой такой парень, одно помню — тоже Егором звали, а фамилия, должность... извиняюсь, запамятовал. Они тут и сошлись. Приезжий Егор стал громить болтунов наших. А наш Егор и говорит: «Не позволю распоряжаться, я тут руководитель!» А приезжий ему. «Ты,— говорит,— знаешь, какой стал руководитель? Ты, — говорит, — на цыпочках бежишь впереди разбушевавшихся сукиных сынов и, чтобы проверить, верно ли бежишь, не вперед смотришь, а назад, на них оглядываешься, на тех, перед которыми заискиваешь». Ничего наш Егор не понял, закусил удила, запутался еще пуще, ходу ему обратно уже не было... Потом мы все это болото осушили, как говорится, кого следует поуняли, поутихомирили. Новоявленные егоровы сотоварищи бросили его, чего и следовало ожидать, остался он голенький перед массами. Думаю, что пальцы грыз от того, как промахнулся в политике. Куда подевался, не знаю. Только сдуло его ветром с нашей рабочей донбассовской земли.

Платон Тимофеевич покрутил на столе стакан с водкой, оставил его на месте.

— Куда работать-то пойдешь? — спросил он.

Степан окончательно растерялся перед этим будничным вопросом. Он не знал, как отвечать.

— Что тут спрашивать и что раздумывать? — сказал Дмитрий. — На завод должен идти.

Ушли братья в третьем часу ночи. Степан проводил их до калитки и долго слушал шаги, постепенно затихавшие в кромешном осеннем мраке. Вернулся в дом, посмотрел на нетронутые стаканы, погасил свет, лег, не раздеваясь, на постель, руки закинул за голову. Стучали старые ходики, шумел ветер в голых вишнях за окнами. Неужели и его, Степана Ершова, сдует в конце концов с рабочей донбассовской, отцовской земли? Неужели нет ему обратного хода!

В памяти Степана встал его отец Тимофей Игнатьич. Вспомнился отец таким, каким изобразили его в газете, на первой странице за месяц или за два до войны, когда награждали старого доменщика орденом Ленина. Степану казалось, что из тьмы комнат выступает отцовское морщинистое лицо с белыми, как морская пена, усами — доменный жар их не брал — и прямо в душу ему смотрят черные отцовы глаза, от которых никуда не уйдешь, никуда не скроешься...

Северный ветер

Николай КРИВАНЧИКОВ

Земля Калевалы

С плеском рыбы и вёсел в туманных
протоках,
с грустной песней,
с веселым костром на плоту
ты вошла в мое сердце
такой синеокой,
что, наверное,
все это
в синем цвету!

Колдовской,
непонятной,
глухой красотою
ты с времен незапамятных
обволокла
шумный дым водопадов,
безмолвье лесное
и рассвет свой
из розового стекла.

...Две чайки луну молодую настигли.
Парус поднял тугое крыло в синеву.
Ветерок налетел на сосновые иглы
и, тихонечко охнув, скатился в траву.

А дощатый причал
весь прибоем запенен.
Луч играет с озерной волной озорной.
Все мне чудится: выйдет сейчас
Вяйнямейнен,
на валун обомшелый присядет со мной...

С плеском рыбы и вёсел в туманных
протоках,
хороша, как мечта,
и, как жизнь, молода,
ты вошла в мое сердце
неслышной походкой.
Из него не уйдешь ты уже
никогда!

До скорой встречи

Летит навстречу ветер с визгом.
Кренясь, вошли в Па-де-Кале.
Пылают радужные брызги
у альбатроса на крыле.

И вот опять идет вприсядку
бурун веселый за кормой.
Штурвальный держит мертвой хваткой
на румбе чистый норд.
Домой!

Наш русский край лежит, однако,
на много градусов правей:
идем пока что к Скагерраку
мы, возвращаясь из гостей.

Вскипай, волна, и, вымпел, вейся,
и, альбатрос чужой, крутись!
А «Гета Лайен» — шведский крейсер —
летит с волной то вверх, то вниз.

На нас оттуда шведы смотрят,
как на попутчиков-друзей:
что ни скажи, а в хмуром море
идти на пару веселей!

И там, на крейсере, на фалы
взлетают, быстры и легки,
к нам обращенные сигналы,
как взмахи дружеской руки:

«Благодарю за путь совместный,
Желаю русским морякам
счастливого пути!»
И крейсер
в бинокли только виден
нам.

...Нам не забыть того похода.
Все моряки — одна семья.
До скорой встречи в ваших водах,
нас пригласившие друзья!

В Баренцовом море

Сопки,
вдали,
сопки,
сопки...
А на них кресты поморов,
и вокруг подводной лодки
плещет Баренцово море.

Если ты умеешь слушать,
то оно тебе расскажет,
как на Гру́мант предков наших
паруса несли сквозь стужу:

ветер выл в смоленых тросах,
на дыбы ладья вставала,
над волной летела косо
борода, что белой стала,

а была на суше черной,
словно вымазана дегтем,
и скрипел ожесточенно
лед клыками:
«Не пройдете!»

Но
сквозь лед и шторм в тумане
деды шли на Гру́мант смело,
и полярное сиянье
в парусах у них горело!..

Дизелям вовнюю вторя,
плещет Баренцово море.
За кормою сопки тонут.
За кормою чайки стонут.

Если ты умеешь слушать,
чайки скажут всё — с начала:
как матросы в ночь поглуше
уходили от причала;

как над плеском вбли в тумане
лаг стучал, считая мили.
Уходили на заданье,
а назад не приходили;

взрывом небо разрывало.
На причале жены ждали,
но к заветному причалу
только чайки прилетали.

Свищет ветер —
к непогоде.
Все былое
в сердце входит.

Если ты умеешь слушать,
то расскажет сердце ясно,
как приказ исполнить лучше,
на волне кренясь опасно.

Волны слева, волны справа
в броневую хлещут дверцу.

В море ждет лишь смелых слава.
Эй, на румбе,
слушать сердце!

БУМАГА НЕ ВСЕ ТЕРПИТ

Знаменская бумажная фабрика Калининградской области. Общий вид бумагоделательной машины.

Иван ГОРЕЛОВ

Фото М. Савина.

От Калининграда шоссе устремилось на юго-восток. Кроны вековых лип сомкнулись над узенькой полосой асфальта, только что умытого дождем и блестевшего, как стекло. Было похоже, что машина мчится не по шоссе, а по зеленому ажурному туннелю.

Миновали Гвардейск — город боевой славы. Над вершинами могучих ясеней — островерхие черепичные шатры. Кровля напоминает рыбью чешую. Тесные улочки, глухие кирпичные стены, золотые холмики газонов.

Проехали километров шесть, свернули вправо и увидели вдалеке трубы фабричного поселка. Это Знаменск, цель нашей поездки.

И вот мы вместе с секретарем партбюро Арсентием Антоновичем Гилевым идем в кабинет директора фабрики Дмитрия Яковлевича Перелыгина. На зеленый стол перед нами кладут целую кипу газет, именно кипу — штук сорок или пятьдесят. Здесь и «Калининградская правда», и «Лесная промышленность», и районная газета. Красным карандашом подчеркнуты бойкие заголовки: «Равняйтесь на знаменцев!», «Знаменцы в первых рядах», «Десятки тонн бумаги сверх плана».

Дмитрий Яковлевич Перелыгин пояснил не без гордости:

— И по сей день в сводках «на самолете» по области летим.

Да, первое в области предприятие. Значит, как в часовом механизме, притерты в нем все детали конвейера, слаженно и бесперебойно работают цехи, коллектив не просто спаян, а сцементирован. Все идет и ладится по давно разработанному рациональному графику.

И вот мы ходим по цехам, присматриваемся к людям, знакомимся с производством бумаги.

В отделочном цехе старый производственник Максим Тимофеевич Шах, рассказывая нам о делах и днях фабрики, выразительно хлопнул ладонью по одиноко лежавшему в углу бумажному рулону, как раз по тому месту, где сажистым карандашом было крупно начертано слово «брак», и сказал с жестокой прямотой:

— Это уж действительно брак. Рабочие руки готовый рулон бумаги прочь откатили, в темный угол, а не девушка из ОТК штампик поставила.

Мы не поняли этого упрека и спросили, о чем идет речь. Максим Тимофеевич присел на рулон и коротко пояснил:

— А вам не сказали еще? Без технического контроля бумагу теперь делаем, без ОТК. Третий месяц уже на риск идем. Правда, временно разрешили нам такую вольность. Кто-то там, в главке, сомневается еще насчет нашей рабочей совести. Долго разрешения не давали. Главный инженер наш Николай Яковлевич Кольцов даже лицом пожелтел...

...Отдел технического контроля — десять контролеров и начальница Мария Дмитриевна Никитина — помещался в небольшой комнатушке рядом с цехом ширпотреба.

Контролеры, как правило, женщины, накинув белые халаты, поочередно выходили в цехи. В рольном цехе они наблюдали, как перемешивается и готовится масса, в бумажном — бросали беглые взгляды на машину, смотрели, ровно ли подается масса на сетку, брали с каландров куски бумаги, чтобы определить ее прочность. Делалось это иной раз часто, а иной раз реже. Мастера и рабочие нервничали и всячески старались уменьшить число подобных визитов.

А тут еще выяснилось, что отдел технического контроля, как правило, комплектуется из лиц, не имеющих достаточного производственного опыта. Инженер Н. А. Андрейчик, к примеру, приехала на фабрику после окончания вуза, в смену не подошла по состоянию здоровья, и ее — в ОТК: не отсылать же обратно! Ирина Демиденко едва лишь окончила техникум — ее тоже в ОТК. А Кира Владимировна Бельышева и вовсе учительница по образованию.

Как-то сменный мастер остановил главного инженера фабрики Кольцова:

— Здравствуйте, Николай Яковлевич! Нет ли у вас случайно интересного романчика или повести? С любовью хотелось бы, с приключениями. Чтобы за сердце щипало...

— А вы что, на работе читать будете?

— Не для меня. Понимаете, позавчера томик Майн Рида достал, принес контролерам, так они весь день в цехе не показывались. Очень увлекательная книжица оказалась. А нынче вот опять зачастили.

Александр Алексеевич Крюков, разминая в ладонях чистый вафельный лист целлюлозы, сказал однажды главному инженеру без обиняков:

— Пятый десяток лет у ролла стою. Массу такую готовлю — ситники лепи. На глазок, без анализа скажу, какая бумага получится. Семерых подручных обучаю. А вот доверия никакого. Как-то приходит в цех контролерша. Вижу, новенькая. Разговорились. Оказывается, из учительниц на фабрику к нам поступила. Заглянула в ролл, щепоть целлюлозы выхватила. «Мало краски,— говорит,— положено. Добавить стоит». А я ей по-доброму: «Это, дочка, не для обертки сахара бумага делается, а для глубокой печати. «Тифдрук» — слышала такие слова?» «Нет,— говорит,— таких не слышала». И ушла. Должность свою, так сказать, исполнила. Долго ли мы, Николай Яковлевич, их на фабрике держать будем? Ведь больше десятка. А ну-ка, прикинь на досуге, сколько за год съедают?

Главный инженер серьезно призадумался. А выпала свободная минутка, взял ведомости по заработной плате и высчитал: штатный контингент ОТК расходует в год почти 140 тысяч рублей. Действительно многовато!

На производственном совещании, когда речь зашла об отделе технического контроля, сменный мастер Иван Гордеевич Байкалов сказал прямиком:

— До каких пор будем мы с контрольными мастерами в жмурки играть? Если говорить об ответственности за качество бумаги, то наша совесть в этом деле гораздо надежней, чем резиновый штампик ОТК. Ни для кого не секрет, что от случая к случаю проверяют. Ведь я, если захочу, могу на накат хоть портянку намотать. Кто заметит? Правда, без ОТК нам будет немножко труднее, больше потребуется внимания и от мастеров и от рабочих. Но и честь нашу, надеюсь, больше уважать будут.

Байкалова дружно поддержали сменные мастера Тимофей Кириллович Абрамов и Аркадий Георгиевич Кисетов, поддержала его и «династия» Шахов — сам Максим Тимофеевич Шах и его сыновья — сменный мастер Александр Максимович и дежурный электрик Владимир Максимович. К ним присоединились старший рольщик Александр Алексеевич Крюков, сеточники Иван Казаков и Иван Черный, прессовщицы Валентина Галич и Валентина Мальцева и многие, многие другие.

Работники лаборатории дали обещание более тщательно следить за проверкой качества бумаги.

В эти дни Николай Яковлевич Кольцов исполнял обязанности директора фабрики. Он внимательно выслушал все «за» и «против» — а против выступали исключительно работники ОТК — и, спокойно взвесив высказанные предложения, решительно заявил:

— Я присоединяюсь к товарищам, предложившим упразднить отдел технического контроля. Конечно, есть такие отрасли производства, где без ОТК нельзя. Но

Начальник отделочного цеха Максим Тимофеевич Шах и сортировщица Дарья Никитенкова в цехе ширпотреба.

на нашей фабрике можно. Попробуем без него. Должно выйти. Работать придется гораздо внимательнее и точнее. За подачей массы и за машиной следить придется с двойной зоркостью. И вот сейчас нужно коллективно определить, кто будет расписываться в паспорте на готовую продукцию вместо работников ОТК.

Густо посыпались предложения:

— Сменный мастер.

— Каландровщик.

— Сеточник.

— Старший резчик.

— Правильно, товарищи, на паспорте будут ставить свои подписи все четверо, от кого, в конечном счете, зависит качество бумаги.

Работникам ОТК предложили временно не вмешиваться в работу фабрики уже со следующего дня.

— Дайте нам приказ,— потребовала М. Д. Никитина.

И вечером того же дня был подписан приказ: «С первой смены 21 апреля 1956 года выработку бумаги для глубокой печати на Знаменской фабрике производить без участия мастеров ОТК. Всю ответственность за выпуск качественной бумаги возложить на сменного мастера, сеточника-бригадира, старшего каландровщика и старшего резчика».

Мастера ОТК всполошились не на шутку. Утром они звонили в райком партии, в обком и даже в Москву.

Ни в обкоме партии, ни в райкоме не вняли их паническим восклицаниям. Там уже знали о намерении новаторов удешевить производство бумаги.

«Горю» их, как ни странно, посочувствовали только в Главцеллюлозе. Заместитель начальника главка Ефим Александрович Кузнецов уже 25 апреля телеграфировал в Знаменск Н. Я. Кольцову: «Обязываю немедленно отменить свой приказ ликвидации аппарата ОТК и бесконтрольного выпуска бумаги тчк письму Главцеллюлозы вышлите свои соображения».

А спустя месяц опытную партию бумаги для журнала «Огонек» сопровождали в издательство «Правда» сами новаторы. Бумага оказалась хорошей. В Министерство бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР было послано обстоятельное письмо. В нем говорилось о воле коллектива работать без контролеров. Приводились по этому поводу веские аргументы, сообщалось, что и райком партии и обком единодушно поддерживают инициативу знаменцев.

Весь коллектив ждал ответа. Ждали его и работники ОТК, ходившие без дела. Но ответа не было. Главк сурово молчал, теперь уже, видимо, защищая честь мундира...

И вот, наконец, уже на исходе июня, на имя главного инженера фабрики Н. Я. Кольцова пришло письмо от заместителя министра В. Н. Шульгина:

«Проявленную вами инициативу по усилению производственного контроля путем непосредственного привлечения внимания и ответственности за качество выпускаемой бумаги производственного персонала фабрики министерство одобряет и считает этот вопрос заслуживающим внимания...

Учитывая удовлетворительные результаты первого опыта такой работы, разрешается продолжить выпуск бумаги под контролем производственного персонала и лаборатории ..

Прошу систематически информировать главк и меня как о ваших мерах по новой организации контроля за качеством продукции, так и практическом осуществлении этого мероприятия».

Специалистов из ОТК теперь перевели на производство. Н. А. Андрейчик назначили мастером исследовательской группы, А. И. Трищ — мастером по сырью. К. Г. Каплан и Л. Г. Васильеву — дублерами старшего рольщика.

Люди заняты трудом, плоды которого они видят воочию. И сменным мастерам некому приносить теперь развлекательные книжки.

Клавдия Каплан откровенно сказала нам при прощании:

— Да, в ОТК действительно было легче. Но, честное слово, мы сами порой томились и мучились из-за того, что мало приносили пользы производству. А теперь вот я при настоящем деле. Александр Алексеевич Крюков научил меня приготовлять из целлюлозы белую, рыхлую, как снег, массу. И настроение у меня теперь другое. Вот перелистываю журнал и радуюсь: «А ведь это, быть может, я бумагу сделала!»

Совсем недавно в кабинет Д. Я. Перелыгина зашла бывшая сотрудница ОТК К. В. Белышева. Она спросила у директора:

— Что, Дмитрий Яковлевич, есть надежда на восстановление ОТК? Какие там позывные из Москвы идут?

Дмитрий Яковлевич отрицательно покачал головой.

— Вряд ли, голубушка. И вторую партию бумаги издательство приняло с отметкой «хорошо».

— Что ж,— сказала она спокойно,— опять уйду на педагогическую работу.

В адрес Знаменской бумажной фабрики уже поступают письма. Прослышали о ее новаторстве, о работе без отдела технического контроля. Главный инженер бумажной фабрики «Грипишки» Чудаков пишет: «Просим сообщить подробно об организации труда, улучшении качества выпускаемой продукции без отдела технического контроля. Какую роль выполняет фабричная лаборатория и как оформляется документация на отправку изготовленной бумаги? Мы тоже думаем работать без отдела технического контроля».

...У склада сырья рабочие выгружали из вагонов каолин. Тут же суетились сортировщики, отбрасывавшие в сторону загрязненные и пожелтевшие куски глины. Браку оказалось много — целая куча.

— Глина-то белая, да вот история с ней, если откровенно сказать, черная. Это наш бич,— вздохнул главный инженер.

И вот мы перелистываем летопись этой печальной истории. Небольшая картонная папка, и на ней лишь одно слово: «Каолин». Здесь подшиты копии телеграмм, писем и запросов только за 1956 год. Дело в том, что Знаменская бумажная фабрика получает каолин со станции Просяной, которая находится в Днепропетровской области. Просяновский каолиновый комбинат обязан отправлять сырье в упаковке и в крытых вагонах. Но едва лишь приближается срок получения каолина, как со станции Просяной прилетает телеграмма: «Крытых вагонов нет. Дайте согласие на отправку каолина в открытых».

Или: «Во избежание срыва поставки каолина подтвердите согласие получение каолина навалом крытых вагонах».

После этого следуют звонки в обком партии, в главк и министру. А кончается тем, что спустя два — три дня дирекция посылает на станцию Просяную свой ответ: «Вынуждены согласиться принять каолин любых вагонах».

И так из квартала в квартал.

— Мало того, мы еще внутриведомственными перевозками каолина удорожаем стоимость бумаги,— говорит Д. Я. Перелыгин.— Что это за перевозки? С фабрики на фабрику перебрасываем. Вот полистайте дальше это же дело.

Перелистываем дело и находим телеграмму: «Из наличия каолина отпустите Неманской фабрике пятьдесят тонн...» А рядом другая телеграмма того же заместителя начальника главка директору Неманской бумажной фабрики: «Из наличия каолина отпустите Знаменской фабрике сто тонн...»

— Вот мы и гоняем автомашины туда-сюда. Приходится даже на стороне нанимать транспорт. А перевозка одной тонны каолина обходится в тридцать два рубля.

— Неужели этого избежать никак нельзя?

— Наверное, нельзя: такие расточительные перевозки повторяются из года в год. Ведь легче всего телеграмму из Москвы отстукать. А что бы заняться посерьезному каолиновым комбинатом! Вот и кварцы забрали у нас по телеграмме главка в город Советск на бумажную фабрику. Не прошло и месяца, как теперь мы от них на своих машинах кварцы привозим. Такая получается карусель. И денежки на ветер летят, бумага дороже становится... И с доставкой целлюлозы у нас трудно. Перебои за перебоями.

В беседу включается главный инженер:

— Мы уж вам, как своим, признаемся по секрету, что фабрика до января 1956 года никакой прибыли не давала. И только недавно стала рентабельной. На первое августа мы дали двести пятьдесят тысяч рублей прибыли. Тысяч девяносто из этой суммы прибавилось за счет ликвидации ОТК. Будет поменьше накладных расходов, непредвиденных перевозок, перебоев в получении целлюлозы, кварцев и каолина,— мы гораздо большую прибыль дать сможем. Одним словом, вопреки утвердившейся поговорке «Бумага все терпит» выходит наоборот: бумага не все терпит.

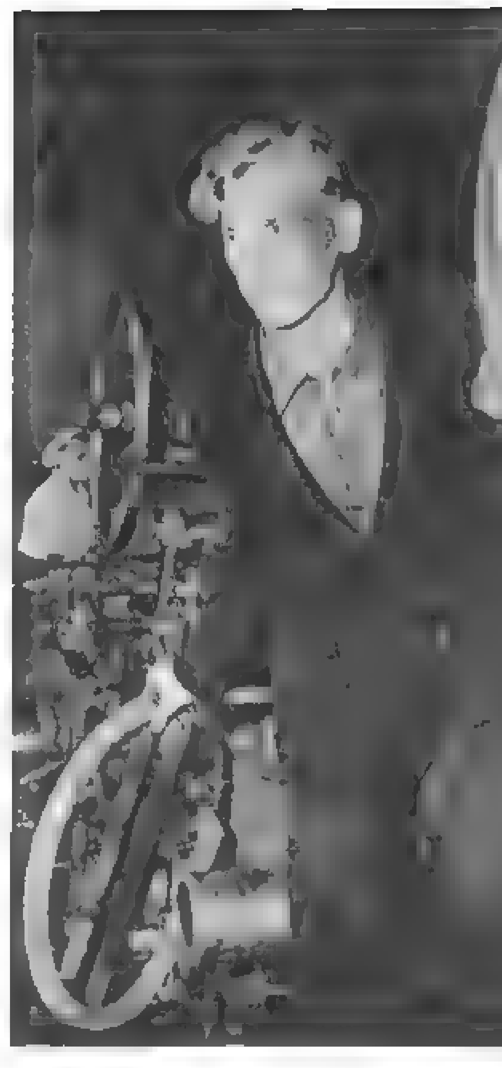
...Перед отъездом мы зашли на фабрику попрощаться. В цехе готовой продукции рядом с многочисленными рулонами бумаги возвышался столик. На нем небольшого размера голубой листок: паспорт на бумагу для глубокой печати. Его уже подписали сдавшие смену каландровщик, сменный мастер, старший резчик. Ручку взял сеточник Виктор Добрынин.

— Ну как,— спросил Кольцов,— не вернет нам издательство пару рулончиков обратно?

Виктор Добрынин уверенно расписался и, завинчивая ручку, ответил с деловым спокойствием:

— Не вернет. Нами сработано, и проверено нами.

Поселок Знаменск,
Калининградской области.

Сменный мастер Иван Байкалов

Старейший рольщик Александр Алексеевич Крюков и лаборантка Нина Шеин берут пробу бумажной массы

МОСКВА, ЮГО-ЗАПАД

Панорама застройки квартала первой очереди юго-запада.
Рис. архитектора Г. Ильинского.

Г. ЯСНЫЙ,
главный инженер Строительного управления № 17 «Главмосстроя»

Еще не так давно неприглядная территория Лужников представляла собой юго-западную границу Москвы. Лужники оканчивались излучиной Москвы-реки, а на Ленинских горах несколько десятков деревянных домиков, утонувших в зелени Воробьевского шоссе, как бы пунктирной линией связывали павильоны «Мосфильма» на Потылихе с зигзагообразным зданием ВЦСПС у Калужской заставы.

Затем посреди обширной площади Ленинских гор выросло величественное здание Московского университета, а сооружения стадиона имени Ленина изменили облик Лужников. По проекту композиционным завершением этого района явится городской парк, центром которого послужит здание Пантеона — памятника вечной славы великим людям Советской страны.

По обе стороны от МГУ на площади в 1 400 гектаров раскинется новый жилой район столицы. Он ограничен с северо-востока живописной излучиной Москвы-реки, с юго-востока зданиями институтов Академии наук вдоль магистрали Москва — Киев, а с северо-запада проектируемой магистралью Бережковская набережная — Потылиха — Боровское шоссе. Здесь в шестой пятилетке должно быть сооружено около двух миллионов квадратных метров жилой площади.

Выбор территории юго-запада обусловлен благодатными климатическими и почвенными условиями. Самая возвышенная часть Москвы превратится в город-сад.

Поросшие деревьями склоны Ленинских гор уже сейчас переходят в зеленый партер университетской территории, смыкаются с садами и парками, окаймляющими Воробьевское шоссе. Кроме городского парка у Пантеона, предполагается создание еще нескольких зеленых массивов. Эти зеленые насаждения общего пользования составят в среднем 21 квадратный метр на одного жителя. Помимо того, зелень внутри жилых кварталов займет 40 процентов всей площади.

Обводнение нескольких мелких водоемов и создание новых водных зеркал на месте глубоких оврагов улучшат климатические и почвенные условия местности.

Подсчитано, что в самое напряженное время дня за один час в этом районе нужно будет перевезти 40 тысяч пассажиров. Если пустить такой транспортный поток по нынешним магистралям, то вся Бережковская набережная и Большая Калужская улица оказались бы сплошь запруженными автобусами, троллейбусами и автомобилями на всем своем протяжении. Для разгрузки проектируется строительство двух мостов через Москву-реку. Врезавшись в Ленинские горы, мосты перейдут в отлогие туннели.

На юго-западе по типовым проектам строятся четырех- и пятиэтажные дома. Архитекторы находят скупые и строгие формы для зданий. Большинство квартир будет иметь две или три комнаты. Каждая квартира оборудуется встроенными шкафами, антресолями, мойками для посуды, мусоропроводом, ванной. В кухнях предусмотрено все необходимое, начиная со шкафов с многочисленными полками и отделениями для различных хозяйственных предметов и продуктов и кончая выдвижными столиками для разделки овощей и мяса.

Само собою разумеется, что все здания юго-запада снабжаются центральным отоплением от теплоэлектроцентрали, холодной и горячей водой, газом.

Магазины, булочные, рестораны, столовые, кафе-закусочные, молочные разместятся в первых этажах жилых домов. Район будет иметь свой хлебозавод, фабрику пищевых полуфабрикатов, молочный завод, крытый рынок.

В центре застройки займет видное место драматический театр, в окрестных парках — театр эстрады и концертный зал. Уже в этом году перед зрителями откроются двери широкоэкранного кинотеатра.

Молодежь найдет, где заняться спортом в этом районе. Два стадиона с трибунами для зрителей, восемь межквартальных стадионов, две водные станции, семь крытых зимних плавательных бассейнов, летний каток — таков неполный перечень спортивных сооружений, которые должны быть возведены на юго-западе. Каждый жилой блок, кроме того, будет иметь площадки для игры в волейбол, теннис, баскетбол.

В этом районе строятся три больницы, родильный дом, детская больница, санитарно-эпидемическая станция, диспансер, несколько поликлиник, инфекционная больница, Дом санитарного просвещения. Большая забота проявлена о детях. Здесь будет 80 детских садов и 60 детских яслей. Сорок десятилеток, каждая на 880 учащихся, обеспечат возможность вести все занятия в одну смену. Каждому учебному заведению выделяется участок от одного до полутора гектаров. Некоторые школы группируются попарно, а между ними размещены спортивные сооружения. В двух музыкальных школах и Доме пионеров с детским театром смогут развивать свои дарования юные музыканты, художники, конструкторы.

Владельцы автомашин получат десять удобно оборудованных полуподземных гаражей-стоянок, где созданы все условия для ремонта и ухода за автомобилем. Уже заканчивается строительство двух гаражей на 175 машин.

Объехав строительные площадки юго-запада, можно легко проследить все этапы комплексной застройки и современных методов возведения зданий. На спланированной бульдозером площадке экскаваторы копают котлованы. Краны на гусеничном ходу укладывают сборные железобетонные плиты фундаментов и возводят стены подвала из бетонных блоков. На монтаже занято, как правило, всего два — три чело-в[illegible]

Мощные башенные краны несут ввысь железобетонные плиты-настилы перекрытий площадью более 12 квадратных метров и весом более 4 тонн каждая. Индустриализация строительства сказывается главным образом в массовом применении сборных железобетонных изделий. Лестничные марши и площадки, перемычки и прогоны, балконные плиты и колонны, архитектурные детали карниза и фасада — все здесь сборное, несгораемое, веч-[illegible]

Стройки юго-запада стали подлинной лабораторией новаторского опыта. Здесь находят применение и проверяются на деле достижения технической мысли. Новые образцы керамической облицовки фасадов, кладка стен из пустотелых блоков, перегородки из гипсоволокнистых плит, замена радиаторного отопления панельным — эти и многие другие новые конструкции выдержали экзамен и прочно вошли в быт. Здесь, впервые в столице, был построен семиэтажный дом целиком из крупных кирпичных блоков, изготовленных на заводском полигоне. Впереди применение в широком масштабе железобетонных дверных и оконных коробок, ажурных железобетонных стропил и покрытие кровель железобетонными листами.

Коллектив нашего Строительного управления в прошлом году осуществил постройку жилого дома № 52—56 объемом в 300 тысяч кубических метров, с жилой площадью более 30 тысяч квадратных метров в течение 9 месяцев. За это время в стены здания было уложено 18 миллионов штук кирпича. В нынешнем году мы приняли обязательство ввести в эксплуатацию 20 тысяч квадратных метров жилой площади сверх плана.

На стройках юго-запада укладывается ежедневно более 600 тысяч кирпичей. Но это далеко не предел. Миллион штук кирпичей в день — вот к чему стремятся строители.

На юго-западе столицы можно увидеть экскурсантов из Ленинграда и Куйбышева, Горького и Норильска. Гости пытливо изучают столичный опыт, жадно схватывают все новое, а нередко и сами подсказывают передовые, смелые решения, основанные на местном опыте.

Часто посещают юго-запад и зарубежные гости. Наряду с группами строителей из стран народной демократии здесь побывали японцы и индонезийцы, французы и аргентинцы, бельгийцы и американцы. Свои впечатления от увиденного убедительно выразили африканские гости из далекой Нигерии и с Мадагаскара: они нарисовали на папиросной коробке скрещенные серп и молот и передали незатейливый рисунок нашим каменщикам.

...Увидеть освещенные окна во вновь выстроенном доме — самое большое удовлетворение для строителя. С каждым днем зажигается все больше огней в домах юго-запада.

Киевское шоссе. Здесь начинается Москва.

Фото Дм. Бальтерманца.

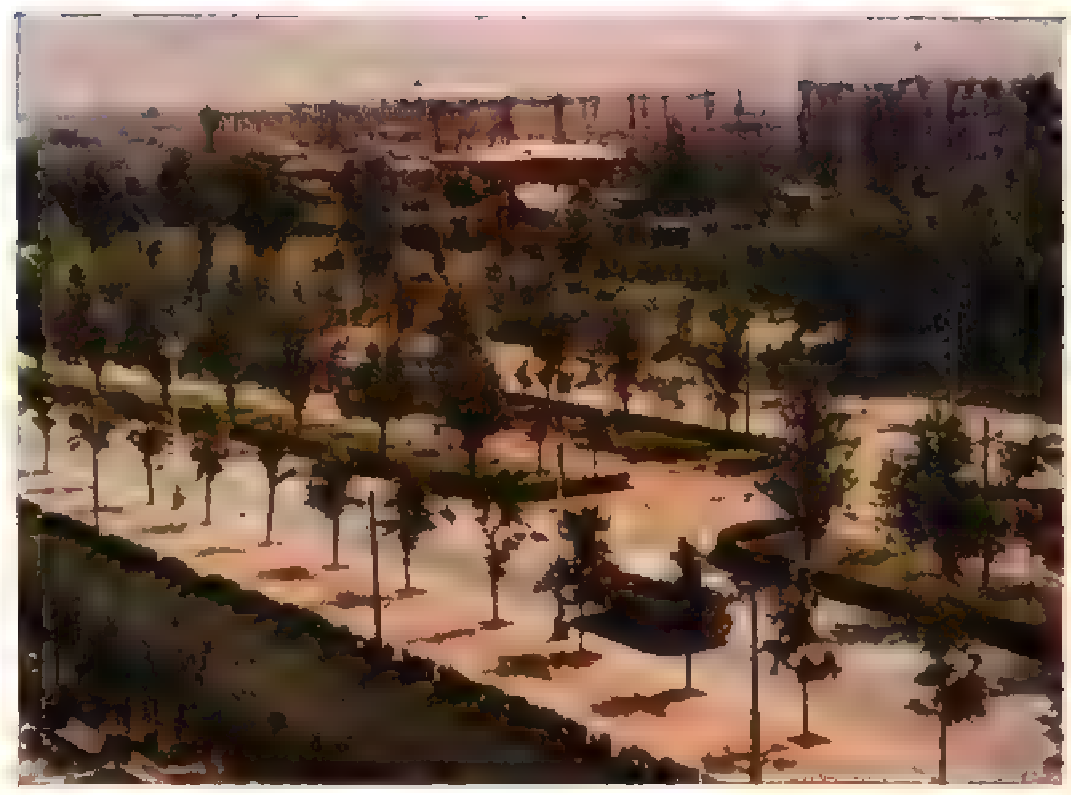
Стройки юго-западного района Москвы «наступают» на близлежащие деревни.

Общий вид строительства одного из участков.

Так выглядит стройка, когда смотришь на нее с Ленинских гор.

Ребята обрабатывают участок у недавно выстроенной школы.

← Отсюда виден Московский университет.

Этот квартал уже заселен

ИТАЛЬЯНСКИЕ РАССКАЗЫ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

«Счастье выпадет тебе»

Альберто МОРАВИА

Когда мальчишкой я играл с другими ребятами в разные игры, была у нас одна считалка, которая начинается так: «Сто пятнадцать и пятьсот, на заре петух поет». А конец такой: «Сидит кошка на трубе, счастье выпадет тебе».

Как мне хотелось, чтобы палец считавшего уткнулся в мою грудь и мне выпало быть главарем в игре! Что поделаешь, самолюбие! Известно, что в жизни самолюбие — это главное; кто этого не понимает, тот ровно ничего в жизни не понимает. Я и теперь остался человеком, который всегда надеется, что «выпадет» именно ему. Но только не так уж часто мне выпадало счастье, вернее, почти никогда. И вот не так давно к моему трудному, застенчивому характеру прибавилось еще и неважнецкое занятие: я стал работать на вывозке мусора.

Чего только не болтают о мусорщиках! Уж хуже мусорщиков, говорят, ничего нет, даже нищие, и те лучше них. Может, конечно, и так. Но только представьте себе, что получится, если мусорщиков совсем не будет? Это сразу видно в те дни, когда мы бастуем: весь город грязный, некрасивый, засоренный бумажками, помойки переполнены. А грязнее всего на самых хороших улицах, потому что богатые ведь мусорят больше бедняков; по мусору всегда видно, как люди живут. Вот в забастовочные дни и выясняется, что при теперешней жизни без мусорщиков не обойтись.

Ну, словом, разъезжая на повозке с мусором, я думал, что уж никогда мне не выпадет удача. Выпадало всё другим, в особенности с женщинами. Стоило мне сказать какой-нибудь девушке, которая мне нравилась: «Я работаю мусорщиком», — как она морщилась и отворачивала нос. А потом, рано или поздно, она переставала со мной встречаться. Лучше бы уж мне говорить: «Я занимаюсь воровством». Поначалу до меня не доходило, но потом я постепенно стал соображать, что вроде лучше бы мне помалкивать о своей работе. Окончательно открыл мне глаза старый Сильвестро, с которым мы вместе работали. Однажды утром, когда мы, как обычно, ездили от дома к дому, забирая мусор, я ему пожаловался, что женщинам не нравится наше занятие. Он мне ответил на это:

— Это потому, что вонючее у нас ремесло, женщины таких не любят... А ты скрывай...

— А что говорить?

— Говори, что ты служащий городского управления. Ведь это в конце концов правда... Все мы муниципальные служащие: и кто мусор собирает и кто сидит в адресном столе за окошечками — те и другие служащие.

Тут вмешался другой мой товарищ, Фердинандо, рыжий, веснушчатый, очкастый парень моего возраста.

— А по-моему, ты не прав... Зачем скрывать свое занятие? Оно не хуже других. Мы такие же трудящиеся, как и все... Если ты скрываешь, — значит, поддаешься предрассудку.

— Ишь ты какой! — говорит Сильвестро. — Ну, а предрассудок-то существует или нет? Что для Луиджи важнее: с предрассудками бороться или чтобы его девушка полюбила? А потом посмотри на грузчиков... Они тоже трудящиеся, а, однако, они себя называют кто носильщиками, кто разносчиками, кто еще как-нибудь. Они меняют название, а не работу... Тоже из предрассудка.

— Послушай меня, Луиджи, — упрямо сказал Фердинандо, — не скрывай ничего. Если женщина придает значение предрассудку, — значит, он для нее важнее, чем ты.

В общем, мы проспорили довольно долго, пока наша повозка, полная мусора, медленно двигалась по улицам в утреннем ноябрьском тумане. Потом мы остановились у одного из домов. Фердинандо взял мешок, слез и, насвистывая, вошел в ворота. Я сказал Сильвестро:

— Ты старик и знаешь жизнь. Научи меня, как быть?

Он вынул трубку изо рта и ответил:

— Фердинандо предпочитает хвастаться своим ремеслом, но, по-моему, это просто другая манера его стыдиться... А я вот не стыжусь — не хвастаюсь и не скрываю. Я мусорщик — и баста.

— Да, но я...

— Ты другое дело... Тебе выгодно скрывать, я тебе уж сказал: говори, что ты муниципальный служащий.

Правду сказать, мне этот совет не понравился. Я был мусорщиком и не считал, что это надо скрывать, словно позор какой. Но через несколько дней, сидя в свободный час без фуражки и бляхи на скамеечке парка Виллы Боргезе, я снова поразмыслил обо всем этом и сказал себе, что в конце концов Сильвестро, вероятно, прав. От этой мысли я вдруг испытал такое чувство, какое иной раз бывает во сне, когда снится, будто гуляешь в одной рубашке и не знаешь этого, и вдруг кто-то тебе говорит, и тебе становится ужасно стыдно, и тут ты просыпаешься. Значит, целых два года я был мусорщиком и не замечал этого; значит, я вроде как гулял в одной рубашке, и только я один этого не видел. Значит...

Был славный ноябрьский денек, теплый и немного туманный, листья на деревьях желтые и красные, и в аллеях полно женщин с ребятишками. Я так погрузился в свои размышления, что и не заметил, как на ту же скамеечку села девушка с маленькой девочкой, наверное, горничная или бонна. Потом слышу голос:

— Беатриче, не убегай далеко!

Я обернулся и посмотрел на нее. Девушка была молоденькая, крепкая такая, личико круглое, румяное, вокруг головы обернута белокурая коса, толстая, как канат. Мне особенно глаза понравились: черные, мерцающие, как бархат, улыбающиеся. Она держала в руках ведерко и пальто девочки, которая, сидя на корточках, играла в песок. Видя, что я гляжу на нее, девушка обернулась ко мне и сказала спокойно:

— Вы меня не знаете, а я вот вас знаю.

Как могут повлиять разговоры на человека! Я почувствовал, что краснею, и подумал: «Она меня, наверное, видела с мешком мусора за плечами». И отвечаю ей быстро:

— Синьорина, вы меня с кем-то путаете... Я вас никогда не видел.

— А все-таки я вас знаю.

Тут уж я решил соврать:

— Не может быть. Вот если только вы меня видели в муниципальном управлении, я там служу... Там бывает очень много народу...

На этот раз она ничего не сказала, а только посмотрела на меня как-то странно. Потом говорит:

— Вы служите в муниципалитете?

— Да-да.

— А в каком отделе?

— Да по разным, как придется. Там ведь много отделов.

— Значит, — говорит она с расстановкой, — я, должно быть, вас именно там видела... Я там была дня два назад.

— Безусловно, так.

В это время девочка немного отошла и стала рыться в куче сора и сухих листьев. Девушка крикнула ей:

— Оставь, Беатриче, это мусор!.. Хорошие девочки не трогают мусора.

При слове «мусор» я невольно вздрогнул и опять покраснел. Тут как будто назло явился метельщик в своей противной серой спецовке, с тележкой и метлой и начал убирать эту кучу. Она говорит:

— Вот, наверное, много возни дворникам с этими опавшими листьями.

Я сильно покраснел и говорю в надежде, что она со мной согласится:

— Это — их ремесло, они муниципальные служащие, как и я... Они метут, я пишу — вот и вся разница.

Она снова на меня посмотрела как-то странно, потом говорит:

— Меня зовут Джачинта... А вас?

— Луиджи.

Так мы и познакомились. Она не сказала мне своего адреса, говоря, что не хочет, чтоб хозяйка узнала о наших встречах. Но, как я понял, она жила в том самом районе, который мы каждое утро объезжали. Мы стали видеть-

ся часто, несколько раз в неделю, и уж обязательно по воскресеньям. Ходили в кино или на футбол, иногда в кафе. Я влюбился в нее главным образом за характер, если так можно выразиться. Я такой девушки никогда еще не встречал: спокойная, мягкая, ровная, может, немножко скрытная — все всегда внутри, в себе, словно глубокие, тихие воды. Она любила молчать, и когда я говорил, только кивала головой, так ласково, словно одобряя меня, словно говоря: «Верно, именно так, ты прав». Но хотя она сама и не говорила, глаза говорили за нее: всегда улыбающиеся, всегда внимательные, таинственные и мерцающие мягко, как черный бархат. Никогда она мне никаких вольностей не разрешала: только два или три раза в кино позволила взять ее за руку. Я попрежнему говорил ей, что служу в муниципальном управлении, и иногда даже добавлял кое-какие подробности, чтобы было правдоподобнее. Но все-таки иногда я себя выдавал, потому что слова «мусор» и «мусорщик» приходили мне на язык чаще, чем нужно. Один раз она сильно опоздала на свидание, я попрекнул ее и говорю невольно: «Ведь я человек... а не мусор». Конечно, я тут же прикусил себе язык и покраснел до ушей. Мне показалось, что она улыбнулась, но ни слова не сказала.

Я был так влюблен, что стал подумывать, не обручиться ли нам. Но тут же сообразил, что если я хочу жениться, то прежде всего надо сменить работу. Я слишком много наврал ей, и признаться теперь, что я мусорщик, значило бы все испортить. Во-первых, она разочаруется: мусорщик! А потом я окажусь лжецом, а женщины, как известно, лжецов не любят. Но не так-то легко было найти другую работу. Мне ведь надо было сменить и выдуманную и настоящую. Я стал в свободное время ходить по Риму и искать места. Но мне ничего не удавалось найти, и я уж стал прикидывать, не лучше ли мне уволиться и остаться совсем без работы! Безработным все-таки лучше быть, чем мусорщиком. И вот тут-то и случилось то, чего я все время боялся.

По утрам мы всегда объезжали один и тот же участок. Как я говорил, нас на повозке было трое: мы с Фердинандо по очереди ходили наполнять мешки, а Сильвестро правил лошадьми и помогал нам вываливать мусор. Разговаривали мы мало. Сильвестро, сидя на козлах с вожжами в руках, сосал свою трубку; Фердинандо, устроившись на мусоре, читал газету или журнал, выуженный из какой-нибудь помойки; а я думал о Джачинте и о моем вранье.

Однажды утром, когда был мой черед идти за мусором, повозка, как всегда, остановилась у желтого трехэтажного дома поблизости от пьяцца Либерта. Я молча взял мешок, слез с повозки и вошел в подъезд. Это был дом без лифта, старый и такой тихий, что казался нежилым; там было всего три квартиры. Я с мешком в руках поднялся по лестнице до первой площадки и постучался в квартиру. На двери была дощечка с фамилией вроде Джинези. Я смутно помнил, что эту дверь всегда открывала пожилая кухарка — хмурая фригийка, здоровая, как мужик. И когда дверь открылась, я, не поднимая глаз, протянул мешок, говоря, как обычно: «Мусорщик».

Но, увидя руки, которые держали алюминиевое мусорное ведро — не темные, грубые кухаркины руки, а маленькие и беленькие пальчики, — я невольно поднял глаза.

Это была она.

Потом уж я узнал, что в доме были две прислуги: она и кухарка. Она, комнатная горничная, никогда не выносила мусора, а, оказывается, смотрела на меня в окно. А в то утро кухарка заболела. Узнал я еще, что когда она увидела меня на пороге, то оробела и не могла ни слова выговорить. Все это я уж потом сообразил: задним умом крепок. Но в тот момент, когда она молча протянула мне ведро, мне показалось, что в ее черных глазах блеснула какая-то насмешка. Я покраснел, побледнел, схватил ведро, опрокинул мусор в мешок, взвалил его на спину и убежал. Представил тут я себе, каков я с виду: фуражка набекрень, бляха, полосатая вонючая спецовка: мусорщик, никакой не служащий, а мусорщик! Я почувствовал, что у меня никогда не хватит мужества снова ее увидеть. И я не пошел в другие квартиры. Вернулся на улицу, бросил к Фердинандо на повозку полупустой мешок, а потом швырнул туда же фуражку и бляху и говорю:

— Забери и это. С меня хватит... Я ухожу... скажи в управлении...

— Да что с тобой? Ты спятил?

— Не спятил я... До свидания.

На этот день у нас с Джачинтой было назначено свидание, но я не пошел. Провалялся на постели в каморке под лестницей, которую мне сдавала одна портниха. Мне хотелось плакать, но слезы не шли, вроде как бывает, когда в носу свербит, а никак не чихнешь. К вечеру вместо того, чтоб плакать, я заснул, а когда проснулся, то понял, что теперь уж действительно всему конец.

Я очень боялся, что придется долго оставаться безработным. Но мне повезло, и через несколько дней я нашел место сторожа на стройке за городом, в районе Мальяна.

Я просидел на этом строительстве четыре месяца безвыходно, как сторожевая собака. Но однажды в воскресенье я отправился в Рим и на площади Рисорджименто встретил Сильвестро. Увидев меня, он сказал:

— Мы потом узнали, почему ты ушел... Эта девушка... Но ты скверно поступил. Она тебя любила по-настоящему, любила потому, что это был именно ты, а не кто другой. Она сказала, что теперь полюбит только кого-нибудь из нашей братии... Она говорила, что от одного вида человека с мешком за плечами и в фуражке санитарной службы у нее начинает колотиться сердце. «Для меня, — говорит, — мусорная повозка лучше, чем самые шикарные машины...» Отсюда мораль: она теперь с Фердинандо.

— Как с Фердинандо?

— Ну да, ей нужен был мусорщик, она его и получила... Он ведь не скрывал своего ремесла и даже им хвалился... Они обручились.

Я повернулся и пошел, прервав разговор на полуслове. Мне хотелось искусать себе руки. Один раз в жизни, как говорится в считалке, в ы п а л о мне, именно мне, а я этого не понял. Среди всех женщин на свете нашлась такая, которой нравилось ремесло мусорщика, а я не отгадал этого. Да, сколько ни живи на белом свете, все будешь ошибаться. Вот и на этот раз снова выпало счастье, да не мне.

Перевела З. ПОТАПОВА.

Велосипед

Вирджилио ЧИПОЛЛОНЕ

Ему казалось, что он летит. Он лихо крутил педалями, как в былые золотые деньки, и звонко свистел на поворотах, возмещая некоторым образом отсутствие звонка. Он держал руль одно мгновение и потом, резвясь, летел «без рук», волосы по ветру и широкая улыбка на лице.

В тот день наконец он получил работу. Работа, которая, возможно, продлится недолго, но которая даст ему возможность хотя бы несколько месяцев жить и, черт возьми, может быть, не совсем спокойно, но все-таки жить.

В тот ранний час улица была почти пустынна, и только время от времени встречался какой-нибудь рабочий на велосипеде, и Берто, продолжая свой путь, приветствовал его восторженно, точно видел старого знакомого или друга.

На одном из поворотов прямо перед ним по обочине дороги шла быстрым шагом девушка. Объезжая, он заглянул ей в лицо. Затем слез с велосипеда и пошел рядом.

— Подвезти? — спросил он.

Девушка слегка пожала плечом, как будто досадуя или притворяясь, что досадует, и сухо ответила, что у нее прекрасные ноги.

— Вижу, — дерзко парировал он. И, желая завязать разговор: — Но идти-то далеко.

— А ты откуда знаешь, куда я иду? — спросила она.

— До деревни, не так ли? Уж я-то знаю, что отсюда на километр вокруг нет ни одного дома. И в таком случае ты должна отшагать не меньше километра.

— И отшагаю, — ответила она и пошла быстрее.

— Прекрасно, — улыбнулся он. — До следующей встречи. До свидания.

Он вскочил на велосипед и помчался дальше.

Вечером он медленно возвращался домой, немного усталый, но не менее счастливый, чем утром. Легко и равномерно нажимая на педали, он посылал велосипед вперед. Руки в карманах. Салфеточка из-под завтрака, привязанная к рулю, развевалась, как флажок.

За весь длинный рабочий день он совершенно забыл о девушке, но теперь, возвращаясь в город, вдруг вспомнил и утреннюю встречу и лицо девушки с решительными и волевыми глазами. Он подумал: вероятно, она работница, и в таком случае он встретит ее в этот час, она ведь тоже направляется в город. Но его ожидания были напрасны: по дороге встречались девушки, но не было среди них той, которую он искал.

Более счастливым, однако, он оказался на следующее утро, когда на том же самом повороте увидел ее впереди. Она торопливо шла коротким, но быстрым шагом, и сумочка на ее руке легко покачивалась из стороны в сторону. Вот эта сумочка и поразила его, он представил себе ее содержимое: холодная закуска между двумя широкими ломтями хлеба, точь-в-точь как у него в салфеточке, привязанной к рулю.

Теперь, думая об этом, он обозвал себя ду-

ракам. Ведь эта дорога вела прямо к шелкопрядильной фабрике, и он мог побиться об заклад, что девушка работает именно там.

Прежде чем обогнать ее, Берто издал горлом звук, похожий на гудок, и, когда оказался рядом, поздоровался и сказал:

— Сегодня я не малолитражке. Хочешь, подвезу?

Девушка взглянула на него удивленно, но губы выдали ее, она улыбнулась и чуть было не рассмеялась звонко, но сдержалась.

— Опять? — пробормотала она.

— Так ведь отсюда полтора километра, а то и больше. И потом целый день на ногах. Ведь идет речь о том, чтобы сберечь силы, насколько возможно.

Девушка удивленно моргала глазами, слушая доводы Берто. Теперь она уже весело глядела на юношу.

— Что ты хочешь всем этим сказать?

— Я хочу сказать, что если ты доедешь до фабрики на раме, то ты не так сильно устанешь, стоя весь день у станка.

— А ты откуда знаешь, что я работаю прядильщицей?

— Ха! Ха!.. В свободное время занимаюсь гаданием. Так едем?

Казалось, девушка колеблется. Она продолжала идти рядом с Берто, который ехал на велосипеде тихо, со скоростью человеческого шага, и, чтобы удержать равновесие, вертел рулем.

— Так как? — спросил Берто.

Девушка остановилась, улыбнулась и сказала:

— Ну что же, едем.

Берто показалось, что сердце у него стало биться чаще, когда, стоя одной ногой на земле, он помогал девушке сесть, подхватив ее под руку. Он рассмеялся счастливо и воскликнул:

— Меня зовут Берто!

— А меня Джинетта, — последовал ответ.

Всю дорогу они болтали без умолку. Когда Джинетта слезала у фабрики, юноша спросил, в каком часу она кончает работать. И в ответ заверил:

— В этот час я буду здесь, у ворот, ждать тебя.

Девушка хотела протестовать: ведь обратная дорога шла в гору, но Берто уже помахивал рукой издалека.

По утрам Джинетта могла вставать позже. В течение нескольких минут она оставалась в кровати и грезила наяву, потягиваясь и думая о Берто.

С каждым днем она привязывалась к нему все больше и больше. Во время поездок из города до фабрики и обратно она жадно ловила каждое слово Берто в надежде вот-вот услышать те слова, которые выражали бы чувства более глубокие, чем просто дружба.

Берто свистел три раза под окном, и она торопливо спускалась по лестнице, на ходу прощаясь с матерью, которая каждое утро наблюдала эти встречи из-за занавесок.

Она протягивала ему руку, и он сжимал ее на мгновение между своими; его левая рука нежно скользила по ее руке от кисти до локтя.

Затем Берто говорил ей что-то, и она смеялась, садясь на раму. Отталкиваясь одной ногой, Берто разгонял велосипед и, медленно вращая педалями, сворачивал за угол.

В то утро мать Джинетты заметила, что что-то новое заставило их задержаться. Джинетта казалась взволнованной и смущенной, и все ее лицо сияло и светилось от счастья.

Оба беззаботно перекидывались шутками, и только когда Джинетта собралась садиться на раму, мать заметила это новое: Берто укрепил на раме небольшое удобное седло, и теперь Джинетта весело проверяла его прочность.

Мать улыбнулась и радостно закивала головой. Потом снова принялась за работу.

— Зачем ты тратишь деньги? — спросила Джинетта.

— Это моя первая заработная плата, которую я получил после стольких месяцев. Должен же я получше оборудовать свою малолитражку или нет?

— Но я ведь не жаловалась на неудобства! — рассмеялась довольная Джинетта.

Она была уверена, что в этот день Берто пойдет дальше в своем обычном, хотя и нежном ухаживании за ней. И вечером действительно это подтвердилось.

Берто ждал ее не у ворот, как обычно каждый вечер, а по другую сторону дороги. Когда Джинетта подошла к нему, он сказал, как бы извиняясь:

— Сегодня вечером мне что-то не хочется видеть твоих подруг по работе.

— Почему? — спросила удивленная девушка.

— Садись, потом объясню.

У развилки Берто вдруг свернул на полевую тропинку. Джинетта обернулась и взглянула на него.

— А теперь куда мы едем?

— В ста метрах отсюда есть полянка как раз для нас.

— А если меня не интересует эта полянка?

— Посмотрим. Может быть, она тебе и понравится. Там нам не помешает ни одна живая душа. Смотри. — Берто остановился и показал девушке свою полянку, заросшую кустарником, тихую, пахнущую свежей травой. — И здесь, если ты обнимешь девушку, никто не будет смеяться над тобой.

Джинетта обернулась, но, прежде чем успела вымолвить хоть одно слово, оказалась в объятиях Берто, который целовал ее.

Все лето и начало осени полянка была «арендована» ими, и Джинетта возвращалась домой все позже и позже, безуспешно пытаясь наверстать время, взбегая, как угорелая, вверх по лестнице.

Улыбаясь, она вбегала в комнату, поправляла волосы и шла переодеваться, уже готовая приняться за уборку.

Берто стоял на краю дороги, как обычно по вечерам, но лицо его было другим. Джинетта заметила это сразу же, как только подошла к нему, и, здороваясь, была уверена, что тут что-то не так.

— Ты чем-то обеспокоен? — спросила она.

Против обыкновения Берто разгонял велосипед очень медленно, и для Джинетты это было как бы зловещим ответом. Как бы то ни было, она ждала с тревогой, когда Берто заговорит. Они медленно приближались к развилке, где тропинка пересекала дорогу и уходила в сторону, к полянке. Джинетта вся замирала от мысли, что Берто поедет прямо.

Но когда она почувствовала, как под ее руками руль медленно поворачивает в сторону, все ее беспокойство разом исчезло. Наконец на полянке Берто прислонил велосипед к кусту и крепко сжал руки Джинетты.

— Так в чем же дело? — спросила девушка.

— Извини меня, — сказал Берто, — я не имею права портить тебе вечер, но речь идет о нас, о наших планах, которые рухнули сразу. Завтра меня увольняют.

Кровь прилила к лицу Джинетты, губы ее мелко задрожали, но она плотно сжала их, чтобы скрыть дрожь и попытаться улыбнуться.

— Не стоит убиваться из-за этого. Найдешь другую работу.

Берто улыбнулся и медленно опустил голову.

В течение некоторого времени, казалось, все шло по-старому. По утрам Берто свистел три раза под окном Джинетты, и она сбегала вниз по лестнице, садилась на раму — и они мчались вперед, к фабрике. А по вечерам Берто был у ворот, и на развилке руль сворачивал вправо.

Но однажды утром Джинетта ясно увидела всю безвыходность положения Берто. Как обычно, она бегом спустилась вниз, но, садясь на велосипед, вдруг неожиданно остановилась.

— Но это не твой велосипед! — воскликнула она.

Правда, маленькое седло было прикреплено к раме, но велосипед был другой.

— Да, — как-то рассеянно ответил Берто. — Мой в ремонте. А этот я занял у товарища.

Джинетта почувствовала, как краска заливает ее лицо. Всю дорогу она не могла вымолвить ни слова.

Вечером то же самое: Берто вернулся с велосипедом товарища и так в течение нескольких дней.

— Все еще в ремонте? — спрашивала Джи-[illegible]

Берто утвердительно кивал головой и переводил разговор на другое.

Но однажды вечером, во время свидания, подходя к дому, Джинетта попросила Берто подождать ее немного.

— Одну минуточку. Я только поднимусь и сейчас же спущусь к тебе.

Берто видел, как Джинетта исчезла в подъезде, слышал, как она поднималась по лестнице. Прошло несколько мгновений, затем он услышал, как каблуки ее туфель тяжело застучали по ступенькам. Это был единственный раз, когда Джинетта не спускалась бегом.

И прежде чем Берто увидел ее лицо, из дверей появилось переднее колесо его собственного велосипеда.

— Джина! — воскликнул Берто, идя ей навстречу. — Зачем ты это сделала? И как ты это сделала? Квитанция из ломбарда ведь у меня?

Джина улыбнулась и покачала головой.

— Была у тебя.

Берто стал торопливо ощупывать карманы, а Джина хохотала.

— Теперь я вижу, как ты меня любишь. Пока ты меня целовал, я исследовала все твои карманы, а ты даже не заметил ничего.

Берто одной рукой крепко держал велосипед, а другой нежно обнимал Джинетту.

— Но ты не должна была...

— Ты не должен был... — запротестовала девушка. — Велосипед наш или нет? И не говори мне, пожалуйста, что мы должны ждать дня свадьбы, чтобы помогать друг другу!

Перевел Б. БАЙШЕВ.

ДРЕВНЯЯ КИТАЙСКАЯ ОБСЕРВ

«Недавно во время командировки в Китай я посетил древнюю китайскую обсерваторию, расположенную в восточной части городской стены, окружающей Пекин.

Мхом и травой поросли серые камни ее башни, почерневшие от времени и источенные дождями и ветром. Мы поднялись по крутой лестнице на площадку в окружении плотного кольца любопытных ребятишек, живущих вблизи этого памятника глубокой старины. Какой это был замечательный символ — многовековая, седая древность и молодость нового Китая!

На широкой каменной площадке обсерватории стоят различные астрономические приборы, щедро украшенные тончайшей резьбой с изображениями дракона и других мифических существ. К [redacted] я не имел возможности ознакомиться подробно с обсерваторией и важнейшими работами китайских ученых, сыгравших в свое время огромную роль в развитии астрономии. Думаю, что об этом интересно было бы узнать и читателям «Огонька»...

Архитектор
Ю. СЕРАДСКИЙ.
г. Днепропетровск».

Выполняя просьбу тов. Серадского, редакция обратилась к председателю Комиссии истории астрономии Астрономического совета А[redacted]мии наук СССР П. Г. Куликовскому. Вот что он [redacted]

Великий китайский народ внес неоценимый вклад в сокровищницу мировой культуры. Многие научные открытия и технические изобретения были сделаны в Китае за несколько сот лет до того, как они появились на Западе. Достаточно указать на изобретения компаса, сейсмоскопа, бумаги, книгопечатания, фарфора.

Большой вклад внесли китайские ученые и в развитие астрономии.

Первые астрономические наблюдения в Китае регистрировались еще в древних летописях. В одной из них описано затмение 776 года до нашей эры. К этому времени китайские ученые уже умели предсказывать затмения Солнца и Луны и установили, что они периодически повторяются.

Кстати, календарь был разработан в Китае задолго до того, как появился в Европе. Основой этого календаря было лунное летосчисление с циклами по 60 лет, причем для сочетания лунного и солнечного календарей периодически вводились добавочные «тринадцатые месяцы». Еще за 600 лет до нашей эры в Китае была принята продолжительность года в 365 и одну четвертую [redacted].

В стране было совершено немало и других важных в астрономии открытий. Еще в IV веке до нашей эры Ши Шэнем был составлен каталог 800 звезд.

Почти за два тысячелетия до наших дней в китайских летописях встречается первое упоминание о солнечных пятнах. К началу нашей эры китайские астрономы подробно изучили движение планет Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна и определили периоды их обращений.

В начале VIII века нашей эры в Китае было открыто перемещение некоторых звезд. А в Европе до XVIII века звезды считались неподвижными.

В 1193 году была создана первая из известных звездных карт: до сих пор сохранился большой камень, на котором высечено 1 440 звезд.

Фото архитектора Ю. Серадского.

Общий вид Пекинской обсерватории.

Все эти исследования были выполнены с помощью специальных астрономических инструментов, о которых мы можем судить по такому замечательному памятнику науки прошлого, как старая Пекинская обсерватория. Она была построена в 1279 году на окраине Пекина. Многие астрономические инструменты для нее создал выдающийся китайский астроном Го Шоу-цзина. Одни предназначались для измерения высот небесных светил над горизонтом, другие — для определения расположения светил относительно меридиана обсерватории. С помощью этих инструментов можно было измерять видимые угловые расстояния между светилами и определять момент прохождения ими различных точек небосвода. Все эти инструменты изготовлены из бронзы и художественно оформлены.

Сейчас древнюю китайскую обсерваторию посещают многочисленные экскурсии трудящихся Китая и зарубежные гости.

Деталь прибора.

Секстант.

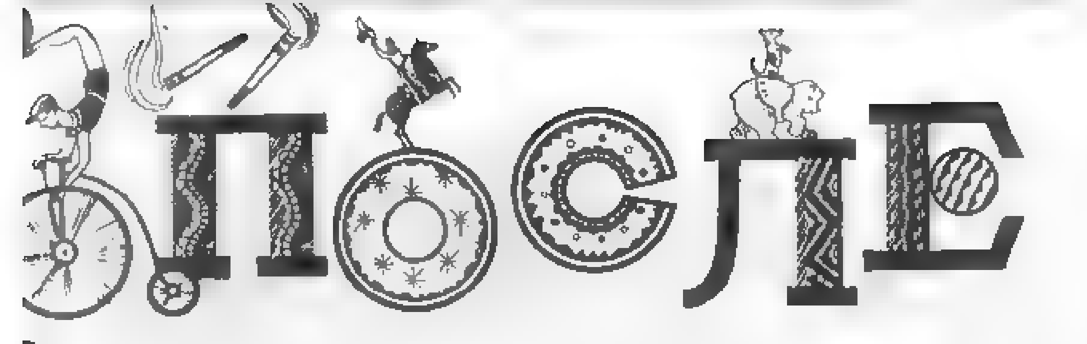
АТОРИЯ

Квадрант.

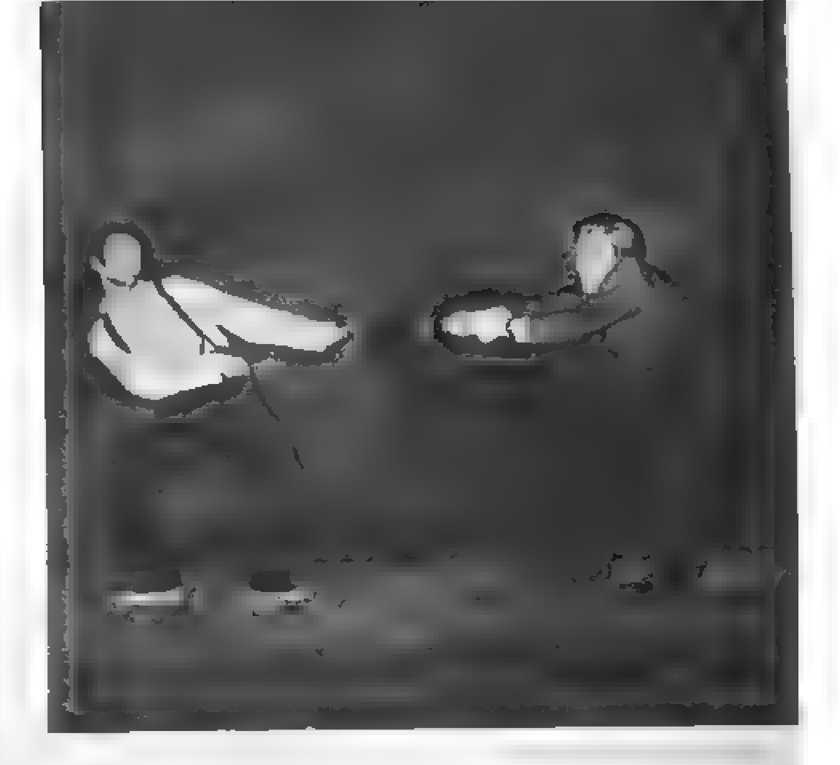

Эклиптический теодолит.

Пять месяцев гастролировала по городам Бельгии, Франции и Англии группа артистов советского цирка. Они дали за рубежом 175 представлений, на которых побывало 630 тысяч зрителей. Залы были переполнены. «Несмотря на плохую погоду, люди с утра становятся в очередь за билетами», «Места заказываются даже по телеграфу из Франции, Англии, Голландии, Швеции»,— писали бельгийские газеты «Пёпль» и «Суар». «Московский знаменитый цирк пленил сердца Лондона», «Большой московский цирк имел большой успех»,— вторили газеты Англии и Франции.

Мы печатаем несколько фотографий о зарубежных встречах артистов цирка и выдержки из писем зрителей.

Очень подружились актеры с французским мимом Марселем Марсо, бывали друг у друга на репетициях, спектаклях

На снимке: Марсель Марсо учит Олега Попова «тянуть канат» (популярный номер Марсо).

«Моим товарищам из московского цирка — братски Морис Торез» — этот автограф бережно хранят актеры москвичи как память о встрече в Париже и долгой беседе с Морисом Торезом и его супругой.

На снимке: Морис Торез среди артистов московского цирка.

В Лондоне в один из воскресных дней представления московского цирка передавались по телевидению. По подсчетам местных газет, передачу смотрело 5 миллионов зрителей. Много было писем-откликов.

Адрес, полученный артистами московского цирка от работников лондонского телевидения.

Нужн

В последнее время появились новые произведения приключенческого жанра в нашей литературе, театре, кино. Как правило, эти произведения имеют большой успех у читателей и зрителей. Приключенческие повести и рассказы раскупаются мгновенно; стоит появиться на экране таким же фильмам, как у касс выстраиваются длинные очереди.

Советская кинематография создала немало интересных, тепло встреченных зрителем картин этого жанра. Достаточно вспомнить такие фильмы, как «Джульбарс», «Подвиг разведчика», «Высокая награда», «Секретная миссия», «Застава в горах», «Смелые люди». Еще на заре советской кинематографии были созданы такие картины, как «Красные дьяволята» и «Сумка дипкурьера».

В этих фильмах, сделанных в разное время и разными режиссерами, было ярко и увлекательно рассказано о героических подвигах наших партизан в тылу врага, о борьбе советской разведки с происками врагов, о жизни и работе наших доблестных пограничников.

И все же до последнего времени тематика наших приключенческих фильмов, романов и повестей была узкой. По существу она ограничивалась показом партизанской борьбы, разоблачением агентуры иностранных разведок, похождениями наших геологов. Что и говорить, все это важно, интересно, нужно! Но ограничиваться только этим нельзя. Нужны и темы, связанные с работой советской милиции, уголовного розыска, прокуратуры, суда. Наше искусство может и должно принимать участие в борьбе с преступностью, в правовом воспитании людей. А ведь мы непозволительно мало знаем о работе наших милицейских и судебно-следственных органов, охраняющих мирный труд и отдых своего народа.

Особенно велико воспитательное значение таких произведений для молодежи, если, конечно, фильмы будут смело и правдиво раскрывать подлинные человеческие конфликты и драмы, как они нередко раскрываются в кабинете следователя или перед судейским столом. Тогда такие кинокартины будут пробуждать в душе читателя или зрителя отвращение к преступникам, создавать уверенность в том, что любое преступление, как бы ни было оно искусно и хитро задумано и осуществлено, неизбежно будет раскрыто и виновные наказаны.

Л. ШЕЙНИН

Поэтому нельзя не приветствовать появление первых двух картин о работе советской милиции, недавно вышедших на экраны страны. Это — «Дело Румянцева» и «Дело № 306».

В «Деле Румянцева» авторам фильма удалось поставить важные проблемы: борьба с хищениями социалистической собственности, дружба, вера в человека, забота о его судьбе. История о том, как шофер, хороший и честный человек, едва не становится жертвой оговора матерых преступников, решивших свалить на него ответственность за хищения, которые они сами совершили, рассказана волнующе и правдиво.

Эта картина, кроме того, говорит о необходимости чуткого и

«Дело № 306» Кадр из фильма Допрос Карасевой (В. Токарская).

ГАСТРОЛЕЙ

Из писем английских зрителей

Честер, 2/VI—56 г.

Дорогой сэр!

Разрешите поздравить всех артистов, которые принимали участие во вчерашнем телевидении. Мой муж, трое детей и я провели самый замечательный час с четвертью, смотря на Вас всех.

Пожалуйста, примите мои самые лучшие пожелания Вам всем на будущее. Желаю Вам счастья, и благословит Вас бог.

Ваша искренне Маргарет

P. S. Дети просят особенно поцеловать Попова.

Йоркшир.

Дорогой сэр!

После того, как я видел с моими друзьями Ваш замечательный спектакль, я чувствую, что я должен написать Вам и поблагодарить за изумительное представление.

Спектакль так совершенен во всех мелочах, что для этого стоило проделать наше длинное путешествие.

Я поздравляю каждого члена Вашего цирка. Много лет я видел цирки, но никогда не видел такого представления раньше и сомневаюсь, что я увижу другой, подобный этому.

Мои наилучшие пожелания на будущее, и, пожалуйста, приезжайте к нам еще, чтобы мы могли видеть, какой должен быть цирк.

Искренне Ваш К. Л. Рорслоу.

Лондон, 8/VI—56 г.

Дорогой сэр!

Разрешите мне поздравить Вас, Вашего режиссера, декоратора и несравненных артистов самого замечательного цирка, который я когда-нибудь видел или надеялся увидеть. Вы замечательные посланцы мира, который все народы мира носят в своих сердцах.

Я очень любовался простотой и строгостью ваших традиций.

Самые лучшие пожелания вашей труппе.

Искренне Ваш Колин Соммерсфорд.

Глазго, 4/VI—56 г.

Дорогой сэр и товарищ!

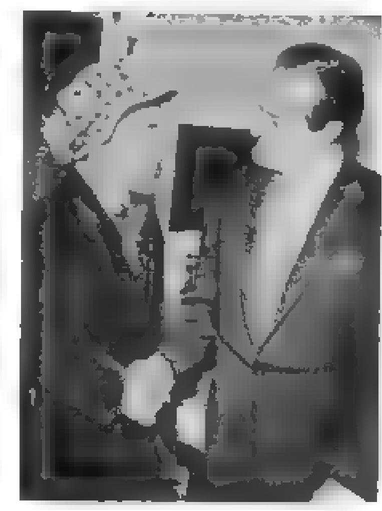
Моя жена и я услышали, что Вы не можете приехать в Глазго, т. к. Вы должны вернуться в Советский Союз к определенному числу. Пожалуйста, пожалуйста, не могли бы Вы постараться и приехать. Глазго на 100 процентов пролетарский город, и замечательный прием ждет Вас.

Моя жена и я просим Вас сделать последнее усилие и приехать в Глазго.

Джон Геллатри

Многие зрители по нескольку раз посещали представления советского цирка. Королева Бельгии Елизавета дважды присутствовала на выступлениях наших артистов. В антракте она беседовала по-русски с руководителем советских артистов и дала очень высокую оценку их искусству.

На снимке: после исполнения программы советские артисты были представлены королеве Елизавете.

После каждого представления появлялись у наших артистов все новые и новые друзья. В Брюсселе состоялось знакомство с известным американским комиком Бобом Хобом.

На снимке: Олег Попов и Боб Хоб.

...ЫЙ ЖАНР

внимательного подхода со стороны следователя к каждому делу, которое ему поручено, о том, как опасны равнодушие к человеку, огульное недоверие к подследственному, могущие незаметно привести к роковой ошибке. Вот почему так тепло встречает зритель образ полковника милиции, умного и проницательного человека, сумевшего распутать роковой узел, хитро затянутый преступниками на шее ни в чем не повинного человека. Этот фильм недавно отмечен «Премией борьбы за нового человека» на международном кинофестивале в Карловых Варах.

Фильм «Дело № 306», подготовленный киностудией «Мосфильм», ведет зрителя по следам совершенного преступления сложными, трудными, запутанными путями, какими в жизни нередко приходится идти нашим следственным работникам. И все это сделано очень профессионально, при отличной работе оператора, стоящей того, чтобы о ней поговорить особо и подробно, при хорошо подобранном коллективе актеров, почти каждый из которых нашел «свое место» в картине, иногда даже вопреки мизерным возможностям ролей, при напряженном с начала до конца ритме действия. Может быть, поэтому зритель охотно прощает недостатки, которые в фильме имеются, и прежде всего недостоверность некоторых эпизодов. Так, например, капитан Мозарин, зная, что имеет дело с опасными преступниками, почему-то один едет на операцию, а двое профессиональных бандитов после схватки с Мозариным принимают его за убитого, хотя он в действительности жив. Мало того, Мозарин, который только что был тяжело ранен, тут же, придя в себя, вскакивает и мчится на мотоцикле в погоню за бандитами. Наивен и эпизод с Некрасовой, которая, решив разоблачить опасную шпионку Магду, направляется с этой целью к... управдому, хотя даже дети знают, куда надо обращаться в подобных случаях. Но при всех недостатках «Дело № 306» — интересная и полезная картина, сделанная по законам своего жанра.

Надо приветствовать появление этих первых картин о работе советской милиции. Они говорят о том, что развитие приключенческого жанра в кино не остановилось.

Чтобы этот жанр успешно развивался и дальше, нужно создавать новые романы, пьесы, фильмы, воспитывающие у молодежи уважение к закону, готовность к подвигу, умение преодолевать трудности. И будет ли это рассказ о работе наших разведчиков или геологов, милиции или прокуратуры, путешественников или пограничников, участников научных экспедиций или микробиологов, он всегда будет встречен с интересом и благодарностью. Особенно если в фильме будут ярко показаны героические характеры людей с твердой волей, верных Родине, умеющих служить ей мужественно и настойчиво.

«Дело Румянцева». Кадр из фильма. Румянцев — А. Баталов, полковник Афанасьев — С. Лукьянов.

Главный корпус дома отдыха.

На Голубых озерах

Дорога с древнего тракта Вышний Волочок — Бежецк свернула вправо, и после бесконечных поворотов на извилистых тропинках густого леса мы очутились на берегу большого озера.

— Это Ивановское,— сказал наш спутник,— а дальше будет Сестрино озеро. Но так их здесь давно уже никто не называет. У этих озер есть другое, более правильное название — Голубые.

Они и точно голубыми предстали перед нами в этот солнечный, ясный день. Глядишь в их прозрачные воды и видишь светлое опрокинутое небо, отражение стройных сосен, кудрявых берез и высоких прибрежных трав, что словно припали к чистой воде и пьют ее не напьются.

Лес вплотную подступил к озерам, на многие километры тянется он. Сосны сменяются елью, ель — березами, осинами, и снова сосны, высокие, стройные, «корабельные». Говорят, если идти все время на восток, то лесные пути-дороги приведут в дремучую сибирскую тайгу...

Чистый воздух, пропитанный запахом хвои, медовым ароматом цветов и свежестью вод, полон живительной силы. Дышится легко. Тишина, нарушаемая лишь пением птиц да всплеском рыбы, успокаивает. Идешь лесной тропинкой — и так тебе легко, словно окунулся в прохладный родник.

В бывшей барской усадьбе расположен дом отдыха «Голубые озера». Сейчас здесь отдыхает свыше 450 москвичей, ленинградцев, калининцев и жителей многих других городов и поселков. Но людей почти не видать. Здесь нет скученности, которая наблюдается в домах отдыха, расположенных на юге страны и в Подмосковье. Каждый отдыхает, как ему нравится.

На берегу озера уютное бревенчатое здание — «Дом рыбака». Тут собираются только те, кто любит посидеть на ранней зорьке с удочкой на озере или устроиться в лодке со спиннингом. Таких немало в каждой партии отдыхающих. Многие приезжают сюда не только летом, но и зимой. Озера богаты рыбой, удовольствие можно получить большое. Рабочий московского мясокомбината В. Аксенов за месяц подцепил спиннингом 183 щуки и немало другой рыбы.

— Кто хотя бы раз побывал в этих местах,— говорит электросварщик Г. Жаворонков,— того всегда будет тянуть сюда.

С Жаворонковым мы встретились рано утром, он возвращался с лова.

Подальше от берега, под большими соснами, особнячком стоит украшенный рогами лося и чучелами белок «Дом охотника». Здесь живут любители побродить по лесу с ружьем, поохотиться на зайца и лисиц, тетеревов, рябчиков, глухарей, подсидеть в прибрежных камышах уток. Соберется несколько человек, пойдут охотничьи разговоры, начнут разбирать, у кого какое ружье...

Немало в лесу и других даров: грибов, черники, земляники, брусники, малины. На полянках, вырубках и пустошах то и дело встречаешь людей с лукошками. К концу отдыха у многих, смотришь, связки сушеных грибов, бутылки с наливками, банки с вареньем, с солеными и маринованными грибами.

А чего стоит купание в прозрачной воде! А прогулки по окрестностям!

Приедет человек усталый, лицом желтый. Только и знает дорогу, что из жилого корпуса в столовую да иногда в кино. А через несколько дней, смотришь, порозовел, подзагорел. Куда и усталость девалась! И все это без лекарств, ванн и питья целебных вод. Врачует сама природа, простор[illegible]

Хорошо на Голубых озерах!

Мих. ЯРОВОЙ

Любительница лилий.

Фото Б. Ярового.

Костер в тайге

Это было на Чукотке. Учитель Николай Елисеевич Шундик в холодный зимний день отправился с тремя товарищами в дальний северный поселок.

Учитель был молод, настолько молод, что по отчеству его называли одни только школьники. Однако в этой группе он считался старшим: из всех четырех он один знал дорогу через тундру. И все же путники не дошли до поселка через три дня, как предполагалось: они заблудились.

Пятнадцать дней блуждали они по безлюдной, холодной тундре. Запасы, приготовленные для трехдневного перехода, были съедены. Голод становился нестерпимым. Но тяжелее голода, тяжелее усталости было для молодого учителя жгучее сознание своей вины: ведь это он завел товарищей сюда, откуда им, может быть, не суждено выбраться. Он мучился, и товарищи, понимая это, всячески старались его поддержать. Голодные, замерзшие, они рассказывали смешные истории, писали на снегу стихи, стараясь подбодрить друг друга.

Добравшись наконец до поселка, учитель и его друзья отогрелись, отоспались и очень скоро забыли трудности пути. Но память о пережитом сохранилась у Шундика навсегда.

Прошло много времени. Молодой учитель стал писателем. Семь лет, проведенные на Чукотке, дали ему материал для книг «Быстроногий олень» и «На севере дальнем».

Потом появилась пьеса «Когда горит костер». Шундику захотелось в ней рассказать о людях, сильных своей нравственной чистотой, идейным и моральным единством, высоким чувством коллективизма. И хотя обстановка, в которой развертывается действие пьесы, иная и у героев больше драматических переживаний, главной для автора осталась задача показать, каким должен быть советский человек — нравственно стойкий, мужественный и гуманный.

Самолет потерпел аварию над глухой дальневосточной тайгой в пору разлива, и люди на скале, окруженной прибывающей водой, ждут, когда их разыщут. Горько переживает случившееся летчик Олешко. Нечеловечески тяжело учительнице Русановой, потерявшей во время катастрофы дочь. Трудно и молодой женщине Рите, привыкшей к уютному домашнему мирку, и девочке-девятикласснице. Трудно всем... Эти люди погибли бы поодиночке, но коллектив, в который они сплотились в беде, делает их сильными.

Драма Н. Шундика привлекла Челябинский государственный драматический театр, первым поставивший пьесу молодого драматурга.

...Глухой уголок дремучего леса. Огонь негасимого костра, который становится символом такой же негасимой воли к жизни, воли, объединившей небольшую группу затерянных в тайге советских людей. По мере развития действия мы узнаем их и оп[illegible] свое отношение к ним. Глубокое уважение вызывают у нас учительница Русанова (С. Прусская), деликатный и бесконечно требовательный к [illegible] летчик Олешко (Б. Елистратов), сильный и цельный человек Малюткин — директор оленеводческого совхоза (Е. Агеев), скромный и бескорыстный Степа Ромашкин — зоотехник (В. Милосердов), мудрый Коробов (А. Мазуров), порывистая Лена (В. Краснослободская), самая юная в коллективе — Галя (А. Щербакова).

Люди раскрываются постепенно, и наше отношение к ним не остается неизменным. Мы посмеивались вначале над недалекой мещаночкой Ритой (Л. Лепорская), но доверие коллектива поддержало ее, его сила передалась ей, и вот мы уже видим самоотверженного человека, настоящего товарища.

Нам была неприятна врачная раздражительность инженера Райского (В. Петров), но потом мы узнали, как исковеркана была его жизнь, и теперь сочувствуем ему, веря, что товарищи помогут залечить и душевные раны.

Но есть здесь и такие люди, которым мы поверили сначала и которых резко осудили потом. Это Панина (М. Беленькая) — коммунистка на словах, черствый, эгоистичный человек на деле. Это метеоролог Соловьев (Г. Яшунский), человек умный и, казалось, рассудительный, но в трудную минуту предавший товарищей.

Автор и театр не остаются бесстрастными наблюдателями. Они резко и горячо осуждают Соловьевых и Паниных и так же страстно утверждают прекрасные нравственные качества настоящих советских людей. В этом утверждении — смысл пьесы, написанной Н. Шундиком, и спектакля, поставленного в Челябинске режиссером Е. Марковой.

Ю. РАЛЬФ

Летчик Олешко — Б. Елистратов.

Малюткин — Е. Агеев.

Степа Ромашкин — В. Милосердов

Хиросигэ. ОСТРОВ ЦУКУДА. Из серии «Виды города Токио».

Хиросигэ. МОСТ НИХОН-БИСИ ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ. Из серии «Виды города Токио».

Кейсай Эйсэн. СУПРУГИ ЛЕТОМ.

Хиросигэ. НОЧНОЙ СНЕГ В КАМБАРА. Из серии «53 вида дороги Токайдо».

Тодор Влайков, избранное

Это было в Болгарии в последние годы турецкого владычества. У развалин старого монастыря собиралась молодежь и пела бунтарские песни. Там же бывал и Тодор Влайков, будущий болгарский писатель. Юные патриоты пели о том, что семена свободы, посеянные борцами против турецкого ига, дадут в их душах прекрасные всходы.

Эти слова оказались пророческими: патриотические идеи тех лет определили дальнейшую судьбу молодого Влайкова и демократический характер его творчества. И еще одно событие сыграло важную роль в его жизни: приход русской армии в 1877 году, положивший начало национальной независимости Болгарии. Глубокое чувство признательности к русскому народу родилось в сердце Влайкова, растет его интерес к культуре великого народа. В гимназии он с увлечением читает русских и украинских классиков, а получив право поступления в один из университетов Европы, выбирает Московский.

Обо всем этом живо и с большим художественным мастерством писатель рассказал сам спустя много лет. Воспоминания Тодора Влайкова частично опубликованы в сборнике его произведений, выпущенном недавно Гослитиздатом. Это первое издание произведений писателя на русском языке. Здесь представлены наиболее значительные из них, созданные в 80—90-е годы прошлого столетия и посвященные болгарской деревне.

Реалистический талант Влайкова, согретый горячим сочувствием к униженным и обездоленным, пожалуй, с наибольшей силой проявился в повести «Батрак». Панчо Дрындето, долгие годы батрачивший на хозяина, остается без работы, и, хотя впоследствии ему удается найти ее, оправиться от удара он уже не может: он потерял главное, что имел,— мечту о своей земле. Под пером Влайкова нехитрая житейская история превращается в трагедию об утраченных надеждах, без которых жизнь бессмысленна.

В любом произведении Влайкова всегда присутствует рассказчик, человек с большим сердцем, способный откликаться и на горе матери, у которой заболел ребенок, и восхищаться красотой природы.

Страстно желая свободы и счастья своему народу, Тодор Влайков, однако, не видел настоящих путей его освобождения. До подлинного освобождения своей родины писатель не дожил всего один год: он умер в 1943 году. Но его произведения живут, становясь достоянием все новых читателей.

Издание книги Тодора Влайкова на русском языке послужит еще большему сближению наших братских народов.

Н. СИМАКОВ

Великие предшественники

Маленькие книжечки в строгом сером переплете — серия «Предшественники научного социализма». Она начала издаваться Академией наук СССР в 1947 году под общей редакцией академика В. П. Волгина.

В течение девяти лет изданы произведения великих социалистов-утопистов Кампанеллы, Мора, Уинстенли, Мелье, Мабли, Морелли, Сен-Симона, Кабе, Буонарроти, Фурье, Бланки, Оуэна, Дезами.

Издательство Академии наук сделало все для того, чтобы произведения мыслителей, созданные сто, а иногда и несколько сот лет тому назад, были понятны самым широким слоям советских читателей.

Каждому изданию предпосылается вступительная статья академика В. П. Волгина. Сочинения снабжены примечаниями, приложениями, списками литературы и биографиями предшественников научного социализма. Переводы сочинений заново отредактированы. Часть произведений публикуется на русском языке впервые.

Л. ШАХБАЗЬЯН

Правдивые стихи

Сборник стихотворений Ивана Рядченко «Первая любовь» невелик по объему: в нем всего 63 страницы,— но он наполнен благородными чувствами, отличается целеустремленностью.

Без трескучих фраз, без холодных восклицательных знаков, которыми, к сожалению, бывают загромождены некоторые книжки поэтов, обходится Рядченко, повествуя о подвигах советских людей на поле боя, об их послевоенной трудовой жизни. Не абстрактное многословие, а действие, не придуманная «сюжетная хитрость», а взятый из действительности факт, правда увиденного и прочувствованного на собственном опыте питают творчество Рядченко.

Даже тогда, когда поэт обращается к истории, рисует картины давнего времени, он остается верен правде сегодняшнего дня, согревает историческую тему дыханием современности. В этом смысле особенно убедительно выглядит стихотворение «Суворов в Измаиле», характерное для всей книжки:

Листва шумит как шелк
родных знамен.
У пьедестала, где
рассыпан гравий,
две гладкоствольных
пушки тех времен
прикованы цепями
к вечной славе.
...Привстал в седле
со шляпою в руке
седой Суворов на коне
[illegible]...
А я стою и даже
в пиджаке
себя тут снова чувствую
солдатом.

Иван Рядченко. Первая любовь. Стихи. Одесское областное издательство. 1955. 63 стр.

Реалистично, просто и зримо, без тени претенциозности и украшательства пишет Иван Рядченко. Простота его стиха не уживается с примитивом, не терпит нерядливости. Вот как, например, напряженно и трогательно рисует поэт образ матери, провожающей сына или дочь на целинные земли:

Кто там в степи, когда
наступит ночь,
придет поправить сыну
одеяло?
Ах, лучше бы она растила
дочь!
Дочь от нее ничто б не
отдаляло...
Вихор пшеничный в
тишине ночной
ласкает мать в раздумьи
и кручине,
не зная, что соседка за
[illegible]
не спит по той же,
собственно, причине.
Вздыхает и мечтает: был
бы сын!
И, повздыхав, кладет в
багаж монисто,
и «Красную Москву», и
[illegible]
и новенький учебник
тракториста.

Удача чаще всего сопутствует поэту в коротких стихах. О поэмах пока что этого сказать нельзя: и «Встреча в океане» и даже «Огонек» излишне многословны, и, несмотря на достоверность материала, заключенного в них, воспринимаются с некоторой «заторможенностью», утомляют необязательными деталями. Поэту необходимо усилить поиски в эпическом плане, добиваясь той же художественной цельности, которая присутствует в его лучших [illegible]

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Народный эпос

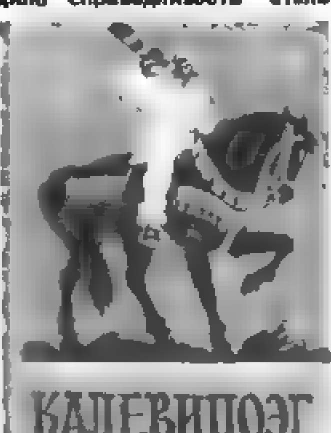
БЫЛИНЫ

Былины... С ними связано представление о могучих богатырях, о вещем певце — баяне, о красоте и величии родного языка, обо всем том, что составляет любовь и гордость русского народа. Вот почему так приятно видеть новое издание былин, выпущенное Гослитиздатом, красочно иллюстрированное художником П. П. Соколовым-Скаля. Книга содержит сорок текстов, расположенных в виде глав единого эпического повествования.

КАЛЕВИПОЭГ

Долгие годы Фр. Крейцвальд собирал и обрабатывал эстонские народные песни, сказания и легенды. Результатом его подвижнического труда явился знаменитый «Калевипоэг» — эстонский национальный эпос. Труд Фр. Крейцвальда был отмечен премией Петербургской Академии наук за 1860 год. В отзыве при соискании премии говорилось, что это произведение будет для эстонцев всех эпох тем же, чем для греков является «Илиада». Время подтвердило справедливость столь высокой оценки. Недавно в Гослитиздате вышло новое издание книги на русском языке, красиво оформлен[illegible]

ИСЛАНДСКИЕ САГИ

Свободолюбие издавна присуще исландскому народу. Его история началась с «бегства к свободе». Первые переселенцы из Норвегии около 870-го года высадились на пустынном острове. В поисках свободы они бежали от государства, которое уже складывалось к тому времени в Скандинавии. Новым поселенцам удалось сравнительно долго сохранить строй свободных общинников — «бондов». Расцвет этого строя совпадает с «веком саг» (930—1030) — периодом создания эпических сказаний о первых исландцах. Исландские саги имеют огромное литературно-историческое значение. Они прочно вошли в сокровищницу мирового эпоса. Из саг, изданных в этом году Гослитиздатом, все, за исключением одной, публикуются на русском языке впервые. Советский читатель с большим интересом познакомится с этим бессмертным творением свободолюбивого народа.

С. ДМИТРИЕВ

Товарищ в пути

«И я начинаю сожалеть, что приходится покидать гостиницу, хотя отлично сознаю, что жизнь — всюду, и люди — всюду, и что в книге, как в жизни, невозможно поставить последнюю точку...»

Это заключительные строки новой книги Матвея Тевелева «Гостиница в Снеговцах». Грустно писателю расставаться с людьми, с которыми он сжился, мысли и чувства которых стали близкими, как бы своими. Но в этих строчках угадывается и радость жизни, волнение от будущих встреч, потому что «жизнь — всюду, и люди — всюду...»

Чувство автора передается читателю, вызывает раздумье. Перед читателем будто живые проходят герои Тевелева: неутомимый энтузиаст доктор Авдеев, влюбленный в жизнь тракторист Суббота, дочь столяра Смужевицы — Анця и ее муж — кооператор Федор Гичка, майор милиции Степанюк и многие другие...

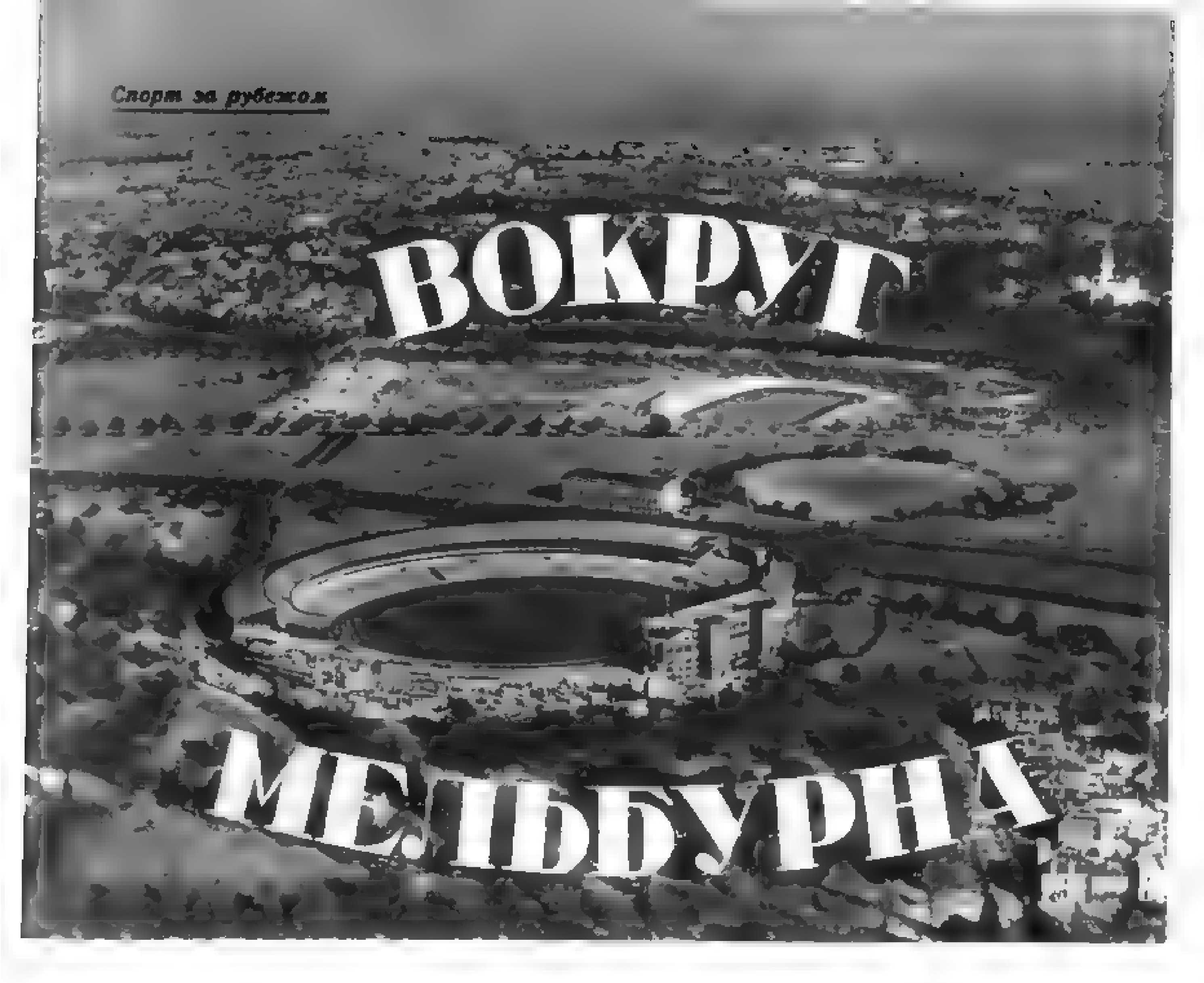
Книга состоит из цикла рассказов о людях, которых повстречал автор в гостинице горного района Снеговцы. Герои Тевелева — обыкновенные люди, поставленные в обыкновенные, будничные условия. Но пристальный взгляд писателя увидел то, чего не заметил бы равнодушный или неопытный глаз. Тевелев подметил и раскрыл за[illegible] черты советских людей, их любовь к труду, нежную, трогательную заботу о человеке, сильное и глубокое чувство товарищества.

Майор Степанюк кажется на первый взгляд черствым служакой, а на деле это горячий борец за человеческое достоинство. Девятнадцатилетний красавец Андрей Стефак с «холодным глазом» оказывается нежным, отзывчивым парнем.

Тевелев хорошо знает Верховину. Он умеет нарисовать знойное лето и зимнюю стужу, звонкую прелесть весны и пестрый, красочный наряд осени. Пейзажи его ярки и лаконичны. Хорошо знает писатель и людей горных районов Закарпатья и рассказывает о них просто и увлекательно.

А. САВЧУК

Путешествие факела

Олимпийский огонь, зажженный на горе Олимп в Греции, должен быть доставлен в Мельбурн ко дню и часу открытия XVI летних Олимпийских игр. Для этой своеобразной транспортной операции требуется сложная и кропотливая предварительная подготовка.

Как же будет зажжен и доставлен к месту назначения олимпийский огонь? Зажжен он будет при помощи увеличительного стекла от солнечных лучей. Этого требует традиция! Ну, а если солнца в этот день не будет, если небо над бывшим «обиталищем богов» окажется покрытым тучами? Однако это маловероятно: на горе Олимп пасмурных дней почти не бывает.

Заготовлены сотни факелов особой конструкции, заправленных специальной горючей смесью. При их помощи олимпийский огонь в порядке своеобразной эстафеты пройдет рекордный для него путь. За полвека этот огонь исколесил многие страны и континенты, но такого дальнего путешествия еще не совершал. Греческая девушка, облаченная в античную одежду, зажжет свой факел, и его понесут до Афин, сменяя друг друга на этапах, греческие спортсмены. Здесь в ознаменование Олимпиады 1896 года на Олимпийском стадионе состоится краткая торжественная церемония.

Дальше начнется воздушное путешествие. Специальный самолет примет факел на борт. Так как перевозка горючего на пассажирских самолетах запрещена, факел будет оборудован специальным колпаком, напоминающим шахтерскую лампочку. Этот колпак — подарок сварских горняков. Самолет сделает посадки для заправки горючим в Бейруте, Карачи, Калькутте, Джакарте и в Дарвине. Здесь, на австралийской земле, олимпийский огонь будут встречать представители местных властей и олимпийского комитета Австралии. Самолет военно-воздушных сил Австралии перебросит факел в город Кэрнс, расположенный на восточном берегу материка.

От Кэрнса до Мельбурна свыше 2 тысяч километров. Путь проходит по безлюдным, полупустынным просторам. Факел понесут австралийские спортсмены, сменяя друг друга на этапах и зажигая свой факел один у другого. На трудных этапах бегунов будут сопровождать сменщики, а также автомашины с запасом горючего для факелов, провиантом и вспомогательным инвентарем.

График эстафеты разработан с точностью до одной минуты. Огонь должен быть доставлен на Олимпийский стадион в Мельбурне ровно в 16 часов 30 минут 22 ноября 1956 года.

Последним участником эстафеты будет, вероятно, известный австралийский бегун Джон Лэнди. Он пробежит круг по дорожке Олимпийского стадиона, а затем поднимется с факелом на постамент и зажжет олимпийский огонь в специальной урне.

Австралия ждет гостей

С 22 ноября по 8 декабря олимпийский городок превратится в самую большую гостиницу мира. Здесь в 850 домиках будут жить 6 тысяч спортсменов и сопровождающие их лица. Столоваться они будут в двадцати ресторанах...

Правительство австралийского штата Виктория объявило день открытия Олимпийских игр национальным праздником. В этот день все предприятия, заводы, учреждения и школы Мельбурна будут закрыты...

Уже к середине мая в Мельбурне было распродано 450 тысяч билетов на Олимпийские игры. Из этого количества 7 400 билетов приходится на долю зарубежных любителей спорта. Особый интерес у австралийцев вызывают состязания по плаванию, соревнования по баскетболу и штанге, а также финалы по боксу, борьбе и велосипеду.

Соревнования по гимнастике вначале предполагалось проводить на крытом мельбурнском катке, однако ввиду большого интереса, проявляемого к этим состязаниям, они перенесены на более вместительный Западный мельбурнский стадион...

Дирекция главного мельбурнского почтамта обучает сейчас 350 радиотехников, которые будут помогать 120 радиокомментаторам. В распоряжение корреспондентов радио будут предоставлены особые микрофоны, с помощью которых можно беспрепятственно вести передачи, не боясь постороннего шума...

Окончательно утверждены планы проведения соревнований по гребле. Они состоятся на озере у города Балларат. У места старта построены радио- и телевизионная башни. Для секундометристов, судей и других официальных лиц будет установлен огромный плот. У тысячеметровой отметки дистанции и у финиша воздвигнута башня для журналистов и радиокомментаторов. На берегу озера установили трибуны, рассчитанные на 32 тысячи мест.

Ту часть озера, где будут происходить соревнования, обсадили камышом, чтобы на исход состязаний не мог повлиять случайный ветер.

Надежды и умение

Будапештская газета «Неп спорта» опубликовала статью Пала Фекете, в которой он рассказывает о подготовке венгерских спортсменов к XVI Олимпийским играм.

Корреспондент побывал в зале, где тренируются прославленные венгерские фехтовальщики. Во время одного из коротких перерывов состоялась беседа с олимпийским чемпионом по эспадрону Палом Ковачем. Он готовится уже к четвертой олимпиаде. Недостатка в опыте у него нет, однако для Мельбурна этого мало. Для того, чтобы выдержать четырехдневные мельбурнские соревнования, говорит Ковач, нужно совершенствовать не только технику, повышать не только выносливость, но и укреплять нервную систему — основной фактор успеха фехтовальщика.

Чемпион мира по шпаге Йожеф Шакович проводит тренировки и по рапире. Он называет имя одного из своих наиболее опасных соперников — итальянца Эдуарда Манджиаротти. Борьбу против него можно выиграть только в том случае, если удастся очень хорошо продумать свой замысел.

Чемпион мира по эспадрону Рудольф Карпати говорит:

— Тот, кто примет участие в Олимпиаде, уже достоин славы... Конечно, это не значит, что я не хочу победы в Мельбурне... Если ты гусь, то уж будь жирным...

Серьезную, планомерную тренировку проводят венгерские борцы. С раннего утра, прежде чем попасть на ковер, они занимаются гимнастикой, бегают, играют в баскетбол, поднимают [illegible]

Государственный тренер Михай Матура, счастливо улыбаясь, говорит:

— Мои мальчики никогда еще не тренировались с таким хорошим настроением. Даже после самых тяжелых нагрузок они находят время, чтобы пошутить и посмеяться.

По мнению борца Имре Пояка, олимпийские соревнования состоят из двух частей, причем первая часть соревнований ведется на родине: здесь надо завоевать право на поездку в Австралию.

...Круг за кругом прилежно пробегают замечательные венгерские бегуны, воспитанники тренера Михая Иглои,— Рожавёльди и Табори. Перед началом тренировки проводит разминку Шандор Ихарош.

Сейчас весь спортивный мир интересуется тем, какие старты возьмет на Олимпиаде Ихарош: 1 500? 5 000? 10 000?

— Вероятнее всего, я буду участвовать в беге на 10 000 и 5 000 метров,— говорит Ихарош.— Десять тысяч я побегу в первый день. Между первыми забегами на 5 000 и финалом у меня будет три дня, и я, пожалуй, возьму старт и на 1 500 метров, но только для того, чтобы помочь Табори и Рожавёльди. Сейчас главная моя цель — наверстать то, что было упущено.

Чемпион Европы по бегу на 3 000 метров с препятствиями Шандор Рожньой с большой похвалой отзывается о своем сопернике Йесенски. Он говорит,

что Йесенски доказал, что имеет право на место среди лучших бегунов мира в беге с препятствиями.

Ласло Йесенски очень хочет попасть на Олимпиаду.

— Конечно, мне придется выдержать большую борьбу с Рожньои,— говорит он.— Все мы хорошо знаем, какие большие затраты потребуются для участия в Олимпиаде, и поэтому туда должен ехать только тот, кто имеет шансы на победу...

Венгерских гимнасток корреспондент застал за упражнениями на разновысоких брусьях. Они очень сосредоточенны и стараются, чтобы никакой посторонний шум не отвлекал их. Во время перерыва корреспондент провел беседу с Агнеш Келети.

— Нам надо много готовиться к Мельбурну,— говорит она.— И мы много тренируемся. Трудно себе представить, какие нужны усилия, чтобы добиться в Австралии высоких результатов.

На вопрос, с какими надеждами поедут гимнастки в Мельбурн, Агнеш Келети отвечает:

— В Мельбурн надо ехать не с надеждами, а с умением...

Это мнение олимпийской чемпионки разделяют все венгерские спортсмены.

Дан старт бега на 100 метров. Его выиграл Бобби Морроу (крайний справа). По второй дорожке взял старт один из сильнейших спринтеров США, Дайв Зим. Но, пробежав всего несколько метров, он был вынужден сойти с дистанции, повредив ногу.

Американцы готовятся

Во французской газете «Экип» напечатано заявление председателя Международного олимпийского комитета американца Эвери Брэндеджа, в котором говорится, что в течение шестидесяти лет Международный олимпийский комитет считает своей первоочередной задачей проводить в жизнь идею о необходимости физического воспитания и спорта во всех странах мира, чтобы все народы земного шара воспитывали сильное и здоровое поколение.

Брэндедж подчеркнул, что в настоящее время эту программу с особым энтузиазмом принимают социалистические государства. Дети там могут заниматься спортом с самого раннего возраста, тренеры и учителя физкультуры обучают своих питомцев самыми современными методами. Брэндедж считает, что в социалистических странах спорт является действительно важным фактором и чемпионов там окружает слава национальных героев. Эти спортсмены не профессионалы, а любители, которых зовет на спортивные площадки любовь к спорту и желание помериться силами в молодом, здоровом соперничестве... В этих государствах интересуются всеми видами спорта, и если в Мельбурне их команды одержат много побед, это побудит нас исправить свои ошибки в этом отношении.

Неоднократный чемпион США по прыжкам с шестом Боб Ричардс, методистский священник, за что он, кстати, и получил прозвище «летающий пастор», обратился к зрителям, присутствующим на соревнованиях в нью-йоркском зале Медисон-Скуэр-Гарден, с краткой речью, в которой высказал свои соображения о шансах десятиборцев на предстоящих XVI Олимпийских играх.

— Среди зарубежных десятиборцев лучшим является Кузнецов, — заявил Ричардс. — Трудный парень, этот Василий! В прошлом году при совсем неблагоприятных условиях погоды он достиг блестящих результатов. Не знаю, сможем ли мы победить его.

Недавно на стадионе Колизеум в Лос-Анжелосе лучшие легкоатлеты США оспаривали право представлять свою страну на Олимпийских играх в Мельбурне. Соревнования проходили два дня, в них участвовало 229 спортсменов. Было установлено три мировых и два национальных рекорда. Сенсацией соревнований были три спортсмена-однофамильца. Один из них — Гленн Дэвис — побил мировой рекорд в беге на 400 метров с барьерами. Его время — 49,5 секунды. Другой Дэвис — Джек — разделил первенство в беге на 110 метров с барьерами с Ли Калхауном, пройдя эту дистанцию за 13,8 секунды. Наконец, третий Дэвис, по имени Айра, занял первое место в тройном прыжке.

Второй сенсацией состязаний был успех двадцатилетнего техасца Бобби Морроу, который повторил мировое достижение в беге на 100 метров (10,2 секунды), а также выиграл бег на 200 метров.

И, наконец, третьей сенсацией состязаний явился девятнадцатилетний Чарльз Дюмас, который, потеряв пропуск на стадион, вынужден был заплатить за входной билет три доллара и установил новый мировой рекорд по прыжкам в высоту, преодолев 2 метра 14,6 сантиметра (прежний мировой рекорд был равен 2 метрам 12 см).

Спортивный обозреватель

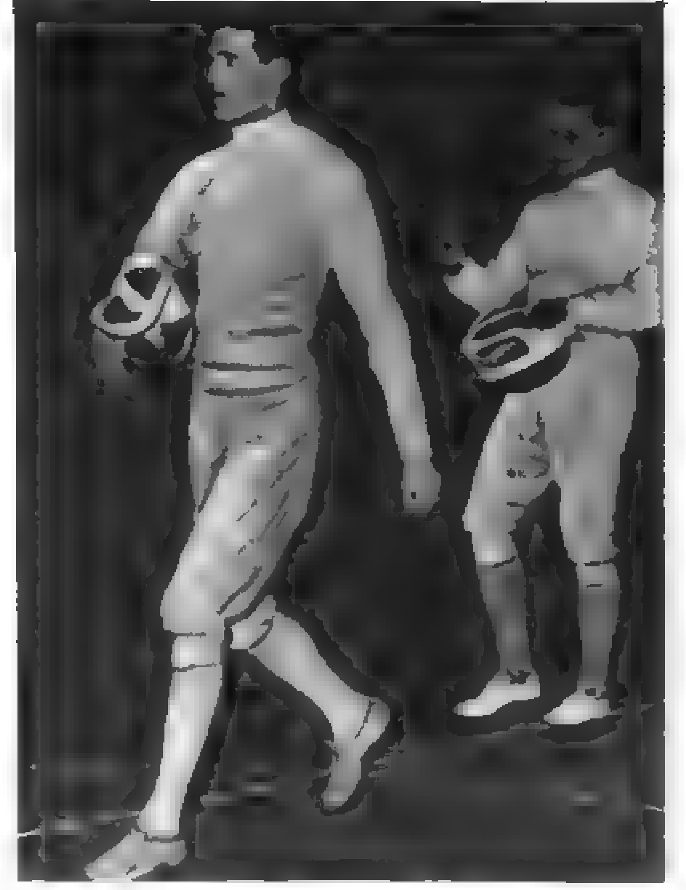

Чарльз Дюмас выполняет прыжок в высоту.

Фото из журнала «Лайф».

Рожавёльди устанавливает мировой рекорд в беге на 1 500 метров: 3 минуты 40,6 секунды.

Чемпион мира по эспадрону Карпати и известный венгерский фехтовальщик Геревич.

Фото из журнала «Кепеш шпорт».

НА ЛЕТНИХ ПАСТБИЩАХ

Ия МЕСХИ

Фото В. Джейранова.

По ущельям бурных рек, каменистым перевалам и покрытым зелеными холмами долинам Грузии шли тысячные отары овец. Шли они с севера, с прикаспийских зимних пастбищ на юг, хотя, казалось, должно быть наоборот. Но овечий юг находится высоко в горах, в субальпийской зоне, которую зимой укрывают большие снега.

...В воздухе раздается резкое хлопанье бичей, посвист чабанов, лай овчарок. Крытые подводы с дорожными припасами, расседланные кони, навьюченные ослики — все это, бренча колокольцами, скрипя колесами, позванивая ведрами, движется сплошной лавиной вперед.

Овец, как положено перед выгоном на летние пастбища, осмотрели врачи, остригли электрическими машинками, искупали в оздоровительном растворе, предохраняющем от чесотки и клещей. И только после этого их вывели на трассу перегона.

Первое грузинское село, Ларси, стоит у входа в древние ворота Кавказа — Дарьяльское ущелье. Здесь большая остановка, осмотр на ветеринарном пункте, отгул на зеленых склонах: щипайте травку вволю!

Приходит время, когда неизбежно надо влезать в каменную трубу Дарьяла. Вспомним, как описывал это ущелье Александр Сергеевич Пушкин: «Скалы с обеих сторон стоят параллельными стенами. Здесь так узко, так узко... что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту. Клочок неба, как лента, синеет над вашей головою... В иных местах Терек подмывает самую подошву скал, и на дороге, в виде плотины, навалены каменья».

С пушкинских времен природа мало изменилась. Ущелье осталось ущельем, и камни — камнями.

Дорога все время идет на подъем.

Миновав бывшее «Пронеси, господи» (взорвали наконец каменную глыбу, нависавшую над шоссе!), головные отары подошли вечером к подножию Казбека. Посыпал снег — кратковременный, но все же было тревожно: не замерзли бы ягнята. В ту ночь никто не сомкнул глаз. Бригадиры и чабаны ходили по отарам. Отдыхали стоя, опираясь на длинные пастушьи палки. Чуть забрезжил рассвет — снова пошли.

За Казбеком «труба» расширилась. Появились в некоторых местах зеленые склоны. После селения Коби начался самый трудный участок трассы — Крестовый перевал. Представьте себе несколько десятков километров узкого снежного коридора, сплошь заполненного овцами. Высота — свыше 3 тысяч метров над уровнем моря. Передние отары часто останавливаются, задние напирают, образуется пробка. Едут громадные бензовозы к буровым разведпартии Дарьялгэс, автобусы «Союзтранса» везут в Кисловодск курортников. Они отчаянно сигналят, отстаивая свое право на внеочередность. Не хватает, очень не хватает на перевале регулировщиков в эту ответственную пору перегона скота!

На одном из участков перевала отары покидают снежный коридор и идут в сторону от дороги. Отары следуют одна за другой, и вот уже старший чабан, шагающий впереди, превращается в маленькую черную точку на гребне холма, и вот уже точки не видно, а овцы все идут и идут...

«Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен. Воздух юга вдруг начинает повевать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, ее садами, с ее светлой Арагвой, извивающейся, как серебряная лента, — и все это, в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога».

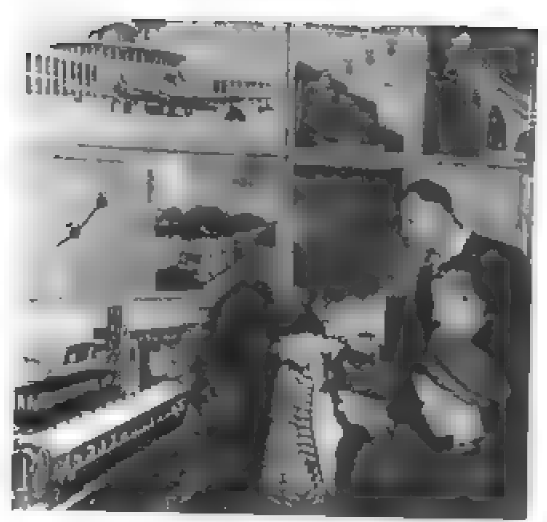
Сейчас эта дорога так же опасна, здесь то и дело читаешь: «Останавливаться запрещено. Камнепад». Будто камни летят только в неподвижную цель. Давно пора бы привести в порядок одну из популярнейших в стране дорог!..

Но вернемся к овцам. Они спустились уже к спокойной Арагве. Отсюда начнется последний подъем в горы. Передовые отары уже дошли до места, а здесь снова раздаются в воздухе хлопанье бичей, лай овчарок, скрипят дорожных подвод. И пастух делает свое трудное, незаметное дело так же просто, как трава растет, солнце светит, река течет...

В снежном коридоре.

Румынская выставка в Москве

«Румынская Народная Республика на пути строительства социализма» — так называется выставка, организованная румынским обществом по укреплению дружественных связей с Советским Союзом «Арлюс» в ознаменование 12-й годовщины освобождения Румынии Советской Армией от фашистского ига.

Многочисленные стенды выставки, открытой в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, заполнены фотоснимками и диаграммами; здесь представлены изделия румынской промышленности, действующие макеты оборудования, машин, произведения народного искусства.

Фото Г. Санько.

Первый день в школе

В Силезии (Польская Народная Республика) сохранился народный обычай: после каникул дети, идущие в школу, получают от родителей сласти, упакованные в большие декоративные мешки. В день начала учебных занятий улицы Сталиногруда, Бытома заполняются оживленной толпой ребят с подарками в руках.

Фото Н. Вороновского.

На родной земле

Наташа и Костя готовятся пойти в школу. Бабушка подгоняет форму Наташе.

Это было два месяца назад — первого июля. На перрон Киевского вокзала в Москве вышли только что прибывшие в столицу шестеро пассажиров в возрасте от семи до семидесяти лет.

Они озирались по сторонам: встретит ли их кто-нибудь? Ведь в Москве у них нет ни одного знакомого человека...

— Вы Медведевы? — спросили прибывших трое с букетом.

— Да, мы Медведевы...

— Добро пожаловать на советскую землю,— приветствовали их встречавшие и вручили цветы.

Две машины повезли по московским улицам семью Медведевых, разместившуюся в двух номерах гостиницы.

Это было первого июля. А на другой день [redacted] семьи, инженер-металлург Сергей Александрович Медведев, 39 лет, начал работать в одном из московских институтов.

...В 1920 году эмигрировал проживавший на Кавказе военный прокурор Медведев с женой и тремя сыновьями. Одному из них, Сергею, было три года.

Как многие русские эмигранты того времени, семья Медведевых претерпела разные мытарства, побывала в Болгарии, Югославии, наконец осела в Париже.

Шли годы. Отец и два сына умерли на чужбине. Сергей жил со своей матерью Ольгой Константиновной, учился, работал, женился на русской девушке, так же, как он, не знавшей своей родины.

Десять лет назад у молодой четы появился сын Ко[redacted] Потом родилась дочь Наташа.

Их бабушка Ольга Константиновна, отец и мать обучали ребят родному русскому языку. Дети не только свободно овладели разговорной речью, но свободно читают и пишут по-русски.

В парижском магазине, где продаются советские книги и журналы, уже знали, что Медведевым надо оставлять новинки литературы, в том числе и детской. Изрядная часть бюджета семьи Медведевых уделялась на покупку журналов, книг и газет, выходящих в Советском Союзе.

Но когда в семье возникал разговор о родной земле, лишь Ольга Константиновна могла рассказать о ней. Она помнила Москву, где побывала в 1905 году, делилась своими воспоминаниями о жизни в старом Тифлисе и других городах.

На фотографиях в советских журналах и газетах, на киноэкранах Страна Советов выглядела не такой, как в воспоминаниях бабушки...

И в семье Медведевых возникло серьезное намерение: вернуться обратно на свою родную землю.

Когда люди очень хотят осуществить свою мечту, они достигают своей цели. Так случилось и с Медве[redacted]н.

Уже сказано, что Сергей Александрович стал работать тотчас по приезде. Вскоре поступила в редакцию газеты в качестве переводчицы и машинистки его жена Мария Тимофеевна, родители которой еще раньше вернулись из Франции. Племянник Сергея Александровича 20-летний Дмитрий Медведев работает по своей специальности в одной из зубных лечебниц Москвы.

В четверг, 23 августа, Медведевы получили квартиру.

Мы навестили их на третий день после новоселья. Еще не куплена вся необходимая мебель, еще в ходу заменяющие ее чемоданы и ящики, но уже оборудовала Наташа уголок для своих кукол и игрушек. День рождения Наташи — ее семилетие — был отмечен в Москве. В этот день к парижским куклам, принадлежащим девочке, прибавились куклы [redacted]

А сейчас бабушка подгоняет под мерку Наташи школьную форму. Маленькая парижанка, ставшая москвичкой, впервые отправляется в школу, расположенную рядом с их домом.

Вместе с Наташей идет в 4-й класс этой школы ее брат 10-летний Костя. Ему тоже купили школьную форму, пришедшуюся впору. Надев ее, Костя и его сестренка отправились к зданию своей школы, заглянули внутрь, и Костя сказал:

— Какая она большая и вся совсем целая...

Оказывается, та школа, которую Костя посещал в Париже, напоминала барак. Поврежденная бомбежкой в годы войны, она так и осталась неотремонтированной.

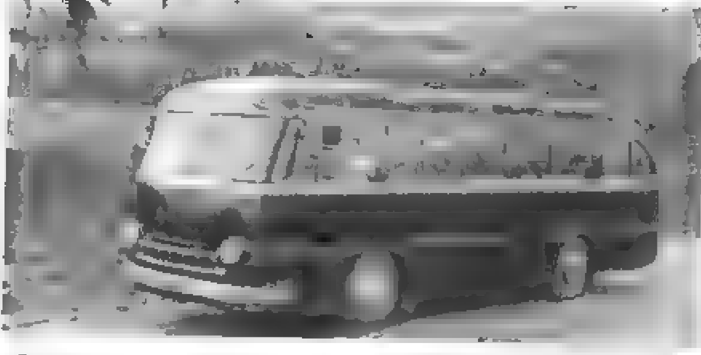
— Когда шел дождь, наш класс заливало водой, на головы учеников сыпалась штукатурка...

В квартире Медведевых, еще не обставленной, не приведенной в полный порядок, поражает обилие книг, тонких и толстых журналов на русском языке. Они лежат на подоконниках, на радиаторах батарей, на ящиках.

— Все эти книги и журналы мы привезли из Парижа. Они помогли нам узнать правду о Советском Союзе, побудили вернуться на свою родную землю.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

Автобус «Львов»

Львовский автобусный завод работает над новыми конструкциями комфортабельного автобуса марки «Львов».

Машина проходит заводские испытания: она трижды прошла по маршруту Львов — Москва и обратно. Недавно группа специалистов во главе с главным конструктором В. Осипчуговым совершила испытательный пробег по трудным дорогам Карпат.

К концу года завод выпустит сто таких автобусов.

Фото В. Полинанова.

Мастер переплетного дела

Склонившись у стола, трудятся юные мастера. Перед ними стопки бумаги, небольшие блокноты без обложек. Пройдет немного времени, и полуфабрикаты превратятся в изящные изделия. Этому можно научиться в переплетном кружке, которым руководит Александр Константинович Носов.

Полезным ремеслом овладевают школьники. И тем легче дается оно им, что педагог по-настоящему любит дело, которому отдал 60 лет своей жизни.

Александр Константинович — старейший рабочий [redacted] типографии «Красный пролетарий». Четырнадцатилетним подростком был отдан он в ученики к переплетчику, и несметное множество «приодетых» книг вышло из-под его рук. В давние годы участвовал он в забастовках, строил баррикады, пришлось посидеть ему в Бутырской тюрьме, затем фронт в годы первой мировой войны, но отовсюду возвращался Носов в пропахший клеем переплетный цех.

Большого искусства достиг в своем деле Александр Константинович. Под его руководством были изготовлены уникальные экземпляры Конституции Советского Союза. Мастерски переплетенные в красную кожу, с золотым тиснением и инкрустированным гербом на обложке, книги радовали взор. Одна из них, представленная на Парижской всемирной выставке 1937 года, получила золотую медаль. Такую же награду завоевала эта работа А. К. Носова и на выставке в Нью-Йорке в 1938 году.

Учеников своих Носов исчисляет трехзначными цифрами. Одни работают тут же, в типографии, другие разлетелись по стране, многие и сами уже имеют учеников.

Признанный мастер художественного переплета, А. К. Носов и поныне полон энергии, на пенсию уходить не собирается. Минувшим летом он создал переплетный кружок в пионерском лагере «Красного пролетария». Здесь, в лагере, мы и засняли его вместе со старательными учениками.

Ю. ИГНАТОВ
Фото С. Соколова.

Милейший человек

И. ШАТУНОВСКИЙ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Каждое утро без пятнадцати минут девять Иван Михайлович Иванов переступал порог районного отдела культуры. Он вежливо раскланивался с машинисткой Адой Львовной, справлялся о здоровье у заместителя заведующего отделом Никодима Никодимовича, страдавшего на почве тучности одышкой, шутил с буфетчицей Марусей.

Но так продолжалось только пятнадцать минут. Ровно в девять Иван Михайлович садился за свой стол и углублялся в чтение бумаг. Он уже больше не шутил и не [illegible]

— Милейший человек! — говорил об Иване Михайловиче Никодим Никодимович.— Такой молодой, а не в пример другим аккуратный и обходительный. Муху не обидит.

И впрямь Иван Михайлович был милейшим человеком. Никто никогда не слышал от него грубого слова. И со своим начальством и с лицами, которым он непосредственно не был подчинен по службе, молодой инспектор держался одинаково учтиво. Перед получкой технический персонал всегда мог рассчитывать на небольшой кредит у Ивана Михайловича. Петр Петрович, начальник районного отдела культуры, никого не просил ни попилить дров в воскресенье у себя на дому, ни съездить в город за покупками. А Ивана Михайловича просил. Потому что Иван Михайлович оказывал эту услугу с истинным наслаждением. Однако сослуживцы и не думали считать Ивана Михайловича подхалимом. От начальства молодой инспектор не ждал ни поблажек, ни наград, ни повышений. Милейший человек был к тому же и бескорыстным.

Нет, конечно, Иван Михайлович не лез на рожон и не перечил начальству. Зачем же обижать солидных и руководящих! У них и так хлопот много. Но равно он не хотел обижать своих товарищей по работе. Как-то на профсоюзном собрании обсуждали неблаговидный поступок бухгалтера Сидорова. Зашел он в пивную с целью выпить, но тут его настигла жена и с криком увела домой. Выпить так и не удалось, но шуму случилось много. Начальник районного отдела предложил объявить выговор. Предложение прошло единогласно при одном воздержавшемся. Воздержался Иван Михайлович.

— Ну что мой голос решал? — объяснил он потом.— Все равно выговор объявлен. Хорошо ли Сидорову с выговором? Вот и рука не поднялась.

Милейшие и обходительнейшие на работе люди зачастую дома бывают настоящими извергами. Иван Михайлович, напротив, был с женою необычайно ласков, и та не чаяла души в своем милейшем супруге.

— Милейшая,— говорил Иван Михайлович, когда он приходил с работы, снимая шляпу и целовал свою половину в щечку,— успела ли ты приготовить обед? О, не успела, бог с ним, тогда уж поужинаем, а заодно и пообедаем.

Однако автор взялся за перо отнюдь не для того, чтобы создать образ идеального героя. Ивану Михайловичу были присущи и отрицательные черты. К личным недостаткам инспектора районного отдела культуры надо было отнести прежде всего то, что дело, на которое был поставлен, он знал плохо.

В свое время Иван Михайлович был прекрасным киномехаником-энтузиастом. И быть бы ему и впрямь подвижником и пропагандистом киноискусства, вызывая благодарность и признательность жителей больших и малых сел,— ведь лучше иметь хорошего киномеханика, чем плохого инспектора и даже зава. Так нет же, обратил Иван Михайлович на себя внимание начальства добродушным нравом и благопристойным образом жизни.

И вот отсюда пошли все беды. Изо всех музыкальных номеров и концертов, которые передавались по радио, приятным сердцу районного инспектора был лишь марш, что играли перед выступлениями футбольных радиокомментаторов. Иван Михайлович, например, полагал, что оперу «Евгений Онегин» написал тот же Пушкин, и ни разу не постарался узнать, правильны ли его предположения. Игре на музыкальных инструментах Иван Михайлович не был обучен с детства, а изо всех газетных статей утруждал себя чтением лишь фельетонов.

Тем не менее Иван Михайлович работал легко и весело. В своей работе он исходил из той непреложной истины, что в конечном счете все само собой обязательно уладится. Приезжал он в село и спрашивал у заведующего клубом:

— Драмкружок у вас есть?

— Есть,— отвечал заведующий, и Иван Михайлович записывал.

— А оркестр у вас есть?

— Нет,— отвечал заведующий, и Иван Михайлович опять записывал.

— А почему же нет? — спрашивал Иван Михайлович.

— Желающих играть не выявили.

— А вы выявите,— советовал Иван Михайлович,— в вашем селе есть обязательно народные таланты, только ищите, не ленитесь.

Заведующему клубом становилось стыдно, и Иван Михайлович краснел, в свою очередь, сам и [illegible]:

— Привлекайте актив и — за работу. Не буду же я тут за вас всех петь и плясать. Это уж дело ваше. Но вы уж, пожалуйста, милейший, на меня не обижайтесь за резкий тон. Словом, действуйте,— и с этими словами Иван Михайлович отбывал в районный центр.

Через четыре года в жизни у Ивана Михайловича произошли значительные перемены. На руководящую работу в областное управление культуры потребовался опытный низовой работник. Сначала Петр Петрович хотел рекомендовать своего заместителя Никодима Никодимовича. Но у того в биографии выяснилось тревожное обстоятельство: Никодим Никодимович выступал свидетелем в суде по делу о краже козла. «И не виноват Никодим Никодимович, а репутация подмочена: как-никак, а участвовал в таком несолидном деле, как судебная тяжба о краже козла. Узнают в области, еще посмеются».

По таким же соображениям Петр Петрович отклонил кандидатуру старшего инспектора Юрия Петровича. Юрий Петрович был хорошим и исполнительным работником, и все бы ладно, да вот отец его в третий раз недавно женился. «Хорош, скажут, сын,— подумал Петр Петрович,— у которого отец в третий раз женится».

Зато анкета Ивана Михайловича была чиста. На все вопросы Иван Михайлович отвечал предельно ясно: «не участвовал», «не был», «не судился», «не имею».

«Пустоват,— подумал Петр Петрович,— однако должен же человек с годами ума набираться. Но, с другой стороны, им в области наверняка будут довольны. Учтив, вежлив, к начальству почтителен и глупостей не наделает».

Судьба Ивана Михайловича была решена. В областном центре заглянули в характеристику, которую выдал Ивану Михайловичу Петр Петрович, а там такие эпитеты: «принципиален, умеет работать с людьми, имеет организаторские задатки». Хотели Ивана Михайловича утвердить инспектором, а взяли да утвердили зам. зав. отделом.

И вот теперь каждое утро без пятнадцати минут девять Иван Михайлович переступал порог областного управления. Он улыбался техническим секретарям, пожимал руки подчиненным, справлялся о здоровье у начальствующих особ. Но ровно в девять он садился за стол и углублялся в чтение бумаг.

— Какой милейший человек наш новый замзав,— говорили сотрудники,— богатой души человек!

И впрямь Иван Михайлович никого не обижал и ни с кого не взыскивал. С приходом нового замзава в отделе повеяло небывалым духом либерализма. Любой работник мог теперь проходить к нему, минуя технического секретаря.

— Бог мой, какие у меня от вас секреты! — объявил он подчиненным.— Заходите ко мне, когда у кого случится надобность.

В свою очередь, Иван Михайлович был весьма доволен своими работниками.

— Хорошие у меня люди,— говорил он,— работящие. Надобно только не мешать им работать, и все будет отлично.

И Иван Михайлович не мешал. Когда к нему приходили о чем-либо посоветоваться, он внимательно выслушивал суть дела, а потом спрашивал:

— А вы-то как думаете, милейший?

Узнав мнение подчиненного, он отвечал:

— Ну, что ж, давайте попробуем так.

Иван Михайлович не работал, а словно бы играл в детские фантики. Он «да» и «нет» не говорил, черное и белое не показывал, потому что из всех цветов любил только розовый.

Плоды такого руководства не могли не сказаться. За год в отделе получилась огромная экономия командировочных средств. Никто никуда не ездил, и даже отдельская «Победа» все время простаивала в гараже. Водитель машины, дабы убить время, поступил на курсы стенографии.

Ко дню рождения Ивана Михайловича сотрудники преподнесли ему шкатулку работы палехских мастеров.

Иван Михайлович тепло поблагодарил за внимание, но шкатулку принять отказался.

— Что вы, что вы, какие могут быть подарки! Самым лучшим подарком, который вы можете мне сделать, будет ваш плодотворный труд.

Но, увы, труд работников отдела никак нельзя было назвать плодотворным. Чтобы дать выход своей энергии, двое из наиболее бывалых работников сели за написание многотомных мемуаров, а один озорник потешал окружающих тем, что выучил наизусть «Справочник абонентов городской телефонной сети».

Именно этим обстоятельством

объяснялся прискорбный факт: на областном смотре художественной самодеятельности оказалось, что в окрестных местах выевелись не только певцы и танцоры, но даже и чтецы-декламаторы.

Начальство постепенно начало догадываться, что Иван Михайлович вроде бы сидит не на своем месте и сюда надо подобрать другого человека. Ну, а как же быть с Иваном Михайловичем? Снять-то его за что, по какой формулировке? Не пьет, в бытовом смысле не разлагается, критику не зажимает, люди его любят, к начальству с почтением относится,— одним словом, милейший человек. Да как же вдруг милейшего человека взять и уволить?

Начальство посоветовалось и решило переместить Ивана Михайловича в другое ведомство. Как раз освободилась должность директора конезавода.

Без пятнадцати минут девять Иван Михайлович теперь являлся на конезавод и вежливо здоровался с подчиненными. А в девять шел в свой кабинет и углублялся в чтение бумаг.

Вскоре и здесь за Иваном Михайловичем утвердилась репутация милейшего и честнейшего во всех отношениях человека. Предыдущие директора привозили летом своих родственников и поили их государственным кумысом, запасали на заводских лошадях себе дрова на зиму, вспахивали на жеребцах индивидуальные огороды. Иван же Михайлович ни разу не воспользовался казенным транспортом в личных целях. Зато теперь им пользовались все работники конезавода, начиная от заместителя директора и кончая двоюродной сестрой ночного сторожа.

Новый директор был весьма равнодушен к животным и под всякими предлогами избегал бывать в конюшнях. В этом был свой смысл, потому что новый директор без посторонней помощи не смог бы отличить мерина от мериноса. Но это мало смущало Ивана Михайловича.

— Они тут все ветеринары, зоотехники, лучше меня разбираются, что к чему,— рассуждал он.— Коллектив — великая сила, а мое дело — не мешать ему работать да печься и заботиться о своих людях.

И Иван Михайлович пекся о чем угодно, но ни в коей мере не о лошадях. Быть может, от этого к концу года конезавод дал солидный убыток. И уже новое начальство начало догадываться, что Иван Михайлович не та фигура, которую хотелось бы видеть на посту директора завода. И опять встал вопрос: а как же быть с Иваном Михайловичем? Не пьет, в быту не разлагается, с людьми работать может, не бюрократ, а тем более не казнокрад. Да и потом человек столько лет на руководящей работе, и вдруг снимать! С чего же?

Иван Михайлович ныне возглавляет городской трест показательных ресторанов. Ровно в девять он проходит в свой кабинет, предварительно поприветствовав подчиненных, и углубляется в чтение бумаг. Не в пример другим директорам трестов его не увидишь ни в ресторане, ни в буфете.

— Кто лучше понимает, как готовить щи и шницель по-венски, я или шефы? Конечно, они,— рассуждает он,— пусть только не ленятся, варят. Чего же я им буду мешать?

Все метрдотели и повара не чают души в Иване Михайловиче. Швейцары и официанты считают его милейшим и добрейшим человеком. Но, как ни странно, кормить в ресторанах стали значительно хуже.

Поговаривают, что начальство приходит к выводу, что Иван Михайлович ровным счетом ничего не смыслит в вопросах кулинарии. Все гадают, куда же теперь будут перемещать Ивана Михайловича? Но никто и не допускает мысли, что Ивана Михайловича попросту снимут с работы.

— Позвольте! Сколько лет на руководящей работе! Ни выговора, ни взыскания. Ничем себя не скомпрометировал. Добр, честен, трудолюбив, милейший во всех отношениях человек. И вдруг милейшего-то человека снимать? За что же?

О ХИТРОМ КРЕСТЬЯНИНЕ ФАНЬ ТЬА ХАНЕ

ВЬЕТНАМСКАЯ СКАЗКА

Сто лет тому назад жил в уезде Кунь-Ньан, провинции Лай-Чау, хитрый крестьянин по имени Фань Тьа Хан.

Наступила однажды очередь этому крестьянину идти солдатом в армию, которой командовал Чиновник. Но крестьянину не хотелось умирать за Чиновника. И вот попросил он жену купить ему петуха, замесить тесто и нарвать пальмовых листьев. Взял Хан этого петуха, обмазал сырым тестом, завернул в пальмовые листья и положил в мешок.

Утром на другой день затрубил староста деревни в бамбуковую трубу. Это был сигнал. Возле его дома собрались все деревенские парни — Хан со своим мешком тоже пришел — и отправились в путь.

Долго шли, наконец, когда вся тень от человека стала умещаться под ногами, староста разрешил передохнуть. Все расселись под деревом, и каждый развернул свой мешок, чтобы поесть немного. Вынул Хан петуха, а тот испугался яркого света, закричал что было сил и кинулся бежать по дороге, только кусочки теста полетели в разные стороны.

— Ну,— вымолвил Хан,— если даже жареный петух ожил, чтобы убежать отсюда,— значит, ничего хорошего мне не будет в солдатах, и только принесу я несчастье нашему любимому Чиновнику...

Староста перепугался и разрешил Хану вернуться домой.

А Хану только того и нужно было.

В другой раз приказали хитрому крестьянину идти носильщиком на дорогу, которую строили для Чиновника. В те времена носильщиков брали по одному от каждого дома. Вот староста пришел к дому Хана и говорит:

— С твоей крыши требуется один носильщик. Завтра утром чтобы был готов!

Наутро проснулся Хан, спокойно приготовил на дорогу риса, сушеной рыбы, сухарей. Привязал все это к крыше и стал ждать.

Пришел староста, кричит:

— Эй, ты, давай скорей!

— Уже все готово,— отвечает крестьянин.

Прошло немного времени, опять прибегает староста:

— Ну, ты скоро?

— Все приготовил, все! — кричит Хан в ответ.

Еще немного времени прошло, в третий раз примчался разгневанный староста.

— Долго я буду ждать? — кричит.

Тогда Хан взобрался на крышу своего дома и принялся ее бить палкой, ломать, приговаривая:

— Я тебе все приготовил, тебя ждут все, а ты никого не посылаешь? Чиновника подводишь?! Вот я тебе!!

Староста приказал стащить Хана на землю и спросил, почему он ломает крышу.

— Ведь вы вчера пришли,— отвечает хитрый Хан,— и сказали: «От крыши — носильщика». А она не выполняет вашего приказа.

Староста начал доказывать, что он имел в виду самого Хана, но крестьянин твердо стоял на своем. Так они долго еще спорили. Староста испугался, что деревенские носильщики вообще опоздают к началу работы, махнул рукой на Хана и поторопился в дорогу.

А Хану только того и нужно было.

Жил в том же уезде человек по имени Кхон Хон. Он был помощником Чиновника и считал себя самым хитрым во всем уезде. Поэтому он решил пойти в деревню, где жил Хан, и состязаться с ним в хитрости.

Хан узнал об этом и приготовился. Он снял одну из опор амбара, отнес далеко в сторону и сам встал на ее место. Пришел Хон и спрашивает:

— Где здесь проживает хитрый крестьянин Хан?

А тот ему отвечает:

— Живет он здесь, но ушел куда-то с утра, и вам его не найти. Я бы помог вам, но опора еще не готова, и мне нельзя отойти: амбар развалится. Вот если бы вы постояли вместо меня немножко, я бы сразу его нашел.

Хон согласился, и Хан ушел. Он целый день бродил по деревне, разговаривал с соседями, поработал немного на поле, отдохнул дома. А Хон все стоял, так как боялся, что если отойдет, амбар рухнет на него. Только поздно вечером возвратился к амбару Хан. Он поставил на место опору и все рассказал Хону. Тот признал себя побежденным, воротился домой и уж больше никогда не пробовал перехитрить Хана.

Наконец слухи о необыкновенном уме Хана достигли самого Чиновника. Он приказал привести к себе Хана и сказал:

— Ты, я слышал, всех обманываешь и доставляешь этим всем много беспокойства. Ты даже хвастаешь, мне говорили, что можешь перехитрить любого. За это тебя следует арестовать. Но я хочу прежде доказать тебе, что ты можешь обманывать только простых людей, а Чиновника тебе провести не удастся. Даю тебе час времени. За этот час ты должен перехитрить меня. Если не перехитришь, прикажу арестовать тебя и повесить за хвастовство.

Хан согласился. Чиновник сидел, как обычно, на корточках на высоком столе. Крестьянина же он посадил на пол и даже не постелил циновки. Так они сидели друг против друга некоторое время, наконец Хан сказал:

— Я попробую перехитрить вас. Но не знаю, выйдет ли это, потому что я в невыгодном положении: вы сидите на столе, а я — на полу. Сядьте со мной рядом, тогда я смогу попробовать.

Чиновник подумал-подумал, слез со стола и уселся рядом с Ханом на полу.

Опять немного помолчали. Потом Хан говорит:

— Нет, придется, видно, вам снова сесть на свое место, а то вдруг войдет какой-нибудь гость и увидит, что Чиновник сидит на полу рядом с простым крестьянином. Вам будет неудобно.

Чиновник подумал-подумал и снова забрался на стол. Прошло еще некоторое время. Наконец Чиновник не вытерпел:

— Когда же ты начнешь меня обманывать?!

— Уже,— спокойно ответил Хан.

— Что уже?

— Уже обманул.

— Но ты же ничего не делал!

— Да, я ничего не делал, а вы за это время дважды по моему приказу меняли свое место.

Чиновник подивился такой хитрости и приказал Хану стать у него слугой. Хан подчинился, но ничего не делал в доме Чиновника, а только ел много и спал.

Однажды Чиновник отправился куда-то по своим делам. В дороге ему захотелось пить. Он приказал Хану пойти в джунгли, срубить трубку молодого бамбука и налить в нее воды. Хан взял острый нож и срубил одно колено бамбука, но так, что на срезе образовались три острия. Чиновник попытался выпить из бамбука воду, но только накололся и закричал:

— Как ты смеешь так срезать бамбук, что из него напиться невозможно?!

— А я думал,— отвечает Хан,— что Чиновник все может. А он не может даже напиться воды без помощи простого крестьянина.

— Вон отсюда! — рассвирепел Чиновник.— Чтобы я тебя больше здесь не видал! Возвращайся в свою деревню!

А Хану только того и нужно было.

Записал Б. ГАЛОВ.

г. Туан-Чау. Вьетнам.

ТУРНИР НАЦИЙ

На заседании Центрального комитета Международной шахматной федерации.

Фото Г. Санько.

Если побывать в гостях у советских гроссмейстеров, то бросится в глаза, что их квартиры украшены многочисленными сувенирами и трофеями — свидетельствами блестящих успехов советской шахматной школы. Различные шахматные значки, вплоть до золотых медалей, напоминают о многих победах наших шахматистов в разных частях света.

Один из важнейших трофеев — он завоеван сборной командой СССР,— конечно, кубок командного чемпиона мира. Этот кубок за годы своего существования побывал в Варшаве, Берлине, Белграде, четыре раза в Нью-Йорке и два раза в Будапеште.

Начиная с X олимпиады, в 1952 году в Хельсинки, на кубке выгравировано название новой страны — чемпиона мира — СССР, команда которого впервые участвовала в шахматной олимпиаде, или, как ее иногда называют, в «турнире наций». Свое почетное звание сборная Советского Союза успешно защитила и на следующей, XI олимпиаде, в Амстердаме в 1954 году.

Наши гроссмейстеры полушутя говорят, что неплохо бы кубок командного чемпиона мира прописать в Москве постоянно, тем более, что теперь для него есть замечательное помещение в центре города, на Гоголевском бульваре, 14. Здесь в симпатичном особняке открыт Центральный шахматный клуб. Так же, как недавно спортсмены многих стран восторженно отзывались о стадионе в Лужниках, теперь представители шахматного искусства нескольких десятков стран, гостящие в нашей столице, единодушно заявляют, что «Москва и тут задает тон»: такого красивого шахматного клуба нет нигде. В его уютных помещениях проводился очередной конгресс международной шахматной организации — ФИДЭ. Президент ФИДЭ господин Ф. Рогард сказал: «Этот конгресс мы впервые проводили «в своем доме».

Конгресс ФИДЭ был только торжественной увертюрой. Этой осенью в нашей стране проводятся многие выдающиеся соревнования — шахматная олимпиада мира, матч-турнир на первенство мира среди женщин, международные турниры памяти А. Алехина. Если спортсмены уже одной ногой в Мельбурне, то шахматисты всех стран, хотя бы мысленно,— в Москве.

Шахматисты — народ вежливый, и естественно, что они первое слово предоставили женщинам. В результате напряженной борьбы, после ряда отборочных турниров, первенство мира среди женщин разыгрывается в матч-турнире трех: Е. Быковой, О. Рубцовой (Москва) и Л. Руденко (Ленинград). Несложна задача главного арбитра матч-турнира шведа Ф. Андерсона. В любом случае он уже может готовить речь, в которой поздравит представительницу Советского Союза с победой. Стоит ли волноваться нам, советским шахматным болельщикам? Понятно, что волнений будет меньше, чем при международном составе матча, но все же предстоит напряженная спортивная борьба, и любопытно: будет чемпионкой москвичка или ленинградка, представительница «Буревестника», «Спартака» или «Зенита»?

Интересы и задачи самих участниц матча также весьма различны. Е. Быкова — чемпионка мира и, конечно, желает остаться ею. Л. Руденко была чемпионкой и, понятно, хочет вернуть это приятное звание. Ну, а О. Рубцова говорит: «Я еще не была чемпионкой. Так что «в порядке очереди»...

Чьи «прогнозы» окажутся более справедливыми, говорить еще рано.

Даже для избалованного болельщика XII шахматная олимпиада является настоящим праздником, своеобразным шахматным фестивалем. Московская олимпиада — рекордная по количеству участников. Следить одновременно за семьюдесятью шахматными столиками — таких «забот» еще никогда не было у москвичей.

И москвичи и весь шахматный мир удивлены отсутствием на олимпиаде команды США. Не впервые приходится видеть иронические улыбки, когда объявляют о причине отказа команды США приехать на соревнование: «Нет денег!» Команда маленькой Исландии прилетела в Москву, а в США так и не смогли изыскать средств для отправки шести шахматистов из Нью-Йорка в Москву!

В прошлом году американские друзья прилетели в нашу столицу и предприняли энергичную попытку победить команду Советского Союза. Сборная команда США, как известно, проиграла со счетом 25 : 7. После матча некоторые американские шахматисты в шутку, как нам казалось, говорили: «Напрасно вы нас так разгромили, вы потеряли партнера. Больше мы с вами играть не будем». Теперь мы можем думать, что это было сказано не в шутку, а всерьез. И если бы у команды США было больше шансов завоевать в турнире кубок чемпиона мира, то в Америке нашлись бы деньги на дорогу в Москву.

Все же отсутствие команды США не может испортить праздничное настроение шахматистов. Шахматное искусство переживает свой золотой век. Все больше и больше развивается шахматная игра в странах Азии и Африки. Впервые в истории «турниров наций» мы видим в Москве представителей Египта и Монголии. Мы встречаем здесь шахматистов Ирана. Москва — вторая родина шахмат — приветствует шахматистов великой Индии — родины шахмат.

Мировая шахматная печать предсказывает победу на олимпиаде команде СССР. Не будем возражать против такого «прогноза», заметим лишь, что каждую победу надо завоевать в борьбе. В наше время на международных шахматных состязаниях нет «детей», теперь в шахматы все научились играть, как вполне взрослые, зрелые мужи!

На огромной сцене Центрального театра Советской Армии за десятками столиков — сильнейшие шахматисты мира. Началась серьезная, упорная борьба.

Можно ожидать всяческих «сюрпризов» — от шахматистов знойной Аргентины, сильной команды Югославии, темпераментных венгров, упорных чехов, талантливых исландцев, спокойных шведов и многих других...

Каковы задачи нашей команды? Она будет «только защищаться», защищать свое высокое звание чемпиона мира. Но всем хорошо известно, что защищаются советские шахматисты весьма активно!

В составе нашей команды М. Ботвинник, В. Смыслов, П. Керес, Д. Бронштейн и запасные — М. Тайманов, Е. Геллер. Не плохой состав, не правда ли?

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер.

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин японских художников Хиросига, Утамаро, Хокусая и Кейсая Эйсэна и четыре страницы цветных фотографий.

ВЬЕТНАМСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Неторопливый слон раньше достигнет цели, чем резвый жеребец.

Слониха вынашивает детеныша долго, но зато рожает слона.

Поскользнувшийся на арбузной корке обходит кожуру кокоса.

В темноте — темнеешь, на свету — светлеешь.

Поживешь в тыкве — станешь круглым, поживешь в бамбуке — станешь длинным.

На соседа смотришь во все глаза, а на себя — опустивши веки.

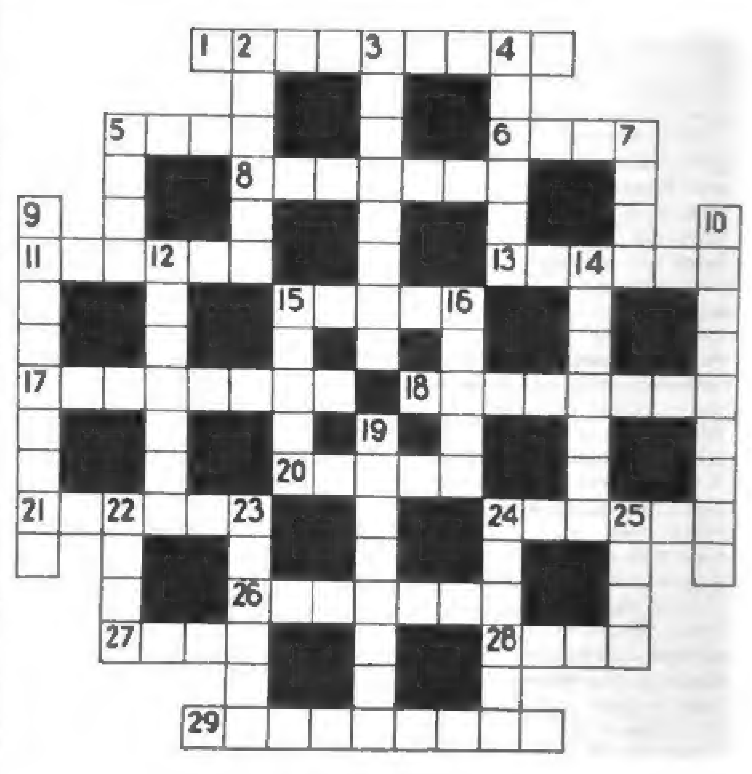
От прямого дерева — прямая тень.

Побои не заменят пищу слуге.

Прежде чем сказать, поверни язык семь раз.

Тонущий хватается за водяной пузырек.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Медицинская наука. 5. Полуостров на юге СССР. 6. Денежная единица Японии. 8. Часть света. 11. Млекопитающее, покрытое иглами и шерстью. 13. Выступ здания. 15. Забава. 17. Центр Ямало-Ненецкого национального округа. 18. Рассказ из «Записок охотника» И. С. Тургенева. 20. Поэма А. Мицкевича. 21. Травянистое растение. 24. Холодное оружие. 26. Охотничья собака. 27. Горбатый бык. 28. Совокупность практически усвоенных знаний, навыков. 29. Документ.

По вертикали:

2. Название артиллерийского орудия при Дмитрии Донском. 3. Текст большого музыкально-вокального произведения. 4. Древнегреческая поэма. 5. Финский писатель XIX века. 7. Таджикский советский писатель и ученый. 9. Государство в Южной Америке. 10. Советский педагог и писатель. 12. Уверенность в добросовестности, искренности. 14. Озеро на Валдайской возвышенности. 15. Количество электричества, содержащееся в данном теле. 16. Народ тюркской языковой группы. 19. Белорусский танец. 22. Ветер. 23. Стеклянная трубка для хранения лекарства. 24. Домашнее животное. 25. Кондитерское изделие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали:

3. Карел. 6. Результат. 9. Трансильвания. 14. Зурга. 16. Скунс. 18. Пилотаж. 21. Калган. 22. Ломбок. 23. Обязанность. 24. Диплом. 25. Таллий. 26. Анадырь. 29. «Мечты». 30. Брест. 31. Микробиология. 36. Индокитай. 37. Разин.

По вертикали:

1. Гафуря. 2. Сельдь. 4. Рейн. 5. Лача. 7. Тригонометрия. 8. Физкультурник. 10. Сочи. 11. Виза. 12. Бухгалтер. 13. Анималист. 15. «Рогнеда». 17. Тапир. 18. «Пряха». 19. Жесть. 20. Болид. 27. Немо. 28. Ринл. 32. Руна. 33. Баобаб. 34. Овидий. 35. Овал.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 11131. Подписано к печати 29/VIII 1956 г. Формат бум. 70 × 108½. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 772. Заказ № 2229.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Веселый запевала — советский паренек

Музыка Анатолия НОВИКОВА.
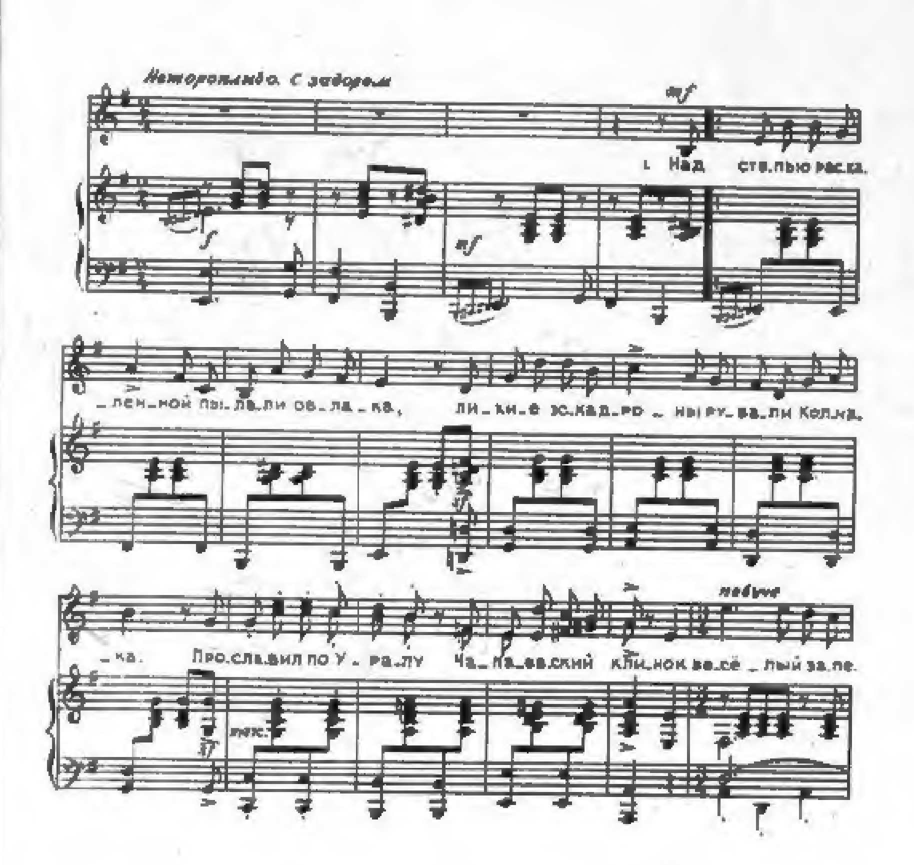
Стихи Владимира ГУРЬЯНА.
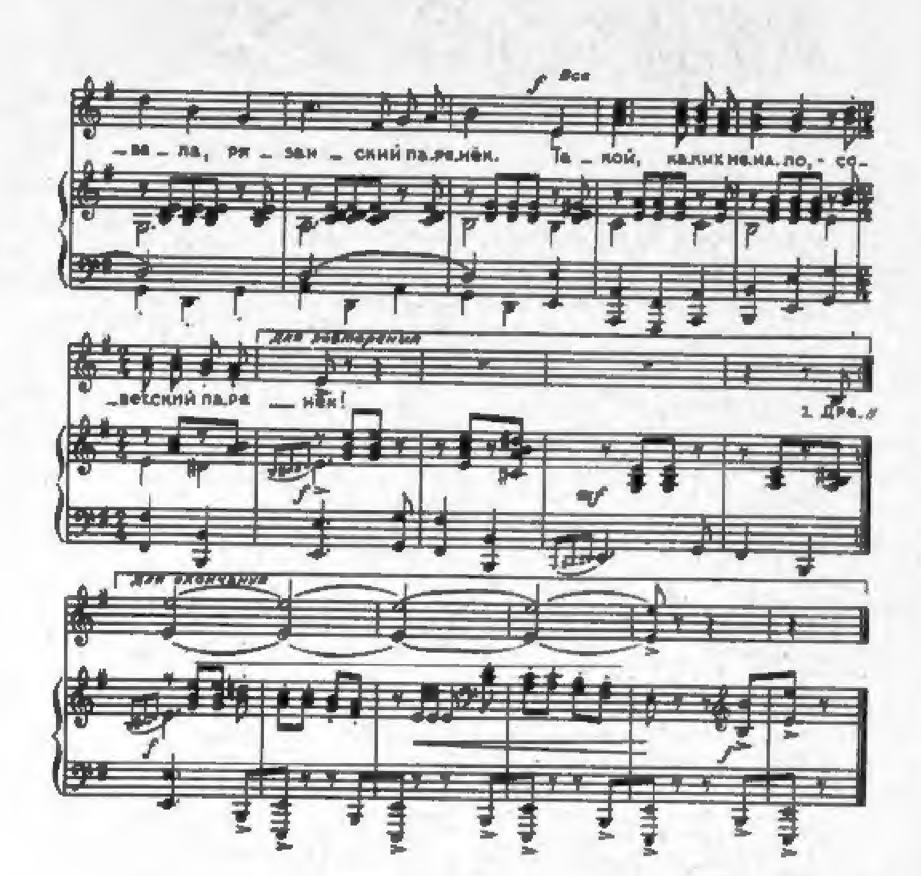
Над степью раскаленной пылали облака,
Лихие эскадроны рубали Колчака...
Прославил по Уралу чапаевский клинок
Веселый запевала — рязанский паренек,
Такой, каких немало,— советский паренек!

Дремала, брови хмуря, сибирская тайга,
Гуляла в Приамурье свирепая пурга.
Где вьюга бушевала, построил городок
Веселый запевала — полтавский паренек,
Такой, каких немало,— советский паренек!

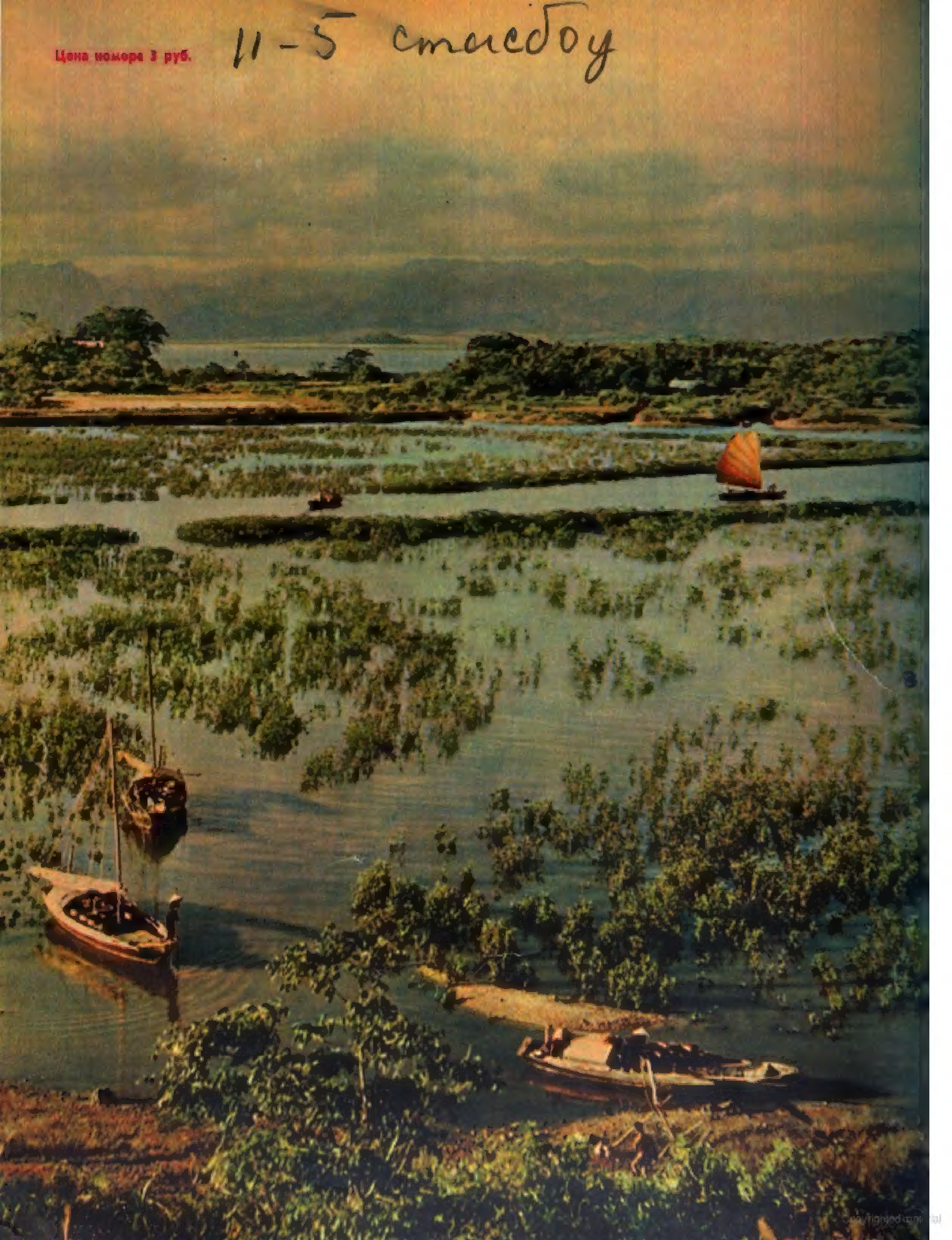
В окопах Сталинграда не дрогнул наш солдат,
Прорвался сквозь блокаду, спасая Ленинград,
Всем обер-генералам хороший дал урок
Веселый запевала — иркутский паренек,
Такой, каких немало,— советский паренек!

...Любимая Отчизна путевку нам дала
На стройку коммунизма, на славные дела.
Спешит со [redacted] север, на восток
Веселый запевала — безусый паренек,
Такой, каких немало,— советский паренек!..

По зову партии—на стройки шестой пятилетки!

Цена номера 3 руб.